

ISSN 2221-2698

электронный научный журнал
«Арктика и Север»

ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М.В.Ломоносова»

Редакция электронного научного журнала
«Арктика и Север»

Архангельск

DOI 10.17238/issn2221-2698.2016.25

ISSN 2221-2698

Арктика и Север / Arctic and North. 2016. № 25. CC BY-SA

© Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 2016

© Редакция электронного научного журнала «Арктика и Север», 2016

Журнал «Арктика и Север» зарегистрирован в Роскомнадзоре как электронное периодическое издание на русском и английском языках, свидетельство Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 г.; в Научной электронной библиотеке eLIBRARY, РИНЦ, лицензионный договор № 96-04/2011R от 12 апреля 2011 г.; научной электронной библиотеке «КиберЛенинка» (2016); в базах данных: Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, США (2013); NSD, Норвегия (2015); InfoBase Index, Индия (2015); ERIH PLUS, Норвегия (2016). Выходит в свет не менее 4 выпусков в год, опубликовано 25 номеров в 2011—2016 гг.

Учредитель — ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова». Главный редактор — Лукин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор. Все номера журнала находятся в свободном доступе в Интернете на русском и английском языках. Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей, декларация об этике опубликованы на сайте: <http://narfu.ru/aan/rules/>

Журнал публикует статьи, в которых объектом исследования являются Арктика и Север, по: 08.00.00 Экономические науки; 22.00.00 Социологические науки; 23.00.00 Политология; 24.00.00 Культурология. Плата с авторов, в том числе с аспирантов и студентов, за публикацию статей не взимается. Гонорары не выплачиваются. Все рукописи рецензируются. Редакция рассматривает факт направления и получения авторских рукописей как передачу авторами своих прав на публикацию в журнале «Арктика и Север» и размещение в базах данных, включая РИНЦ, DOAJ и другие, что способствует продвижению публикационной активности авторов и отвечает их интересам.

The journal "Arctic and North" is registered at Roskomnadzor as an internet periodical issued in Russian and English, Registration certificate EI № FS77-42809, November 26, 2010; at the system of the Russian Science Citation Index (RSCI), license contract № 96-04/2011R, April 12, 2011; Scientific Electronic Library "Cyberleninka" (2016); in the catalogs of international databases: Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, USA (2013); NSD, Norway (2015); InfoBase Index, India (2015); ERIH PLUS, Norway (2016). The Journal is issued not less than 4 times per year; 25 issues were published in 2011—2016.

The Founder — Lomonosov Northern (Arctic) Federal University. Editor-in-Chief — Yury Fedorovich Lukin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of the higher education of the Russian Federation. All journal issues are available free of charge in Russian and English. Rules and regulations on submission, peer reviews, publication and the Declaration of Ethics are available at: <http://narfu.ru/aan/rules/>

The Journal is devoted to the scientific articles focused on the Arctic and the North relevant for the following professional degrees: 08.00.00 Economics; 22.00.00 Sociology; 23.00.00 Political science; 24.00.00. Culturology. No payments for publication are collected from authors, including students and post-graduate students. Honorariums are not paid. All manuscripts are reviewed. The Editorial Board considers receiving of the manuscripts as an authors' transfer of rights to be published in "Arctic and North" and be placed in the databases, including RSCI and DOAJ, that assists and promote the publishing activity of the authors and is in authors' interests.

Our English webpage is located at: <http://narfu.ru/en/research/journals/ann/>

We will be glad to see you among the authors of "Arctic and North"!

Содержание. Contents

ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, СОЦИУМ И КУЛЬТУРА
ECONOMICS, POLITICAL SCIENCE, SOCIETY AND CULTURE

Sandi Lansetti The “keep in the ground future” of Arctic fossil fuel resources Лансетти С. Будущее арктических запасов ископаемого топлива — оставаться в земле	5
Jukka Nyysönen A cosmopolitan, Sami-friendly scholar? Väinö Tanner on the best way to treat the Sami Нюссонен Ю. Дружественный саамам учёный-космополит? Вяйнё Таннер о наилучшем способе обращения с саамами	23
Астахова И.С., Жданова Л.Р. Геологическое наследие академических экспедиций на арктическом побережье Европейской части России Irina S. Astakhova, Liliya R. Zhdanova The geological heritage of academic expeditions on the Arctic coast of European Russia	40
Бабёнышева К.С. Этнодемографические процессы среди саамов современной Норвегии Kseniia S. Babenysheva Ethnodemographic processes among the Sami of modern Norway	53
Голомидова П.С., Сабуров А.А. Государственная политика в отношении коренных народов Аляски: исторический обзор и современные проблемы Polina S. Golomidova, Aleksander A. Saburov State policy towards indigenous peoples of Alaska: historical review and contemporary issues	61
Кондраль Д.П., Морозов Н.А. Изучение Арктической зоны Российской Федерации: опыт политологического анализа Dmitry P. Kondral, Nikolai A. Morozov Studying the Russian Arctic: the experience of political analysis	78
Котлова Е.С. В поисках баланса: шведская модель этнической политики на современном этапе Ekaterina S. Kotlova Searching for balance: Swedish ethnic policy model today	87
Медведева О.Е., Вакула М.А. Методика отбора инвестиционных проектов ликвидации накопленного вреда окружающей среде в Арктической зоне России на основе анализа затрат и выгод Olga E. Medvedeva, Marina A. Vakula Technique of the selection of investment projects for elimination of accumulated damage to the environment in the Russian Arctic based on cost-benefit analysis	108
Мелкая Л.А. Возможности социального проектирования в аспекте подготовки детей-северян с особыми потребностями к взрослой самостоятельной жизни Lia A. Melkaya The possibility of social planning in the aspect of training children-northerners with special needs to independent adult life	123
Минчук О.В. Этнонациональная политика Республики Коми: нормативное и инфраструктурное обеспечение Oleg V. Minchuk Ethnonational policy of the Komi Republic: normative and infrastructural support	137

Смирнова О.О., Липина С.А., Кудряшова Е.В., Крейденко Т. Ф., Богданова Ю.Н. Формирование опорных зон в Арктике: методология и практика Olga O. Smirnova, Svetlana A. Lipina, Elena V. Kudryashova, Tatyana F. Krejdenko, Yulia N. Bogdanova Formation of the support zones in the Arctic: methodology and practice	148
Соколова Ф.Х. Миграционные процессы в Российской Арктике Flera H. Sokolova Migration processes in the Russian Arctic	158
Шишацкий Н.Г., Брюханова Е.А., Ефимов В.С., Матвеев А.М. Стратегическое позиционирование Арктического региона как объекта территориального развития (на примере Хатангско-Анабарского региона) Nikolay G. Shishatskiy, Elena A. Bryukhanova, Valery S. Efimov, Alexander M. Matveev Strategic positioning of the Arctic region as an object of territorial development (on the example of the Hatangsko-Anabarsky region)	173

ОБЗОРЫ. REVIEWS

Горнова А.М. О состоянии рыболовства в арктических акваториях Anna M. Gornova Review of fishing in Arctic waters	196
Лукин Ю.Ф. Арктический туризм в России Yury F. Lukin Arctic tourism in Russia	211

РЕЗЮМЕ. SUMMARY

Авторы, аннотации, ключевые слова / Authors, abstracts, keywords	217
Редакционный совет журнала «Арктика и Север» / Editorial board of "Arctic and North" journal	225
Выходные данные / Output data	227

ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, СОЦИУМ И КУЛЬТУРА ECONOMICS, POLITICAL SCIENCE, SOCIETY AND CULTURE

УДК 332.1 + 504

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.5

The “keep in the ground future” of Arctic fossil fuel resources

© **Sandi Lansetti**, PhD student in Science and Management of Climate Change, Department of economics and Department of environmental sciences Università Ca' Foscari, Venezia. E-mail: sandi.lansetti@unive.it

Abstract. It is extremely important to understand which role Arctic fossil fuel resources will play in the development and geopolitics of the Arctic region. The article analyses the recent trends in the world energy supply with special focus on renewable energy and future demand for fossil fuels. Focusing on the Arctic LNG projects it comes to the conclusion that there is a growing possibility that the majority of Arctic oil and natural gas will be kept in the ground. Such an outcome would strongly influence the sustainable development and geopolitics of the region.

Keywords: *Arctic fossil fuels, renewable energy, carbon budget, oil and gas demand, transport electrification, Yamal LNG, International cooperation*

Будущее арктических запасов ископаемого топлива — оставаться в земле

© **Санди Лансетти**, аспирант кафедры естественных наук и управления климатическими изменениями факультета экономики и факультета изучения окружающей среды университета Ка' Фоскари Венеция. E-mail: sandi.lansetti@unive.it

Аннотация. Чрезвычайно важно понимать, какую роль арктические запасы ископаемого топлива будут играть в развитии и геополитике Арктического региона. В статье анализируются последние тенденции в мировой энергетике с особым акцентом на возобновляемые источники энергии, рассматривается спрос на ископаемые виды топлива в будущем. Особое внимание уделяется арктическим СПГ-проектам. По мнению автора, существует высокая вероятность того, что запасы большей части арктической нефти и природного газа так и останутся в недрах земли, что окажет заметное влияние на развитие и геополитику региона.

Ключевые слова: *арктическое ископаемое топливо, возобновляемая энергия, бюджет углерода, спрос на нефть и газ, электрификация транспорта, Ямал СПГ, международное сотрудничество*

Повышенное внимание международного сообщества и средств массовой информации к арктическому региону до недавнего времени было обусловлено наличием разведанных запасов природных ресурсов, особенно нефти и газа. Подавляющее большинство актуальных публикаций ссылаются на знаменитый Геологический обзор США, 2008 [1]. Наличие огромных, ещё не открытых арктических запасов ископаемого топлива является одним из самых сильных аргументов в пользу их разработки. Однако, по ряду причин и по мнению многих авторов, как, например, Charles Emmerson [2, с. 169–193], Nong Hong [3, с. 103–133], Christian Le Mièrre и Jeffrey Mazo [4, с. 45–55], существуют факторы, указывающие на то, что наличие запасов нефти и газа на арктическом шельфе не сыграет свою решающую роль в

экономике и геополитике Арктики, да и в мировой энергетике. Это, несомненно, приведёт к снижению экономической и геополитической значимости региона. Развитие нефтяного и газового сектора оказывает (и могло бы оказать) заметное влияние на некоторые северные регионы. Но интенсивная разработка и добыча арктической нефти и газа в широком региональном масштабе ещё не начиналась. Арктические шельфовые проекты оказывают наиболее сильное воздействие на экосистемы и взаимоотношения в регионе вследствие суровых условий окружающей среды и возможных приграничных проблем, которые в данной статье рассматриваться не будут.

Главные трансформации на энергетическом рынке

В данной статье анализируются некоторые недавние события, особенно в газовом секторе, и рассмотрен ряд причин, позволяющих сделать вывод о том, что Арктика не является местом гонки энергетических ресурсов среди арктических и сопредельных стран. В настоящее время рынки нефти и газа стали невероятно гибкими, как считают многие аналитики, имея в виду появление быстро добываемой сланцевой нефти¹. Кроме того, рост использования технологии сжижения природного газа привёл к нарушению долгосрочной системы строительства трубопроводов и уменьшил неравенство в переговорных возможностях, ослабляя переговорную позицию поставщиков. Более того, страны с развитой экономикой претерпели значительное снижение удельного энергопотребления по сравнению с растущей энергоинтенсивностью Китая. Энергоёмкость мировой экономики снизилась на 2,3% в 2014 г., что более чем в 2 раза выше среднего уровня падения в течение последнего десятилетия². Это также ограничит будущий спрос на нефть и газ.

Вслед за улучшениями в сфере энергоёмкости и энергоэффективности следует крайне быстрое развитие сектора возобновляемых источников энергии, который в настоящее время играет ключевую роль в глобальном энергетическом планировании и наращивании энергопотенциала и будет иметь такое же значение в будущем. Надвигающаяся революция в транспортном секторе с электрификацией транспортных средств, экономикой совместного потребления и улучшениями в сфере накопления энергии будет постепенно способствовать снижению спроса на ископаемые виды топлива в ближайшем будущем.

¹ From the horse's mouth: The new oil order is radically different from the old one. URL: <http://www.energypost.eu/horses-mouth-new-oil-world-radically-different-old-one/> (дата обращения 05.05.2016). The New Oil Order. URL: <http://www.bloomberg.com/news/videos/2015-08-25/the-new-oil-order> (дата обращения: 05.05.2016).

² IEA Special Report Energy and Climate Change. 2015. P. 11. URL: www.iea.org/publications/freepublications/publication/WEO2015SpecialReportonEnergyandClimateChange.pdf (дата обращения 06.05.2016)

*Мир переживает энергетическую революцию, которая полностью изменит способы производства и использования энергии. Возобновляемые источники энергии имеют много преимуществ вследствие своей экономической эффективности и конкурентоспособности и уже достигли сетевого паритета с традиционным ископаемым топливом во многих частях мира. В таких странах, как Германия и Великобритания, электричество, производимое на ветряных наземных электростанциях, является самым дешёвым с точки зрения производства*³. В соответствии с прогнозом агентства Bloomberg на энергоносители: «К 2040 году всемирная энергосистема будет преобразована от нынешней современной системы, состоящей на две трети из источников ископаемого топлива, к одной трети и 60% источников энергии с нулевым уровнем выбросов. Возобновляемые источники будут охватывать чуть менее 60% от 9,786 ГВт новых генерирующих мощностей и две трети всего \$ 12,2 трлн инвестиций»⁴.

Возобновляемые источники энергии также являются одним из ключевых элементов в международной борьбе всех стран мира за ограничение климатических изменений. Недавнее парижское соглашение COP21, принятое в декабре 2015 г., вероятно, даст дополнительный импульс развитию возобновляемых источников энергии, с целью ограничения выбросов парниковых газов. Не менее важным является бюджет углерода и требуемый предел концентрации углекислого газа в размере 450–500 мг/м³ для того, чтобы повышение температуры не преодолело два градуса по сравнению с доиндустриальной эпохой⁵. Для осуществления этой цели определённое количество разведанных запасов ископаемого топлива должны оставаться в недрах земли. Крупные нефтяные компании это признают: например, недавно французская компания Total приняла решение инвестировать в развитие возобновляемых источников энергии, и стратегии роста компании базируются на основе «2 С°- сценария»⁶.

Конкуренция за арктические углеводороды маловероятна

Географическая удалённость арктического региона, трудности в создании там инфраструктуры и два недавних падения цен на энергоносители, одно из которых всё ещё продолжается с мая 2015 г. — все эти сильные доводы используются против осуществления широко-

³ Solar and Wind Just Passed Another Turning Point. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-10-06/solar-wind-reach-a-big-renewables-turning-point-bnef> (дата обращения: 06.05.2016).

⁴ Bloomberg New Energy Outlook. 2015. URL: <http://www.bloomberg.com/company/new-energy-outlook/> (дата обращения: 06.05.2016).

⁵ В соответствии с отчётом МГЭИК 2014, повышение средней температуры у поверхности земли к концу XXI в. (2081-2100), вероятно, будет от 0.3°C до 1.7°C при RCP 2.6 (430-480 г/т углекислоты) по сравнению с 1986-2005, когда температура повысилась от 1.1°C до 2.6°C при RCP4.5 (480-530 г/т). URL: https://www.ipcc.ch/pdf/assessment-report/ar5/syr/AR5_SYR_FINAL_SPM.pdf pp.9 (дата обращения: 06.05.2016).

⁶ Calcuttawala, Z. Total Jumps On Renewables Bandwagon, Announces Ambitious Goals. URL: <http://oilprice.com/Latest-Energy-News/World-News/Total-Jumps-On-Renewables-Bandwagon-Announces-Ambitious-Goals.html> (дата обращения: 25.05.2016)

масштабной добычи ресурсов в Арктике. Доминирующие аргументы в пользу добычи нефти, применяемые в последние годы, были оспорены наличием ожесточённой ценовой конкуренции и ростом сопутствующих расходов, препятствующим постоянно растущим ценам на нефть доминировать на энергетическом рынке. Характерные для Арктики мегапроекты становятся всё менее и менее привлекательными⁷.

Расчётные запасы нефти и газа арктического шельфа по всем вышеуказанным причинам не обладают достаточной ценностью, чтобы различные страны вступили в борьбу с целью получения прав на их добычу и установления над ними контроля. Эксплуатация этих месторождений очень дорога, и подавляющее большинство из них расположены внутри уже установленных национальных границ или в особых экономических зонах.

Дальнейшим свидетельством против активной добычи нефти и газа, несомненно, является недавнее решение ряда крупных нефтяных компаний покинуть американский сектор Арктики и отказаться от прав на производство буровых работ в этом регионе⁸. Более того, по причине возникающих климатических и экологических проблем президент США Обама после семи лет упорной борьбы положил конец дальнейшему строительству трубопровода XL Keystone, посредством которого канадская нефть из нефтеносных песков доставлялась бы на американский рынок⁹.

Арктика также является территорией, на которой знания и технологии тестируются до предельных величин, поэтому некоторые страны и особенно Россия, которая также является крупным игроком в Арктике, не имеют достаточных технологических и финансовых ресурсов для самостоятельной и эффективной работы по развитию крупных арктических проектов в больших масштабах¹⁰ [5, Henderson J., Loe J., с. 22–39]. Недавние международные санкции, введённые против России, были сосредоточены в том числе и на арктических оффшорных проектах. Они предусматривали запрет западным компаниям на участие в работах либо на

⁷ Oil Producers Curb Megaprojects Ambitions to Focus on U.S. Shale. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-10-29/oil-producers-curb-megaproject-ambitions-to-focus-on-u-s-shale> (дата обращения: 05.05.2016).

Oil Megaprojects Won't Stay On The Shelf For Long URL: <http://oilprice.com/Energy/Energy-General/Oil-Megaprojects-Wont-Stay-On-The-Shelf-For-Long.html> (дата обращения: 06.05.2016).

⁸ Dlouhy, J.A. Big Oil Abandons \$2.5 Billion in U.S. Arctic Drilling Rights. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-05-10/big-oil-abandons-2-5-billion-in-u-s-arctic-drilling-rights> (дата обращения: 10.05.2016)

⁹ Eilperin, J. and Mufson, S. Obama rejects Keystone XL project, citing U.S. climate leadership URL: <https://www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2015/11/06/obama-set-to-reject-keystone-xl-project-citing-climate-concerns/>; Dorning, M. and Drajem, M. Obama's Keystone Rejection Strengthens His Hand at Climate Talks. URL: <http://www.bloomberg.com/politics/articles/2015-11-06/obama-said-to-reject-keystone-project-win-for-environmentalists> (дата обращения: 06.05. 2016)

¹⁰ Мордюшенко О. Буровая угроза. URL: <http://kommersant.ru/doc/2811635> (дата обращения: 06.05.2016)

передачу технологий в этом секторе¹¹. С большой долей вероятности сотрудничество по экологическим и другим вопросам в Арктике будет продолжаться, и энергетические ресурсы не станут причиной повышенной геополитической напряжённости. Но большое количество запасов нефти и газа в регионе так и останется нетронутым в недрах земли.

Арктический газовый сектор

Хотя нефть всё ещё считается более привлекательной в краткосрочной перспективе, тем не менее природный газ играет доминирующую роль в энергетических запасах арктического региона. Природный газ имеет более низкие выбросы CO₂ на единицу энергии¹² и, следовательно, рассматривается многими в качестве переходного источника топлива на пути к будущей экономике с нулевыми выбросами в атмосферу. Растущий рынок СПГ с его гибкими возможностями по транспортировке будет способствовать спросу на природный газ в будущем. Американская Арктика богаче нефтью, и, например, газонефтяное месторождение близ поселения Прадхо-Бей на Аляске в США, до сих пор работает в течение почти 40 лет после его разработки и строительства Транс-Аляскинской трубопроводной системы в 1977 г., несмотря на нефтяной кризис 1973 г.

Анализируя отчёт Геологической службы США (USGS, 2008), Филип Буджик сделал вывод, что арктические запасы нефти и природного газа распределены неравномерно среди континентов. «Запасы Евразии составляют около 63% от общего объёма арктической ресурсной базы, в то время как Северная Америка имеет около 36%. На долю запасов преимущественно природного газа и газоконденсата приходится около 88% от общих евразийских запасов. Североамериканская часть Арктики, по приблизительным оценкам, располагает порядка 65% неразведанных запасов арктической нефти и только 26% арктического природного газа». 43 из 61 крупных арктических месторождений были расположены в то время в России. Из 18 крупных арктических месторождений за пределами России: 6 находилось на Аляске, 11 — в Канаде, Северо-Западные территории и 1 — в Норвегии [6, Budzik P.]. По дан-

¹¹ Предписание 4, выпущенное в соответствии с правительственным постановлением 13662, запрещает предоставление, экспорт или реэкспорт товаров, услуг (за исключением финансовых), или технологий американскими гражданами или из США с целью разработки или производства нефти на арктическом шельфе, или для проектов по добыче сланцевой нефти, имеющих высокий потенциал добычи нефти в РФ, или для работ в морских приграничных районах, заявленных от имени и на территории РФ. Под действие этого запрета попадают: «Газпром», «Газпром нефть», «Лукойл», «Сургутнефтегаз» и «Роснефть». Этот шаг дополняется мерами ЕС, препятствующими использованию западных технологий. В то время как эти санкции не нацелены и не влияют на текущие поставки энергии из России и не препятствуют российским компаниям продавать нефть и газ в любую страну, они делают дальнейшее развитие долгосрочных, технически сложных будущих проектов затруднительным.

¹² 117 Pounds of CO₂ emitted per million British thermal units (Btu) of energy compared to 157.2 for gasoline, 161.3 for diesel fuel and about 215 for coal URL: <https://www.eia.gov/tools/faqs/faq.cfm?id=73&t=11> (дата обращения: 06.05.2016).

ным С.Е. Донского в 2016 г. на территории Арктической зоны РФ открыты 340 месторождений нефти и газа, из них 33 — на арктическом шельфе¹³.

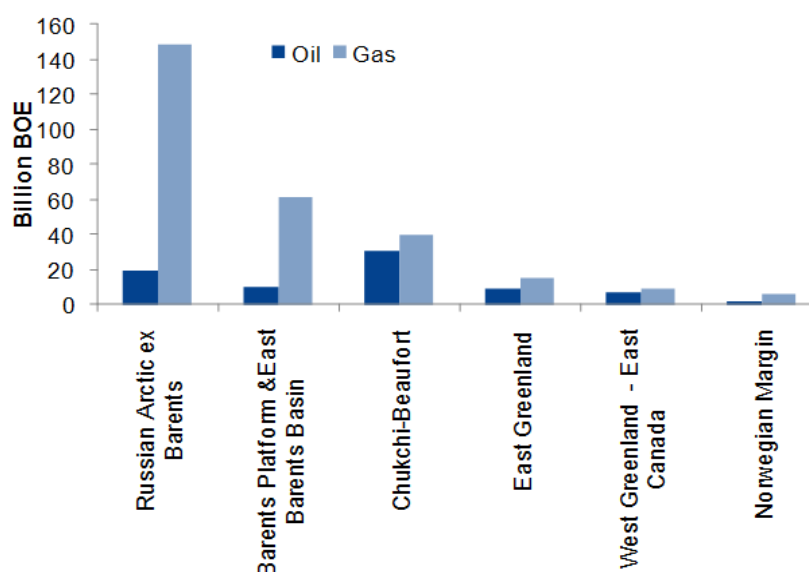
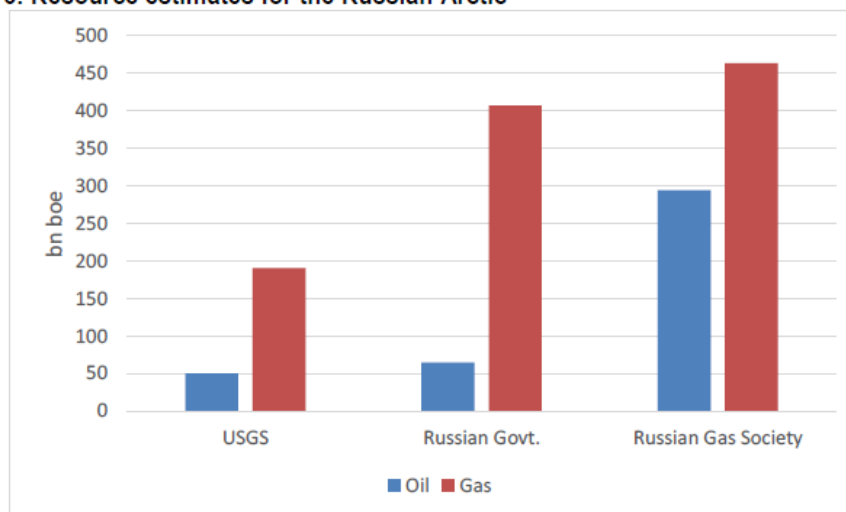

Рисунок 1. Геологическая служба США. Перспективы и проблемы развития арктического нефтяного сектора¹⁴.

По данным Российского министерства энергетики (Минэнерго), запасы следующие: 13 млрд тонн нефти и 87 трлн. кубических метров природного газа¹⁵, в то время как другие источники указывают, что запасы нефти выше, как можно видеть из приведённого графика:

Figure 6: Resource estimates for the Russian Arctic

Sources: USGS (2008), Skolkovo Energy Centre (2012) and Voice of Russia.

Рисунок 2. Перспективы и проблемы развития арктического нефтяного сектора.
Источник: Геологическая служба США.

¹³ Совещание с членами Правительства. 07.09.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/52843> (дата обращения: 14.10.2016). — Примечание редакции журнала «Арктика и Север».

¹⁴ Источник: USGS 2008, из The Prospects and Challenges for Arctic Oil Development, The Oxford Institute for Energy Studies written by James Henderson and Julia Loe, November 2014, p.5. Следует учитывать, что методы оценки основаны на геологических допущениях, что предполагает большую степень неопределённости.

¹⁵ Россия будет добывать больше половины арктической нефти и газа. URL: <http://izvestia.ru/news/588397> (дата обращения: 07.05.2016).

В этой связи, решение администрации Обамы пересмотреть планы арктического бурения, и отказаться от уже утверждённых договоров аренды, имеет решающее значение для нефтяного сектора¹⁶. Во многом этот шаг был вызван влиянием рыночных факторов, в результате которых, буровые работы в Арктике стали экономически невыгодными при текущих ценах на нефть. Здесь мы рассматриваем и ведём речь об огромных запасах арктического газа, их экономическом и геополитическом значении. Норвегия, например, в 2015 г. впервые экспортировала больше природного газа, чем нефти, в стоимостном выражении¹⁷.

Проекты Норвегии по добыче арктического природного газа

По оценке Геологической службы США, Евразия имеет около 34 500 млрд. кубометров природного газа¹⁸. Данный объём равен почти столетнему объёму потребления газа в ЕС, который в настоящее время составляет порядка 450 млрд. кубометров в год. Ограниченное количество действующих арктических газовых проектов расположено в основном в Норвегии и России. Норвегия оперирует объектом СПГ Snøhvit («Белоснежка») в Арктике с мощностью около 5 млрд. кубометров в год и производит дополнительные 2,2 млрд. кубометров газа в южных норвежских водах¹⁹. Норвежская компания Statoil, главным акционером которой является государство, также работает на газовом месторождении Aasta Hansten в Норвежском море, за Полярным кругом. По примерным оценкам, месторождение содержит 47 млрд. кубометров газа, который будет транспортироваться через 482-километровый трубопровод Polarled, с мощностью 70 млн. кубометров/сутки, в норвежскую газовую систему²⁰. Проект очень сложный и, в соответствии с данными Statoil, добыча газа на AASTA Hansteen будет очень дорогостоящей, так как месторождение находится далеко от суши и за пределами имеющейся инфраструктуры. Глубины здесь также очень большие, погодные условия крайне сложные²¹. Стоимость проекта возросла примерно на 9% с момента подписания и составляет 4,34 млрд. долларов. Его завершение было перенесено с 2017 г. на середину 2018 г.²².

¹⁶ URL: <http://instituteeforenergyresearch.org/analysis/obama-cancels-lease-sales-in-arctic-cedes-arctic-to-russias-vladimir-putin/> (дата обращения: 06.05.2016).

¹⁷ Pettersen T. Gas bigger than oil. URL: <http://barentsobserver.com/en/energy/2015/09/gas-bigger-oil-18-09> (дата обращения: 06.05.2016).

¹⁸ 1 219 трлн кубических футов.

¹⁹ In Arctic, Norway steps on the gas. URL: <http://barentsobserver.com/en/energy/2015/03/arctic-norway-steps-gas-25-03> (дата обращения: 07.05.2016).

²⁰ Statoil: Polarled gas pipeline crosses Arctic Circle. URL: <http://www.ogj.com/articles/2015/08/statoil-polarled-gas-pipeline-crosses-arctic-circle.html> (дата обращения: 07.05.2016).

²¹ Aasta Hansten. URL: <http://www.statoil.com/en/ouroperations/futurevolumes/projectdevelopment/pages/aasta-hansteen.aspx> (дата обращения: 06.05.2016).

²² URL: <http://www.offshore-mag.com/articles/2015/10/statoil-pushes-back-production-start-up-at-two-offshore-northwest-europe-projects.html> (дата обращения: 07.05.2016).

Российские газовые проекты

Очевидно, что страна, способная оказать наибольшее влияние на добычу арктического газа, это Российская Федерация. В настоящее время Россия не ведёт работ на каком-либо оффшорном арктическом газовом месторождении, в то время как береговые районы являются очень важными с точки зрения поставок газа. Ямало-Ненецкий автономный округ обеспечивает около 80% российского природного газа²³. Половина этого региона находится за Полярным кругом. Оффшорный природный газ можно экспортировать на мировые рынки после процесса сжижения, что способствует гибкости экспорта и снижению транспортных расходов на больших расстояниях по сравнению с трубопроводной системой, как можно видеть из приведённого ниже графика.

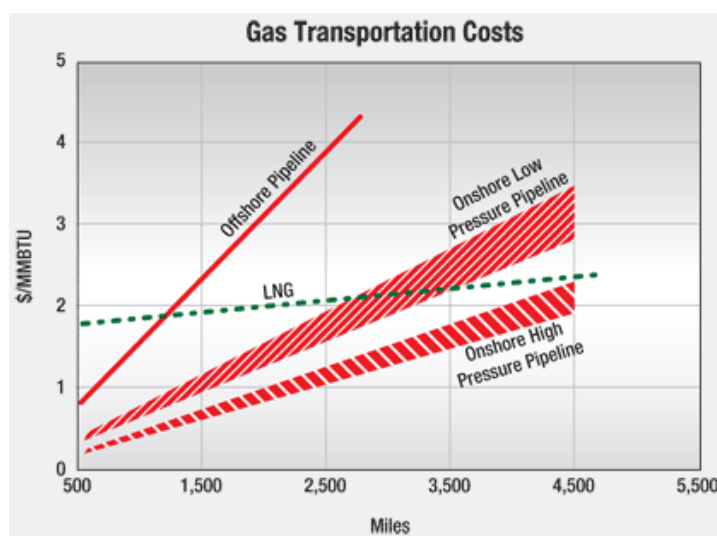

Рисунок 3. Расходы на транспортировку газа: трубопроводы и СПГ²⁴.

Из-за наличия вечной мерзлоты, географических ограничений системы трубопроводов, а также больших расстояний, добыча арктического шельфового газа основана на технологии СПГ. Строительство второго СПГ-терминала в России — «Ямал СПГ» — должно быть завершено в ближайшее время. Его три технологические линии, которые должны быть введены эксплуатацию в 2021 г., обеспечат общий объём производства сжиженного газа в 16,5 млн. тонн или 23 млрд. кубометров природного газа в год. Проект принадлежит на 50,1% компании «НОВАТЭК», а также Total и CNPC, каждая из которых владеет 20% акций, и 9,9% принадлежат фонду Silk Road. Total владеет также 18,9% акций «НОВАТЭКа» тем самым увеличивая своё косвенное участие в проекте почти до 30%. Проект стоимостью \$ 27 млрд. ис-

²³ Ресурсный потенциал Арктики по природному газу: существует 20 триллионов кубометров только разведанных запасов, в основном это Ямал // Совещание с членами Правительства. 07.09.2016. С.Е. Донской. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/52843> (дата обращения: 14.10.2016). — Примечание редакции журнала «Арктика и Север».

²⁴ URL: <http://www.energytribune.com/941/compressed-natural-gas-monetizing-stranded-gas#sthash.VROqacjV.dpbs> (дата обращения: 07.05.2016).

пытывает финансовые проблемы из-за экономических санкций, введённых в отношении России, и закрытия доступа к дешёвым кредитам. Большая часть финансовых ресурсов будет предоставлена китайскими инвесторами в виде кредита в размере \$12 млрд. Китайские партнёры также недавно приобрели дополнительные 9,9% акций в проекте, обеспечив поступление € 1,09 млрд., за счёт фонда Silk Road. Правительство России предоставило финансирование из Фонда национального благосостояния (ФНБ) в сумме \$2.8 млрд., а также российские банки недавно договорились о дальнейшем кредитовании ещё на \$3,6 млрд²⁵.

В последнее время Россия отложила исполнение ряда важных арктических проектов, за исключением проекта «Ямал СПГ», который находится в активной стадии строительства. Одним из таких отложенных проектов, несомненно, является разработка Штокмановского газового месторождения, которое было открыто ещё в 1988 г. «Газпром» совместно со своими партнёрами в 2012 г. не смогли найти технологически и экономически оправданное решение для разработки гигантского газового месторождения с запасами порядка 4 триллионов кубометров газа. Месторождение занимает площадь 1 400 км² и находится на глубоководном арктическом шельфе на расстоянии 600 км от берега. Успешное развитие проекта потребовало бы строительства длинного подводного трубопровода на большой глубине в самых суровых условиях на Земле²⁶. Это относится к айсбергам весом до одного миллиона тонн, дрейфующим со скоростью до 0,25 м в секунду, и движению паковых льдов со скоростью до 1 м в секунду. Statoil вышла из проекта в 2012 г., Total отказалась от участия в 2015 г., вернув 25% акций «Газпрому». Кроме того, США в последние несколько лет резко увеличили добычу природного газа после бума, связанного со сланцевой нефтью. Страна даже стала экспортёром газа, что сократило спрос на природный газ Штокмановского месторождения и привело к снижению мировых цен на природный газ. Стоимость разработки первой фазы Штокмановского проекта оценивалась от \$12 млрд. до \$25 млрд (\$50 млрд. совокупных капиталовложений). После завершения третьего этапа проекта добыча газа достигла бы впечатляющих 71,1 млрд. кубометров газа в год²⁷. В феврале 2010 г. «Газпром» отложил разработку первой фазы проекта до 2016 г. от первоначальной запланированного 2013 г. В соот-

²⁵ Russian banks sign loan deal with Yamal LNG worth 3.6 bln euros - Interfax cites sources. URL: <http://www.reuters.com/article/russia-yamal-lng-loans-idUSR4N0ZC01I> (дата обращения: 07.05.2016).

²⁶ Is the time right for Arctic LNG? URL: <http://mediaserver.dwpub.com/fjd-profile/30722/Arctic+LNG+November+2012.pdf> (дата обращения: 07.05.2016).

²⁷ Штокмановский проект. URL: <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/deposits/shp/> (дата обращения: 07.05.2016).

ветствии с этими планами производство первого газа должно было начаться в 2016 г., первый сжиженный газ планировался к выпуску в 2017 г.²⁸. Сейчас проект заморожен.

Интересно рассмотреть перечень предлагаемых проектов СПГ в России, которые в случае своего завершения увеличат экспортный потенциал сжиженного газа страны до порядка 117 млрд кубометров в год.

Таблица 1

СПГ-проекты в России

СПГ-проекты	Расположение	Статус	Мощность (миллион метрических тонн СПГ/в год)	Объявленный год начала ввода в действие	Владельцы
Сахалин СПГ	Тихоокеанское побережье	в работе	9.6	2009	«Газпром», Shell, Mitsui и Mitsubishi
Ямал СПГ	Арктическое побережье	строится	16.5	2017	«Новатэк», Total и CNPC
Балтийский СПГ	Baltic coast	планируется	10	2018	«Газпром»
Владивосток СПГ	Тихоокеанское побережье	планируется	15	2018	«Газпром»
Сахалин СПГ (развитие)	Тихоокеанское побережье	планируется	5	2018	«Газпром», Shell, Mitsui и Mitsubishi
Дальний Восток СПГ	Тихоокеанское побережье	планируется	5	2018-2019	ExxonMobil, «Роснефть», ONGC Videsh и SODECO
Гыдан СПГ	Арктическое побережье	планируется	16	2018-2022	«Новатэк»
Печора СПГ	Арктическое побережье	отложен	10	Не определен	«Роснефть»
Штокман СПГ	Арктическое побережье	отложен	30	Не определен	«Газпром»

Источник: EIA International energy data and analysis²⁹.

Недавний спад мировых цен на энергоносители, кризис в России и международные санкции окажут своё влияние на все эти проекты. Весьма вероятно, что до 2020 г. только Ямал СПГ будет частично введён в эксплуатацию. Все остальные проекты в Арктике отложены или вообще никогда не будут воплощены в жизнь. В 2016 г. Правительством России было принято решение в условиях макроэкономической нестабильности о введении *временного моратория* на предоставление в пользование новых участков недр континентального шельфа, на выдачу лицензий и завершение актуализации лицензий по освоению уже предоставленных в пользование участков недр³⁰.

²⁸ Shtokman Gas Condensate Deposit, Russia. URL: <http://www.offshore-technology.com/projects/shtokman/> (дата обращения: 07.05.2016).

²⁹ Russia. URL: <http://www.eia.gov/beta/international/analysis.cfm?iso=RUS> (дата обращения: 07.05.2016).

³⁰ Количество действующих лицензий на углеводородное сырьё на арктическом шельфе и на суше составляло - 407. По состоянию на 1 августа 2016 г. на шельфе Арктической зоны РФ геологоразведочные работы на нефть и газ велись на 75 лицензионных участках на общей площади 1,3 млн кв. км // Совещание с членами Правитель-

Проект «Ямал СПГ»

Для понимания будущего российских СПГ проектов в Арктике, имеющих решающее значение для будущего развития добычи газа в Арктике, стоит рассмотреть некоторые данные, связанные с развитием проекта «Ямал СПГ». Данный проект является первым в своем роде и не сравним с норвежским СПГ-предприятием Snøhvit, расположенным в южных водах, где море свободно ото льда круглый год благодаря Гольфстриму.

Ямальское месторождение состоит из пяти горизонтов близповерхностного газа и 27 глубоких горизонтов газового конденсата, с глубинами залегания от 900 до 2 850 метров. Проект будет включать бурение 208 скважин на 19 кустовых площадках, строительство 3-х технологических линий СПГ, каждая с мощностью 5,5 млн. тонн в год, и огромный газовый терминал, а также строительство (впервые в мире) 16 ледокольных танкеров, каждый из которых способен перевозить 170 000 куб. м³¹. В общей сложности будут построены 188 км газопроводов, 121 км дорог и 143 км высоковольтных линий³². Поэтому весьма вероятно, что только после проведения первоначальной оценки и анализа производственных процессов на Ямале, возможно, будет получить одобрение на строительство прочих аналогичных проектов. Это будет частично определять развитие Гыданского проекта «НОВАТЭКа» в арктических водах с мощностью 16 млн тонн СПГ, со сроком ввода в строй в 2023 г.³³. Штокмановский и Печорский СПГ-проекты отложены. Следует также принять во внимание, что помимо экономических факторов на развитие важных проектов, особенно в российском государстве, оказывают влияние стратегическое планирование и региональные планы развития. Они часто являлись определяющими для проектов советской Арктики, многие из которых часто не были оправданы с чисто экономической точки зрения, но действительно считались важными для развития региона или стратегических интересов страны.

Капитальные затраты на «Ямал СПГ» достигли \$26,9 млрд в 2013 г., в то время как окончательное инвестиционное решение предполагало сумму \$20 млрд. Расходы на разведку и разработку: \$4 млрд, расходы на инфраструктуру: \$4 млрд., ещё \$19 млрд. — на строительство завода по сжижению газа³⁴. Согласно данным недавнего анализа московского бро-

ства. 07.09.2016. С. Донской. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/52843> (дата обращения: 14.10.2016). – Примечание редакции журнала «Арктика и Север».

³¹ Yamal LNG: The gas that came in from the cold. URL: <http://www.total.com/en/energies-expertise/oil-gas/exploration-production/projects-achievements/lng/yamal-lng> (дата обращения: 06.05.2016).

³² Government Support to Upstream Oil & Gas in Russia. URL: https://www.iisd.org/gsi/sites/default/files/ffs_awc_russia_yamalprirazlomnoe_en.pdf (дата обращения: 08.05.2016).

³³ Novatek presents plan for new Arctic LNG URL: <http://www.thebarentsobserver.com/industry/2016/02/novatek-presents-new-plans-arctic-lng> (дата обращения: 08.05.2016).

³⁴ Gazprombank. Novatek, Pricing in sanctions and Yamal LNG // Gazprombank equity research 2014. P. 17. URL: http://www.gazprombank.ru/upload/iblock/a1b/gpb_novatek_tp%20update_040814.pdf (дата обращения 10.05.2016)

кера «Открытие», объём общих капитальных вложений может возрасти до \$33 из-за воздействия санкций, введённых в отношении России и более высокой стоимости капитала³⁵. Кроме того, существуют и другие косвенные расходы, принятые правительством, как, например, строительство трёх атомных ледоколов ЛК-60 на сумму около \$2 млрд, которые будут также частично использоваться для экспорта и эксплуатации на «Ямал СПГ».

Важно также отметить нестабильный обменный курс рубля, который потерял более 50% в течение последних двух лет, от 33 рублей за \$1 в начале 2014 г. до 66 рублей за \$1 в мае 2016 г.³⁶. Проект в рублях будет стоить 1,27 трлн³⁷, в соответствии с двумя различными курсами — это \$40 млрд. или \$20 млрд. Если расходы или финансирование осуществляется в евро или долларах, снижение курса может оказать негативное влияние, а рост означает значительное финансовое бремя для компаний — участников проекта.

Согласно двум различным источникам, «Ямал СПГ» будет безубыточным при цене \$8.2 за миллион БТЕ³⁸, в то время как согласно данным недавнего анализа «Газпромбанка» — при цене \$6 за миллион БТЕ³⁹. Они пишут: «Мы считаем, что «Ямал СПГ» будет безубыточным и обеспечит нулевое значение целевой цены НОВАТЭКа при цене СПГ не более \$6 за миллион БТЕ в 2017–2020 и не более \$9 за миллион БТЕ в 2021–2024». В настоящее время европейские цены на газ России на германской границе составляют \$4,02 за миллион БТЕ или \$145 за млн. кубометров, и они до сих пор не полностью приняли во внимание снижение цен на нефть⁴⁰, в то время как в Азии цена на СПГ составляет \$4.24 за миллион БТЕ. Американский экспорт СПГ в Европу и на новые австралийские экспортные терминалы будет оказывать дополнительное давление на цены. Проект «Ямал СПГ» в Европе в краткосрочной перспективе при таких ценах будет экономически невыгодным, и не сможет обеспечить гарантий возврата инвестиций в \$27 млрд, также принимая во внимание более вы-

³⁵ Moscow gives a boost to Yamal LNG. URL: <http://www.hellenicshippingnews.com/moscow-gives-a-boost-to-yamal-lng/> (дата обращения: 08.05.2016).

³⁶ Динамика курса валюты. Доллар США URL: http://www.cbr.ru/currency_base/dynamics.aspx?VAL_NM_RQ=R01235&date_req1=01.01.2014&date_req2=08.05.2016&rt=2&mode=2 (дата обращения: 08.05.2016).

³⁷ Фадеева А. «Ямал СПГ» значительно превышает плановые расходы, сообщила Счетная палата. URL: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/08/13/604610-yamal-spg-previshaet-planovie-rashodi> (дата обращения: 08.05.2016).

³⁸ BTU (British thermal unit — британская тепловая единица (или британская термическая единица) обозначается на русском языке как БТЕ. Эта единица измерения тепловой энергии в современном мире считается устаревшей, так же, как, например, фунты, унции, и не входит в международную систему стандартных единиц СИ (в метрическую систему граммов, метров, ньютонов). URL: <https://www.calc.ru/Btu-Britanskaya-Teplovaya-Yedinita.html>

³⁹ URL: http://www.gazprombank.ru/upload/iblock/2f6/GPB_NVTK_TP_Update_230915.pdf (дата обращения: 08.05.2016).

⁴⁰ Gazprom Said to See Its Lowest Europe Gas Price in 11 Years. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-10-23/gazprom-said-to-see-its-lowest-eu-gas-price-in-11-years-in-2016> (дата обращения: 08.05.2016).

сокие процентные ставки в России. Аналитики «Газпромбанка» отмечают тот факт, что азиатские спотовые цены на СПГ не являются хорошим ориентиром для цен на ямальский газ в будущем. Газовые контракты уже заключены на 90-95% и, в соответствии с мнением аналитиков, ценовой ориентир на газ не связан с ценами на СПГ, так что они не видят возможных влияний цен СПГ на ямальский газ. Тем не менее, он связан с ценами на сырую нефть.

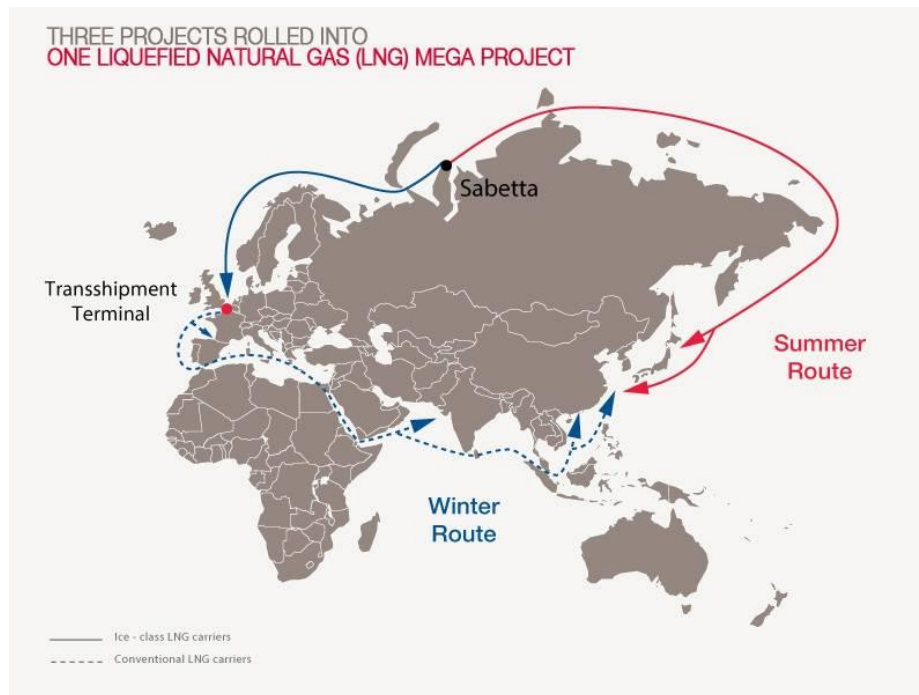

Рисунок 4. Маршруты транспортировки газа с Ямала

С другой стороны, в недавнем анализе Международного института устойчивого развития отмечается, что чистая приведённая стоимость проекта положительна только за счёт российских государственных субсидий, без которых «Ямал СПГ» не будет экономически жизнеспособным, независимо от инфраструктурных расходов.

Также отмечается, что стоимость транспортировки для «Ямал-СПГ» в этом анализе базируется на основе расчётов, сделанных Государственным университетом Армстронг Атлантик. В соответствии с этими расчётами, цены следующие: \$1.15 за миллион БТЕ в Европу, \$7.04 за миллион БТЕ в Азию через Суэцкий канал и \$2.85 за миллион БТЕ в Азию через Северный морской путь. Средние цены на транспортировку, таким образом, следующие: \$3.7 за миллион БТЕ [7, Lunden L.P., Fjaertoft D., с. 10].

С учётом текущих цен на СПГ в Европе и Азии порядка \$4 за миллион БТЕ, уровень доходности от продаж будет крайне низок. В рамках проекта «Ямал СПГ» предусматривается строительство нового крупного морского пути для транспортировки сжиженного природного газа в Европу и Азию.

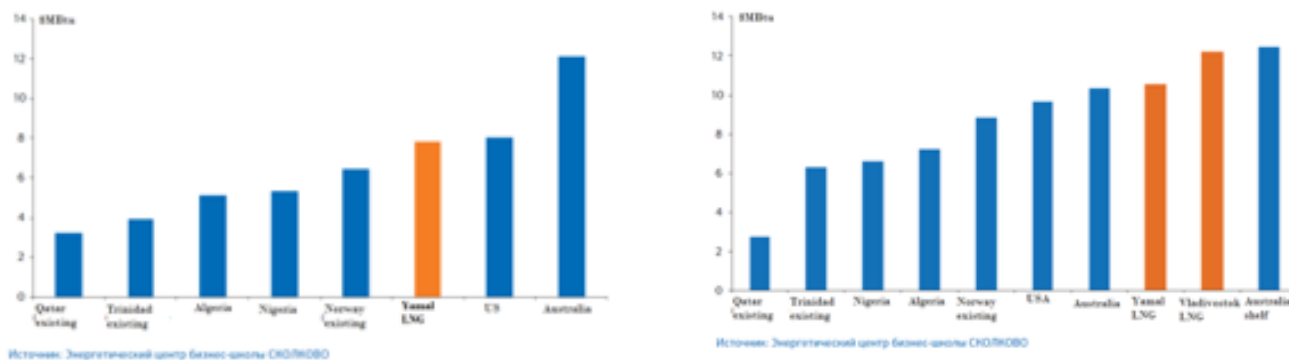

Рисунок 5. СПГ с поставкой в Европе и СПГ с поставкой в Азии: энергетическая бизнес-школа в Сколково.

Длинный горизонт таких проектов может частично компенсировать текущие низкие цены на СПГ в долгосрочной перспективе. Энергетический центр бизнес-школы «Сколково» в 2013 г. произвёл сравнительный анализ цен на СПГ в Европе и Азии от разных поставщиков [8, с. 46–47], и с его помощью интересно оценить конкурентоспособность цены «Ямал СПГ» по сравнению с прочими поставщиками (рис. 5).

«Газпромбанк» в своём анализе «Новатэка» под названием «Санкционное ценообразование и Ямал СПГ» предлагает иную картину. Они подсчитали, что Ямал СПГ имеет самые низкие капиталовложения в расчете на млн. тонн сжиженного природного газа для всех проектов до 2020 г. Они утверждают, что даже такие американские проекты, как завод СПГ Sabine Pass, имеют капитальные затраты \$0,74 за млн тонн сжиженного природного газа, и расходы на разведку и добычу сюда не включены. Подобные заводы в США вынуждены использовать внешние источники сланцевого газа, что, по их мнению, удваивает расходы. Конечно, также должны приниматься во внимание расходы на транспортировку, которые для «Ямал СПГ» являются более высокими.

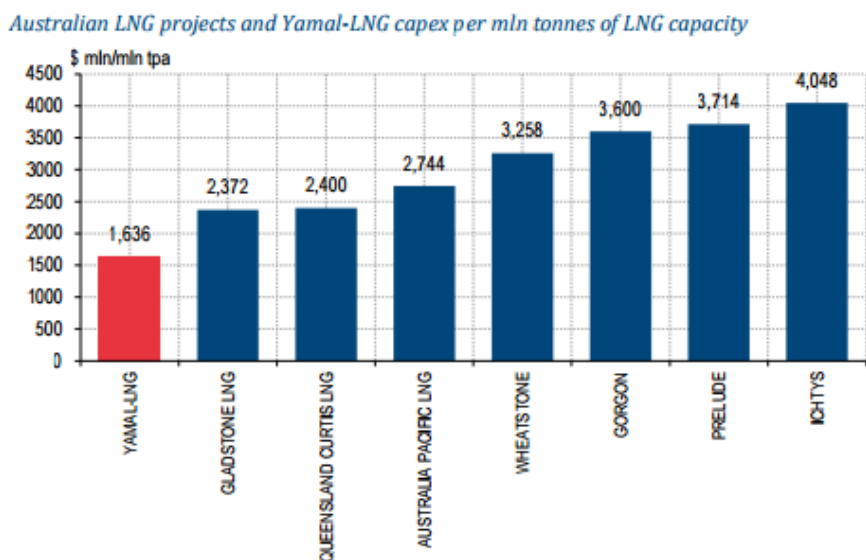

Рисунок 6. Сравнение капиталовложений проектов на млн тонн СПГ. Данные «Газпромбанка»

Перспективы арктических газовых проектов

Арктические газовые проекты являются очень дорогостоящими долгосрочными инвестициями. Европейский рынок уже обеспечен существующей системой трубопроводов и спрос в Европе слабый, он даже сократился после 2008 г. Китай также в ближайшее время получит 61 млрд. кубометров российского природного газа от проекта «Сила Сибири». Япония перезагружает мощности своих ядерных реакторов. Кроме того, США стали экспортёром природного газа, рост китайской экономики замедляется, также переключаясь на сектора с меньшей энергоёмкостью, характерные для более развитой экономики.

Конечно, есть и другие потенциальные покупатели, однако в настоящее время мировой рынок СПГ перенасыщен. Международная энергетическая консалтинговая компания Wood Mackenzie полагает, что «окно возможности» закрыто для новых проектов, по крайней мере, до 2025 г.⁴¹. Производительность сжижения газа в конце 2015 г. составляла около 301,5 млн тонн в год и ещё дополнительные 141,5 млн тонн в год будут добавлены до конца этого десятилетия, особенно в Австралии и в США⁴².

При наилучшем сценарии, в период до 2025 г. в Российской Арктике будут введены в эксплуатацию два рабочих проекта в области СПГ: «Ямал СПГ» и «Гыдан СПГ». Эти проекты не смогут кардинально изменить картину региона, учитывая, что они будут поставлять всего лишь около 5% российского годового объёма добычи газа. Кроме того, арктические проекты столкнутся с сильной конкуренцией со стороны других проектов СПГ по всему миру, особенно в местах с более низкой себестоимостью. В 2025 г. мир предположительно столкнётся с новой энергетической реальностью, и природный газ, вероятно, будет уже меньше использоваться в мировой энергетике.

Растущие альтернативы горючим ископаемым

Возобновляемая энергия будет иметь решающее значение для нашего будущего, с точки зрения ограничения климатических изменений и использования возобновляемых и экологически безопасных ресурсов. В течение последних нескольких лет во многих странах Европы, а также и в других странах, мы увидели важный сдвиг в их энергетическом балансе в сторону опережающего роста использования энергии ветра и солнца.

Например, в Италии и Германии, которые являются важными импортёрами энергии, в частности, нефти и природного газа, совокупная доля солнечной энергии и ветра увеличи-

⁴¹ Hussain, Y. 'Window of opportunity' for new LNG projects is gone because of supply glut, consultancy says. URL: <http://business.financialpost.com/news/energy/window-of-opportunity-for-new-lng-projects-is-gone-because-of-supply-glut-consultancy-says> (дата обращения: 09.05.2016).

⁴² International Gas Union World LNG Report 2016. P. 17.

лась до 12,5% от общего объёма производства электроэнергии в Италии и до почти 20% в Германии. В 2015 г. В Евросоюзе производство электроэнергии из возобновляемых источников увеличилась с 678 млрд. кВт/час в 2011 г. до 923 в 2015 г., в то время как выработка электроэнергии из природного газа снизилась с 705 до 485 за тот же период⁴³.

В течение последних нескольких лет Китай установил фотоэлектрические и ветровые турбинные системы за рекордно короткое время и планирует достичь 150 ГВт солнечной фотоэлектрической мощности до 2020 г. Он также располагает мощностью солнечного нагрева в 262 ГВт⁴⁴. В странах — членах ОЭСР производство солнечной энергии и энергии ветра увеличилось на 16%, до 776 млрд. кВт/час в 2015 г., в то время как производство энергии на ископаемом топливе снизилось на 1%. Мощность энергии горючего топлива составляла 6 189 млрд. кВт/час⁴⁵. Ежегодно добавляющаяся мощность ветровых энергетических установок уже составляет более 60 ГВт в 2015 г., и также увеличивается производство солнечной энергии. Согласно последним прогнозам, в 2020 г. будет ежегодно добавляться уже примерно 100 ГВт новых мощностей в год — для каждого вида энергии.

В секторе автомобилестроения существует растущая тенденция к электрификации транспортных средств. В некоторых странах с развитой экономикой, таких как Норвегия, электрические и гибридные автомобили в 2015 г. уже достигли рыночной доли в 23% продаж для новых автомобилей. Tesla Motors, например, планирует производить 500 000 электрических транспортных средств ежегодно с 2018–2020 гг., и все крупные автомобильные компании переходят на производство гибридных и электрических автомобилей. По некоторым подсчётам, это должно запустить процесс замещения нефти уже начиная с 2022 г.⁴⁶

Другим важным фактором, который необходимо принять во внимание, является углеродный бюджет. Мир способен выделять углерод на текущих уровнях ещё десять-двадцать лет, чтобы достичь предела. Существует ряд проектов, имеющих системы уменьшения выброса углерода, но они очень дороги и не способны конкурировать с возобновляемыми источниками энергии. Кроме того, многие важные международные инвесторы уже начали процесс вывода инвестиций из проектов, связанных с ископаемым топливом. В рам-

⁴³ URL: <http://c1cleantechnicacom.wpengine.netdna-cdn.com/files/2016/05/europe-status-quo.jpg> (дата обращения: 09.05.2016)

⁴⁴ It's official: China has the most solar PV installed globally. URL: http://www.pv-magazine.com/news/details/beitrag/its-official--china-has-the-most-solar-pv-installed-globally_100022939/#axzz48Hm3q1Wf (дата обращения: 09.05.2016).

⁴⁵ Wind & Solar OECD Electricity Generation Grew 16% in 2015 URL: <http://cleantechnica.com/2016/04/05/wind-solar-oecd-electricity-generation-grew-16-2015/> (дата обращения: 09.05.2016)

⁴⁶ The Peak Oil Myth and the Rise of the Electric Car URL: <http://www.bloomberg.com/news/videos/2016-02-24/the-peak-oil-myth-and-the-rise-of-the-electric-car> (дата обращения: 09.05.2016).

ках недавно принятого соглашения об изменении климата COP21 страны определились с тем, что средняя температура земли не будет превышать 2С°, с пожеланием не превышать 1.5 С°, если это возможно. Это, несомненно, будет способствовать политике использования возобновляемых источников энергии в будущем.

Выводы

В заключение отметим, что развитие событий за пределами Арктического региона во многом будет определять судьбу запасов ископаемого топлива. Последние достижения в области энергетики, а также повышение уровня информированности о климатических рисках изменили отношение к энергии в мире. Природный газ всё ещё рассматривается как переходный вид топлива на пути к экономике с нулевыми выбросами в атмосферу. Но, вероятно, он будет вскоре вытеснен возобновляемыми источниками энергии. Мировой рынок фактически переполнен природным газом и особенно СПГ с ценами, близкими к историческим минимумам.

В результате всех этих причин трудно ожидать, что в Арктике начнётся масштабная добыча ископаемого топлива. Арктические проекты требуют огромных капиталовложений и не обеспечивают гибкость в долгосрочной перспективе из-за высоких первоначальных инвестиционных требований. Было бы очень рискованно прогнозировать новую волну арктических проектов по добыче ископаемых через десятилетие, принимая во внимание быстрое сокращение затрат и технологические прорывы в других энергетических областях. В этой статье высказывается предположение о том, что период времени для осуществления новых арктических нефтегазодобывающих проектов весьма ограничен и может быть сокращён до одного или двух десятилетий, и что большинство арктических запасов ископаемого топлива так и останется в недрах земли.

В этом случае арктическим странам было бы крайне важно адаптироваться и планировать такое будущее, рассмотреть альтернативные пути развития их северных территорий. Низкий потенциал арктических ископаемых энергетических ресурсов может принести пользу развитию всего Арктического региона, поскольку масштабные проекты по добыче ресурсов являются причиной негативного воздействия на окружающую среду и общество.

Предположение о том, что большая часть арктического ископаемого топлива останется в земле, могло бы повлиять на планы правительств по отношению к региону и укрепить дух сотрудничества. Арктические перевозки, туризм и устойчивое развитие, например, в отличие от крупных проектов по добыче ресурсов, требуют длительных и постоянно улучшающихся форм сотрудничества между арктическими государствами, регионами и сообществами.

Литература

1. Bird, Kenneth J., Charpentier, Ronald R., Gautier, Donald L., Houseknecht, David W., Klett, Timothy R., Pitman, Janet K., Moore, Thomas E., Schenk, Christopher J., Tennyson, Marilyn E. and Wandrey, Craig J., 2008, *Circum-Arctic resource appraisal; estimates of undiscovered oil and gas north of the Arctic Circle: U.S. Geological Survey Fact Sheet 2008-3049*, 4 p. URL: <http://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/> (дата обращения: 05.05.2016).
2. Charles Emmerson, "The (slow) rush for northern resources" // *The future history of the Arctic*. PublicAffairs (US). 2010, pp. 169–193.
3. Nong Hong, "Energy and the Arctic Dispute: Pathway to Conflict or Cooperation?", *The fast-changing Arctic*, published by University of Calgary press, Calgary, Alberta (CA) 2013, pp. 103–133.
4. Christian Le Mièrre and Jeffrey Mazo, "Economic opportunities" in *Arctic opening: insecurity and opportunity*, published for The International Institute for Strategic Studies by Routledge (UK) 2013, pp. 45–55.
5. Henderson J., Loe J. The Prospects and Challenges for Arctic Oil Development. The Oxford Institute for Energy Studies. 2014. P. 22-39. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2014/11/WPM-56.pdf> (дата обращения: 06.05.2016).
6. Budzik P. Arctic Oil and Natural Gas Potential. October 19, 2008. URL: <http://www.eia.gov/oiaf/analysispaper/arctic/> (дата обращения: 10.11.2016).
7. Lunden L.P., Fjaertoft D. Government Support to Upstream Oil & Gas in Russia. How Subsidies Influence the Yamal LNG and Prirazlomnoe Projects. International Institute for Sustainable Development. 2014. P. 10 URL: https://www.iisd.org/gsi/sites/default/files/ffs_awc_russia_yamal_prirazlomnoe_en.pdf (дата обращения: 07.05.2016).
8. Выгон Г., Белова М. Развитие мирового рынка СПГ: вызовы и возможности для России // Энергетический центр Московской школы управления Сколково, май 2013 г. С. 46–47 URL: http://www.pro-gas.ru/images/data/gallery/0_206_SEneC_Global_LNG.pdf (дата обращения: 08.05.2016).

References

1. Bird, Kenneth J., Charpentier, Ronald R., Gautier, Donald L., Houseknecht, David W., Klett, Timothy R., Pitman, Janet K., Moore, Thomas E., Schenk, Christopher J., Tennyson, Marilyn E. and Wandrey, Craig J., 2008, *Circum-Arctic resource appraisal; estimates of undiscovered oil and gas north of the Arctic Circle: U.S. Geological Survey Fact Sheet 2008-3049*, 4 p. URL: <http://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/> (Accessed 5th May 2016).
2. Charles Emmerson, "The (slow) rush for northern resources". *The future history of the Arctic*, PublicAffairs (US), 2010, pp. 169–193.
3. Nong Hong, "Energy and the Arctic Dispute: Pathway to Conflict or Cooperation?", *The fast-changing Arctic*, published by University of Calgary press, Calgary, Alberta (CA) 2013, pp. 103–133.
4. Christian Le Mièrre and Jeffrey Mazo, "Economic opportunities", *Arctic opening: insecurity and opportunity*, published for The International Institute for Strategic Studies by Routledge (UK) 2013, pp. 45–55.
5. Henderson J., Loe J. *The Prospects and Challenges for Arctic Oil Development*. The Oxford Institute for Energy Studies. 2014. P. 22-39. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2014/11/WPM-56.pdf> (Accessed 6th May 2016).
6. Budzik P. *Arctic Oil and Natural Gas Potential*. October 19, 2008. URL: <http://www.eia.gov/oiaf/analysispaper/arctic/> (Accessed 10th November 2016).
7. Lunden L.P., Fjaertoft D. *Government Support to Upstream Oil & Gas in Russia. How Subsidies Influence the Yamal LNG and Prirazlomnoe Projects*. International Institute for Sustainable Development. 2014. P. 10 URL: https://www.iisd.org/gsi/sites/default/files/ffs_awc_russia_yamalprirazlomnoe_en.pdf (Accessed 7th May 2016).
8. Vygon G., Belova M. Razvitie mirovogo rynka SPG: vyzovy i vozmozhnosti dlja Rossii. *Jenergeticheskij centr Moskovskoj shkoly upravlenija Skolkovo*. Maj 2013, pp. 46–47. URL: http://www.pro-gas.ru/images/data/gallery/0_206_SEneC_Global_LNG.pdf (Accessed 8th May 2016).

УДК 304.2/304.44+314.06

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.23

A cosmopolitan, Sami-friendly scholar? Väinö Tanner on the best way to treat the Sami

© **Nyysönen, Jukka**, Dr. artium, researcher, Department of History and Religious Studies/Section of Cultural Studies, Tromsø University Museum, University of Tromsø — The Arctic University of Tromsø, Norway. E-mail: jukka.kalervo@uit.no

Abstract. The topic of this article is Väinö Tanner's views on Sami policies, which are examined from numerous perspectives, including his personal career and Nordic Sami policies. The discursive resources that he re-produced are also charted. Of the Sami policies in existence at that time, Tanner advocated the Swedish variant, which suited better the agenda of his scholarly production on the Skolt Sami. The origins of his choice are located in his long-term professional contact with Swedish experts

on the Sami and the expert role provided by Swedish discourses on the Sami. The anti-Finnish agenda in his scholarly production, and his consequent wish to elevate the Sami in the hierarchies of that time, rendered the more aggressive Norwegian rhetoric on the Sami unusable. In addition, Tanner showed signs of a cultural sensitivity that made him suspicious of assimilative policies.

Keywords: Väinö Tanner, Sami research, History of Sami policies, History of minority policies

Дружественный саамам учёный-космополит? Вяйнё Таннер о наилучшем способе обращения с саамами

© **Нюссонен Юкка**, доктор искусств, научный сотрудник отдела истории и религиоведения / раздел культурологии, музей Университета Тромсё, Университета Тромсё — Арктический университет Тромсё, Норвегия. E-mail: jukka.kalervo@uit.no

Аннотация. В данной статье рассматриваются идеи Вяйнё Таннера о политике в отношении саамов, взятые из многочисленных источников, в том числе из описания его личной карьеры и североευропейской политики касательно саамов, включая дискурсивные ресурсы, которые он создал. В существующей в то время политике в отношении саамов он выступал за шведский вариант, наиболее подходящий для круга вопросов в его работах о народности скольт-саамов. Его выбор объясняется более долгим профессиональным общением со шведскими экспертами по теме саамов и его ролью эксперта в этих дискуссиях. Антифинские вопросы в его научных работах и соответствующее желание поднять позицию саамов в иерархии превратили более агрессивную норвежскую риторику о саамах в непригодную для использования. Кроме того, он показал признаки культурной чувствительности, которые сделали его достаточно осторожным в отношении ассимилятивной политики.

Ключевые слова: Вяйнё Таннер, исследование народов Саами, история политики в отношении саамов, история политики малых народностей

Среди известных скандинавских исследователей саамского общества и культуры Вяйнё Таннер (1881–1948) вызывает сравнительно небольшой научный интерес в качестве объекта исследования [1, 2, Massa I.; 3, 4, 5, Susiluoto P.]. Несмотря на многочисленные положительные отзывы и статус «классической» в отношении его значительной работы о скольт-саамах: Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. 1 Skoltlapparna («Антрополого-географические исследования в районе Петсамо. 1, Скольт-лопари», 1929, далее «Антропологогеогра-

фия»), сам автор оставался в основном малоизвестным. В его работах встречается много ссылок на его «космополитизм» и «лояльность к саамам», и он пользуется репутацией одного из первых учёных, которые поставили волю и разумность скольт-саамов в центр внимания, в его синтезе *sijt* — «деревенской» адаптации скольт-саамов (*siida* — «саамская деревня» на скольт-саамском)¹. Он также получил высокую оценку за то, что смог избежать самых агрессивных суждений о том, что саамы обладают меньшими умственными способностями.

Таннер как политик практически неизвестен: очень мало написано о его политических и идеологических взглядах в более ранних источниках. Один из немногих примеров, когда он объяснил свои политические взгляды, был период после его добровольного изгнания из Финляндии в Швецию в 1944 г., по причине его разочарования анти-шведской политикой финских националистов, так называемых «истинных финнов» (*Aitosuomalaiset*). Он разделял также сильные антинацистские настроения во время войны 1941–1944. Существует также недостаток данных о его позиции касательно политики в отношении саамов, о том, как государства должны относиться к своим саамским меньшинствам. Хорошо известно его критическое отношение к тому, чтобы саамы начали заниматься сельским хозяйством. Во время его активного периода в качестве государственного чиновника и учёного политика в отношении меньшинств в Финляндии была в процессе формирования, и хотя саамы имели особый, неформальный статус коренного меньшинства Финляндии, скольт-саамы были исключением, как «новое» и более «иностранное» меньшинство в границах молодого национального государства, так как Печенга (Петсамо) были присоединены к Финляндии в 1920. «Антропогеография» в действительности является достаточно неопределённой по этому вопросу, так как книга содержит многочисленные и даже противоречивые размышления о том, как помочь скольт-саамам стать современными [3, Susiluoto P., с. 18]. Таким образом, исследование по данному вопросу на основе архивных источников отсутствует.

Одним из учёных, затронувших вопросы этого «белого пятна» данных, является профессор истории Астри Андресен, которая кратко обозначила факт невежества Таннера относительно норвежского обращения с саамами, проживающими в районе реки Патсойоки (на русском: река Паз) в пограничных переговорах между Финляндией и Норвегией 1922–1925. Поддержка норвежского населения привела к нарушениям прав патсойоки-саамов с конца XIX в. и позднее. В результате переговоров права скольт-саамов на промысел лосося с нор-

¹ Скольт-саамы (норв. *skoltesamer*, *skolter*) — этническая группа саамов, проживающих на северо-востоке Лапландии в трёх странах: Норвегии, России и Финляндии. Традиционные промыслы саамов-сколтов — оленеводство, охота и рыболовство. Общее число сколтов составляло около 1000 чел.: 600 — в Финляндии, 250 — в России, 150 — в Норвегии (2011) // Сколты. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сколты> (дата обращения: 10.11.2016). — Примечание редакции журнала.

вежского берега реки Паз были аннулированы; этого решения норвежские чиновники ждали ещё с 1890-х гг., опасаясь «русских» меньшинств на их территории. Таннер участвовал в переговорах в качестве делегата от финского министерства иностранных дел. Андресен писала, что Таннер не был осведомлён и о ещё более зловещих особенностях политики в отношении норвежских саамов. Кроме того, в «Антропогеографии» Таннер следовал норвежской идее по следующему вопросу: он нашел причину низкого улова в низком качестве промысловых снастей, что было верно лишь отчасти, но он отрицал показания скольт-саамов о том, что они были лишены прав на рыболовство, а это как раз и соответствовало реальному положению дел [6, Andresen A., с. 17–25, 75–81, 85, 119–122, 157, 160; 7, Tanner V., с. 146–147, 171].

Что же Таннер значил для скандинавской политики? Какой политики в отношении саамов он придерживался? Какие факторы повлияли на выбор его политики? Таннер был одновременно государственным чиновником и исследователем. С методологической точки зрения, он мог бы использовать своё положение и оказывать влияние, будучи вовлечённым во многие события и дискуссии. Они способны как оказывать влияние, так и предоставлять инструменты для исследователя / должностного лица; они могут применяться в качестве ресурса, используемого для различных целей [8, Shapin S., с. 93, 110]. Как исследователь он был более свободен в выборе установок, понимаемых как способы говорить и писать о саамах, в отличие от более жёсткой позиции чиновника, формалиста и защитника интересов государства в обсуждениях тем, связанных с саамами. Соответственно, в отношении методов контекст имеет такое же значение, как и языковые следы в текстах. И контекст, и дискурс² могут быть использованы для изучения мотивации, обоснования [9, Mathiesen S.R., с. 103–104], намерений, влияний, политико-идеологические окружения и преобразований в политическом мышлении Таннера. Доступность и понимание политико-идеологических влияний в определённых контекстах меняется в зависимости от положения чиновника/учёного в социальной структуре, от времени и места. Не существует как прямой причинно-следственной связи между контекстом учёного, так и его тираническим дискурсом, который управляет ручкой в его руке.

В то время как государственные чиновники должны повторить дискурсы, озвученные в учреждениях, для которых они служат, учёные могут использовать осмысленную инструментальное видение в своей работе; их расчеты могут принимать во внимание цели, касающиеся общества в целом, или не могут. Значительные контексты и дискурсы также частично

² Дискурс (фр. discours, лат. discursus — перемещение из одного места в другое) — речь, текст, рассуждение, диалог. Понятие, распространённое в постмодернистском лексиконе, означающее стиль мышления и способ аргументации, вид речевой коммуникации, ориентированной на обсуждение и обоснование любых значимых аспектов действий, мнений и высказываний её участников. — Примечание редакции журнала «Арктика и Север».

происходят из их жизненных историй или с позиции одного учёного, занимающего определённое место в социальной структуре и научном сообществе [8, Shapin S., с. 93–100; 10, Shapin S., с. 179, 197–198]. Эта мотивация может не проявляться самостоятельно, и интерпретации должны оставаться условными. Тем не менее, мотивация и обоснование идей Таннера по наилучшему способу обращения с саамами, по крайней мере, были проанализированы в дальнейшем. Контексты, в которых они происходили, это его карьера, профессиональные роли, и политико-идеологическая среда, в которой была сформулирована политика скандинавских стран в отношении саамов. Источниками являются его личный архив, расположенный в университетском музее Тромсё и соответствующие части его научных работ.

Как хорошо известно, Россия / Советский Союз играет важную роль в истории Финляндии. В течение времени жизни Таннера, отношение финнов к России менялось от удовлетворительного до негативного, даже до ненавистного, и наконец, свелось к пониманию необходимости установления новых дружественных взаимоотношений после окончания Второй мировой войны. Негативные настроения были той исторической силой и факторами, без которых финская идеология осталась бы непонятой. Политическое мышление эпохи было пронизано идеями различий между национальностями, что национальность автора является почти без исключения высшей и наиболее развитой, с аналогичным мнением о русских/советских людях. Поэтому текст, который следует ниже, содержит характерные для того времени идеи финнов и русских. Они должны восприниматься в историческом контексте, а не как мнения автора данной статьи.

Таннер: история происхождения и ранняя карьера

Вяйнё Таннер родился в 1881 в г. Хэмеенлинна, расположенном на юге Финляндии. Его отец Ричард Таннер был торговцем, его мать Хильдегард Каролина Кант из Лангтора, провинция Уппланд в Швеции. В доме Таннера говорили на шведском³ [11, Wenner C-G., с. 187], а семья принадлежала к представителям среднего класса маленького городка, которые говорили на шведском языке. В 1914 г. он женился на Дженни Саломон-Сёренсен из Мальмё, Швеция, поэтому его связи со Швецией стали ещё глубже [12, Lundqvist G., с. 143–144]. Таннер учился в двух высших учебных заведениях, что было характерно для того времени для тех немногочисленных учеников, желающих продолжить свою учёбу в нескольких доступных высших учебных заведениях в Финляндии [13, Strömberg J., с. 258]. Таннер закончил Политехнический институт в 1905 г. (диплом инженера-химика) и демонстрировал намере-

³ Таннер вёл переписку с бабушкой со стороны отца на шведском. Напр.: Archive of Tromsø University Museum (ATUM), Archive of Väinö Tanner (AVT), Box 18, folder 3, Korrespondanse 1929, Letters from Hilli Tanner, 1929.

ния продолжить свою карьеру исследователя с самого начала обучения (кандидатская в 1909 г.), защитил докторскую диссертацию в 1914 г. [14, Tanner V.] по геологии в Императорском Александровском университете — учреждении, лучше приспособленном для создания такой научной работы. Его диссертация была частью более крупной серии публикаций о четвертичной системе, о движении континентального льда. Между 1903 и 1913 гг. он, работая в Геологической комиссии Финляндии, участвовал в геологических экспедициях в Лапландию. В 1908 г. посетил Кольский полуостров и в 1909 г. — Нот-озеро и Сонгельск (Notozero и Suenjel/Songelsk). Он рано начал преподавать и заниматься научными исследованиями при Геологической комиссии в Политехническом институте, и с 1905 г. — в Императорском Александровском университете, где он преподавал геологию и минералогию⁴ [3, Susiluoto P., с. 10–11; 15, Michelsen K-E., с. 166–167; 16, Rantala L., с. 45–46]. Таннер много учился за рубежом, изучал картографию в Стокгольме, геологию в России, а также языки в Швейцарии, Германии и России. Это одна из причин, почему его называют «космополитом».

Быстрый карьерный рост Таннера в самом начале его профессиональной деятельности был основан на общем подъеме классовых структур в стремительно обновляющейся Финляндии, и также на потребности государства в образованных специалистах и экспертах. Количество обучающихся студентов было небольшим и перспективы занятости для них были хорошими, особенно в науке; получение работы ещё до окончания учебного заведения было вполне типичным явлением [13 Strömberg J., с. 230–232, 235–236, 239–240, 257; 17, Strömberg J., с. 21]. Карьера Таннера получила краткое международное продолжение по причине его участия в работе комиссий, связанных с кризисом оленеводства в Турне Лаппмарк, в пограничной области между регионом Норрланд в Швеции и губернией Тромс в Норвегии (председательство в 1910–1912 и 1914–1917). Эта деятельность включала представление адаптационных форм и мер для саамов, а также многочисленные аспекты приграничного кочевничества. Он получил методологические уроки во время экспедиционных работ и во время общения с саамами. Среди его коллег были также некоторые первоклассные исследователи саамов той эпохи, например, Кристиан Ниссен, с работами и экспертными рекомендациями которого Таннер был знаком. Согласно архивным данным, ему ближе была шведская политика и деятельность шведских членов комитета, чем норвежских, которые открыто сомневались в надёжности и ценности свидетельств саамов. В любом случае, Таннер, как председатель комитета, охотно принял на себя роль эксперта, которую он исполнял также в своей более поздней научной карьере в отношении саамов [18, Nyysönen J.].

⁴ ATUM, AVT, Box 18, folder 10a, Private documents, CV.

Это была его позиция, которой он придерживался в предпочитаемой им политике в отношении саамов.

Краткое участие Таннера в работе Министерства иностранных дел и дипломатическая карьера (1918–1921), скорее всего, были связаны с тем, что администрация сферы международных отношений была в числе тех немногих отраслей, которые не имели административных структур или собственных министерств в новой независимой Финляндии (ещё одной областью была национальная оборона, все прочие административные ветви брали своё начало из эпохи автономии). Министерство иностранных дел было образовано в 1918 г., и количество постоянного персонала оставалось небольшим. Набор сотрудников на дипломатическую службу, в консульства и посольства (начиная с 1918 г.) происходил «по воле случая». Требовались сотрудники со знанием иностранных языков, так что университетское образование было естественным требованием при приёме на работу [19, Selén K., с. 170–171]. Таннер, с его опытом в области международного сотрудничества и знанием языков, обладал для этого необходимыми качествами. Таннер служил в Румынии, Болгарии, Турции и Греции. Он также выполнял непродолжительные поручения министерства. В 1918 г. он работал в качестве гражданского служащего в Департаменте внешней политики в миссии в Стокгольме, Швеция [2, Massa I., с. 202; 4, Susiluoto P., с. 12]. Он выступал в качестве эксперта в мирных переговорах между Финляндией и Советской Россией в Дорпате в 1920 г., а также в роли политического советника в Норвегии [20, с. 125]. В 1922 г. директор Комиссии по геологии Министерства иностранных дел пригласил Таннера заняться картографией месторождений полезных ископаемых в Печенге / Петсамо; эта деятельность продолжалась в течение 1924–1931 гг. В этот период он, в качестве государственного геолога, занимался геологическими исследованиями. Высокое содержание руды на месторождениях было обнаружено при бурении летом во второй части 1920-х гг., в то время как земляные работы на шахте началось в 1936 г. Добыча началась в 1942–1943 гг. [21, Nummela I., с. 112; 22, Vahtola J., с. 285–290, 305]. Помимо своей основной деятельности, Таннер собирал саамские топонимы и занимался геоморфологией и исследованиями береговой линии Северного Ледовитого океана. Возможно, в 1928–1930 гг. он вёл археологические раскопки, локализуя жилища каменного века на основе анализа древних береговых линий. Общение со скольт-саамами, продолжающееся в летние сезоны 1924–1927 гг., было одним из факторов, приводящих к постепенному смещению его интереса к географии человека. В течение 1920-х гг. Таннер написал монографию о скольт-саамах [1, Massa I., с. 67; 3, Susiluoto P., с. 12-13; 4, Susiluoto P., с. 77, 87; 12, с. 143–144].

«Антропogeография» — это синтез по истории скольт-саамов, по организации саамской деревни, её управлению, адаптации скольт-саамов и их способов жизнеобеспечения, по их отношению к окружающей среде и продолжающемуся кризису жизнеобеспечения и по общему состоянию народа. Книга имеет сложную политическую составляющую, призывает скорректировать ошибочные и предвзятые мнения о скольт-саамах, отказаться от русских культурных, языковых и расовых влияний, комментирует неразумную финскую политику (он начинает писать положительно о русских после того, как финны входят в Петсамо), а также «содействует счастью народа природы», воспроизводя критические и фактические данные о народе и явлениях Крайнего Севера. В книге существует неразрешимое противоречие между попытками возвысить положение скольт-саамов в существующей иерархии, и свойственный тому времени подход понизить скольт-саамов в обратном направлении, к примитивному положению. Кроме того, вера в расу как научный и иерархический фактор усложняет проблематику данной книги. Ещё до публикации «Антропogeографии», Таннер придерживался пространных мнений скандинавской политики в отношении саамов. Он никогда не поднимался до позиции принятия решения в пользу какой-либо политики, но что он имел в виду, говоря о них?

Таннер о скандинавской политике в отношении саамов

Как уже упоминалось, Таннер не был достаточно осведомлен об истинной силе политики норвегизации в начале 1920-х гг. В архивных данных содержатся достаточно обширные размышления по этой теме: в архивной рукописи Таннер подразумевал, что аннексия Печенги / Петсамо означала, что Финляндия получила «саамский вопрос». В своей работе по данному вопросу он пересматривал варианты Норвегии и Швеции по решению данной проблемы: Швеция практиковала гуманистически-сентиментальную «протекционистскую» политику, вынуждая саамов продолжать заниматься оленеводством. Норвегия придерживалась национально-экономического и социально-политического подхода, в котором саамам были предоставлены одинаковые права и обязанности со всеми гражданами страны, и предполагалось, что они должны были находиться в резерве одного и того же рынка труда, как и все остальные. Таннер в перспективе рассматривал и государственную риторику, и демонстрировал лучшие знания по шведской политике. Что касается норвежского варианта, его концепции не хватает весьма критического финского способа охарактеризовать политику по отношению к меньшинствам финно-угорских народов в Норвегии, особенно к финнам или финскоязычным меньшинствам, квенам — что стало уделом финских националистов с середины 1920-х гг., которые выступали против плохих экономических, языковых и образова-

тельных условий квенов, и обвиняли в этом норвежскую политику [23, Kaukiainen L., с. 104–113]. Учитывая негативное мнение Таннера об «истинных финнах», он, скорее всего, чувствовал отвращение при мысли войти в их ряды.

Когда дело дошло до формулировки наилучшего финского ответа на саамский вопрос, Таннер поддержал шведскую альтернативу. Первым аргументом стало утверждение, что для саамов было бы нежелательно конкурировать самостоятельно против интересов других профессиональных групп, принимая во внимание относительную слабость саамов. Во-вторых, природные условия не соответствуют положениям выбранной политики, разведению крупного рогатого скота, развивая критику выбранной финской политики в Лапландии и в Петсамо. Существует достаточно пастбищ, и месторасположение саамов наиболее подходит для оленеводства, завершает Таннер обсуждение этой темы ⁵. Доброжелательный, гуманистический, отеческий, протекционный и нормативный взгляд подразумевает, в свою очередь, рассматривать положение саамов как самое низкое, как людей с наименьшими возможностями или способностями действовать в своих собственных интересах, на территории, занятой более сильными, более способными группами действующих лиц. Государство Финляндия приобретает роль угрозы и роль примера. И государство должно принять меры для сохранения скольт-саамов. Эти роли не должны противоречить друг другу, так как успех протекционистской роли Финляндии зависел от того, как государственные чиновники следовали экспертному мнению Таннера. Таннер имел привычку рекомендовать скандинавский подход как пример для региона. Этот сдвиг в сторону скандинавской политики и его финский антипод, является ещё одной причиной для рекомендованной политики. С большей определённой можно утверждать, что Таннер не применял более агрессивный норвежский рационализаторский дискурс в отношении скольт-саамов [6, Andresen A., с. 155]. Он не соответствовал его дружественному подходу к скольт-саамам.

Самые последние исследования описывают шведскую политику в отношении саамов как патерналистскую, в которой признаются и соблюдаются культурные иерархии, но сохраняется протекционизм и консерватизм. В XIX в. социальное дарвинистское убеждение об исчезновении более слабого народа сочеталось с идеями христианства и необходимости оказания гуманистической помощи для продления его существования как можно дольше. Воздействие цивилизации будет означать обеднение и увеличение социальных расходов, а также потенциальную потерю кочевого образа жизни, который считался вредным и неудачным для саамов.

⁵ ATUM, AVT, Box 6, folder 2, Petsamon alueen paikannimiä, I Lappalaisia paikanimiä, koonnut V.Tanner, undated manuscript «Med Petsamo-området...»

С гуманистической точки зрения было бы правильным поддержать саамов в их кочевом образе жизни, который был обусловлен их расовыми характеристиками и местами проживания. Идея протекционизма была основана также на восприятии саамов как не способных позаботиться о себе, они нуждаются в руководстве свыше. Идеи о том, что они могут пострадать от цивилизации, были многочисленными в шведском дискурсе о саамах в первые десятилетия XX в., когда Таннер работал в комиссиях по оленеводческим пастбищам. Эти идеи привели к уменьшению их прав в сравнении с правами населения Швеции [24, Lantto P., с. 11–16]. Как я уже отмечал, шведская саамская политика была известна Таннеру.

По масштабу интеграции-сегрегации-ассимиляции, тенденция определить правильный путь для саамов привела в шведском случае к комбинации сегрегации и ассимиляции. Саамские школы были направлены на сохранение кочевого образа жизни для саамских детей, за счёт уменьшения количества учебных часов и отрицания современных удобств, таких как надлежащее жильё и др. Сохранение оленеводческого кочевнического образа жизни саамов осуществлялось посредством ряда защитных мер, например, созданием границы культивирования, которое закончилось в основном безуспешными попытками сегрегирования саамов от современного мира. С другой стороны, саамы, которые по каким-либо причинам отказывались от оленеводства или практиковали другие виды жизнеобеспечения, были исключениями, не удовлетворяющие строгим критериям «реальной» жизни саамов. Они должны были ассимилироваться со шведским населением, так как это и должно было произойти в любом случае. Протекционистский подход и отношение как к нижестоящим, привели к строгому контролю над саамами, в виде создания саамской службы (Lappväsendet), административного органа для решения «саамского вопроса» и осуществления политики в отношении саамов. В период ранних шведских контактов Таннера, учреждение в основном осуществляло различные аспекты сегрегации «Саам должен оставаться саамом» [24, Lantto P., с. 16–17, 141; 25, Lundmark L., в разных источниках]. В своей формулировке финской саамской политики Таннер поддерживал разделение, но, как мы увидим, не обязательно ассимиляцию саамов.

Если шведский подход был гуманитарным на словах, иерархическим на практике и также подразумевал использование силы определения, норвежский вариант был более прямолинеен в своем желании объединить и «цивилизовать» саамов. Оленеводство было одним из примеров того, что должно было исчезнуть из их жизни. Следовательно, будущая адаптация саамов к занятиям сельским хозяйством будет означать скачок вверх в культурной иерархии и слияние с норвежской культурой. Эта позиция была пронизана социальным дарвинизмом: кочевой образ жизни, как пережиток прошлого, должен был исчезнуть в столкновении с

более сильными формами существования. Политика норвегизации была основана также на (необоснованных) страхах о том, что саамы и квены могут выступить в роли «пятой колонны» с увеличением численности враждебных финнов и русских / советских жителей на севере Норвегии. Школа должна была стать самым важным учреждением в управлении этой национальной угрозой. Учительский состав и язык обучения должны были быть норвежскими. Кроме того, национал-конформистская политика норвегизации проводилась в период с 1850-х и до 1950-х гг. в таких отраслях, как строительство дорог, политика землепользования, церковное строительство и обширный контроль над «иностранными национальностями». В качестве одного из вариантов глобальных усилий цивилизовать и ассимилировать туземцев, политика норвегизации выделяется как исключительно долговечная, и оставившая прочные следы в общинах меньшинств, наиболее очевидные в потере языка / возможностей [26, Eriksen K.E., Niemi E., с. 26; 27, Jernsletten R., с. 8–17; 28, Minde H.].

Экономический аргумент и цель создания активного резерва рабочей силы, о которых говорил Таннер, были признаны менее важными, чем цель обеспечения национальной безопасности, по мнению Кнута Эйнара Эриксона и Эйнара Ниemi в их произведении о политике норвегизации *Den finske fare* (The Finnish Menace, 1981). Эти идеологи были нацелены на культуру меньшинств, их языки и чувство единения, которые предполагалось заменить на норвежское самоощущение и идентичность. Регнор Йернслеттен обсудил экономические предпосылки политики землепользования, право собственности могло быть закреплено только за теми, кто владеет норвежским языком. Экономический фактор, о котором упоминал Таннер, выражался в очень небольшом успехе политики аренды земель, так как ограничение продажи земли только норвежским гражданам оставалось в основном неиспользованным, а старая расстановка приоритетов экономической консолидации Финнмарка и переход от кочевого к оседлому образу жизни оставались более важными целями. В политике аренды земли страх перед иностранными национальностями был самым сильным, и фактическая дискриминация была наиболее вопиющей в отношении квенов, но эта политика не препятствовала заселению саамов и квенов. Более чем вопрос создания трудового резерва, по мнению Эриксона и Ниemi, обсуждение касалось идеи «квен как национальная угроза». И оседлое земледельческое поселение рассматривалось в качестве решения проблемы кочевничества саамов раз и навсегда [26, Eriksen K E., Niemi E., с. 22–24, 60–61, 69–81, 119, 126–128, 228–237; 27, Jernsletten R., с. 17–18].

Аргументация, схожая с мнением Таннера, также присутствует в дискурсе о школах, как прогрессивном факторе для меньшинств, считающихся «малоразвитыми». В этих обсуж-

дениях звучали доводы о национальной угрозе и более значимые — о необходимости цивилизовать меньшинства и встроить их в норвежское общество, как писал директор школы в Финнмарке, Бернт Томассен в 1917 г. (саамы называли его [Николай] «Бобрикофф», имея в виду генерал-губернатора Финляндии с его целью «русифицировать» Великое княжество Финляндское; он был убит в 1904 г.). Саамы и квены почувствовали бы единство с норвежцами, а также разделяли солидарность и норвежскую культуру и радовались благосостоянию в результате подъёма, и конечной целью являлось создание лояльных граждан саамов и квенов (противопоставление политики норвегизации означало, что обращение с меньшинствами привело бы к таким же результатам). Эта риторика не объясняла обязанности новых полноправных граждан, пользующихся равенством, обещанным норвегизацией [26, Eriksen K.E., Niemi E., с. 115–121], как в формулировке Таннера, но могла служить для него в качестве источника, так как он был занят короткой перепиской по вопросу школ с одним пламенным сторонником норвегизации Йоханнесом Хаахеймом, из бывшего района скольт-саамов в Нейдене⁶. Этот источник показывает более поздний интерес к этому вопросу и мягкое критическое отношение Таннера к политике норвегизации в школах. Здесь Таннер демонстрирует понимание запросов государства, но соглашается не полностью, особенно в отношении культурных изменений. Согласно полукочевой модели, которую предпочитали шведские эксперты и Таннер, оленеводство должно было остаться в качестве народного культурного умения в среде, наилучшим образом приспособленной для такой адаптации.

Это было очевидным для Таннера, как и то, что современность представляла собой угрозу в том плане, что финны опрометчиво поддерживали развитие сельского хозяйства, плохо подходящего для существующей окружающей среды, и там, где ещё не существовало перекрытий между нишами для различных способов существования. Таннер сам хотел создать границу, разделяющую область сельского хозяйства, лесного хозяйства и оленеводства в регионе, на благо всех трёх упомянутых форм землепользования. Одним из источников этих идей

⁶ Только что закончивший семинарию в Тромсё Йоханнес Хаахейм был направлен в многоязыковой регион Нейден учить детей саамов и финнов, потому что он не владел саамскими языками. Это было логичным в рамках политики норвегизации, практикуемой в 1880–1890 гг. Хаахейм сам был родом из Харданжера, Вестланн, и являлся активным членом местной «аристократии» в Нейдене, с позицией доверия по крайней мере к церкви и муниципалитету. Он был мэром в 1901–1904 гг. и пользовался хорошей репутацией в муниципалитете также как учитель, «который «норвегизировал» учеников без применения силы» [Rasmussen, Sigrun: Neiden kapell og Svanvik kapell, Nasjonal oppbygging i Sør-Varanger, Hovedoppgave i kunsthistorie, våren 2007, Institutt for filosofi, ide- og kunsthistorie og klassisk språk, Universitetet i Oslo, 35, 37–38]. Хаахейм изображён в Den finske fare как ярый пропагандист политики норвегизации. Он открыл первое школьное общежитие в Нейдене и руководил им, писал о ненадёжности квенов в регионе в своих секретных отчётах, которые он высылал военным [26, Eriksen, K. E., Niemi, E., с. 66, 137–138].

были шведские идеи по этому вопросу, и один из провокационных дискурсов был финский, восхваляющий финского крестьянина в качестве идеала нормы [29, Tanner V., с. 81, 97].

В переписке, Таннер говорил, что он не согласен полностью с Хаахеймом, без указания моментов несогласия (оригинал письма от Хаакейма к Таннеру не был найден в архивных документах), но Таннер взял в качестве отправной точки мнение саамского ученика: в худшем случае ученики сидели в классной комнате, не понимая языка учителя и не получая никакой пользы от такого обучения. Прошло много времени, прежде чем Таннер обратился к идее национальной безопасности, которая являлась отправной точкой в большей части разговоров о политике норвегизации. Но в конце концов Таннер вернулся к эволюционному мнению, утверждая в унисон с Хаахеймом, что образование должно соответствовать культуре разных национальностей, и интересы государства соблюдаются наилучшим образом, если люди тесно связаны вместе в твердую культурную единицу (*kulturförband*). Развитие культуры не может продолжаться независимо от развития существования, поддержания народа (*folkbestånden*)⁷.

Размышления Таннера продолжались в двух направлениях. Концепция Таннера по истории и культуре была эволюционной, но Таннер обдумывал вопросы национализации в рамках школьной структуры⁸ и также с точки зрения равенства. Есть явные признаки демократического гуманизма, в то время как его обсуждение лучшего для государства не определяет культурные аспекты, в которых ученики должны быть объединены. Единственная форма и идея развития указывают, скорее всего, на основную культуру каждого основного государства. Тем не менее, последнее предложение, кажется, относится к несколько более плюралистическим мнениям о культуре скольт-саамов, столкнувшейся с современной культурой, и к чему они должны быть готовы для того, чтобы не встретить её прямолинейно, от примитивной позиции, согласно «Антропогеографии», но, в которую они не должны обязательно погружаться, и ассимилироваться. По моему мнению, Таннер не поддерживал ассимилятивные меры. Дополнительное подтверждение этого отношения восходит к более раннему тексту о скольт-саамских топонимах, в котором Таннер писал о саамах в процессе аккультурации, ассимиляции как нежелательном. Таннер использовал свой собственный термин *eräkansallistuttaminen*, что переводится примерно как «денационализация саамов» и может использоваться для перевода термина *Die Denationalisierung*, используемого в научных текстах того времени [30, Kihlman A.O., с. 39]. Явный мотив спасения в статье подробно из-

⁷ ATUM, AVT, Box 6, folder 1b, Muetkess, Njaudam, undated draft for a letter to Mr. Haaheim.

⁸ ATUM, AVT, Box 6, folder 2, Petsamon alueen paikannimiä, I Lappalaisia paikanimiä, koonnut V.Tanner, undated manus "Schnitler omtalar nämligen i sitt..."

ложен и касается необходимости сохранения традиций скольт-саамов для будущих поколений, прежде чем они исчезнут — напоминает начальную точку большей части аргументации для политики ассимиляции, которую Таннер, однако не развивал [31, Tanner V., с. 3–4].

Таннер подготовил ещё один проект по школьному вопросу, в котором он более щедро делился своими мыслями. В его рассказе о саамской школе, он скептически относится к пожеланию размещения детей саамов в ту же школу с учениками, принадлежащими к иной, более высокой расе. Их столкновение может стать неудачным, и школа может оказаться в качестве «пыточного учреждения для дитя природы» (*tortyranstalt för naturbarnen*) и привести к отказу саамских детей учиться в школе. Поэтому, а также из-за общей неприязни саамов к школьным общежитиям, Таннер поддерживал идею собственной школы в зимней деревне. Таннер говорил об ещё одном аспекте в его критическом обсуждении общежитий: где можно найти женщину с достаточно культурной зрелостью, чтобы преданно заботиться о таком количестве детей, принадлежащих к другой расе? Отрывок из текста заканчивается цитатой из первого романа Birra Muitalus Samiid (*Story about the Sami* — «Рассказ о саамах», 1910), в котором автор Йохан Тури выражает своё мнение о плюсах (саамов всё труднее соблазнить, так как они учатся читать, писать и выполнять арифметические действия) и минусах (неизбежные изменения в культуре и природе от саамской к крестьянской) шведской «5-летней школы» [32, Turi J., с. 28–29]⁹. Идея является иерархической и рациональной, но в то же время сострадательной и культурно чувствительной, и более склонна к культурно-охранному духу шведской модели, чем к ассимиляционному норвежскому варианту. Она также может на самом деле охватывать некоторые аспекты реальных столкновений саамских учеников уже направленных в школы на севере — Таннер ссылается на дискуссии между ним и шведскими саамами в текстовом отрывке. Расовый фактор пытались использовать в качестве вспомогательного, и как патерналистский и инструментальный тон, но, по крайней мере, в ретроспективе он терпит неудачу в качестве аргумента.

Кроме общего «развития», закономерного и желаемого результата школьного опыта, Таннер не касался вопроса упразднения и исчезновения культуры коренных народов, или насаждения иной культуры, предоставления политических прав или спасения коренных жителей, все эти моменты были типичными способами говорить об ассимиляции и прогрессе индустриальной социологии групп коренных народов, включая пример норвежцев [28, Minde H., с. 126–131; 33, Cairns A.C., с. 53–56]. Таннер использовал саамские источники, которые смягча-

⁹ ATUM, AVT, Box 6, folder 2, Petsamon alueen paikannimiä, I Lappalaisia paikanimiä, koonnut V. Tanner, undated manuscript in a collection titled «Upplysningen».

ли его дискурс. Попытка взглянуть на ситуацию с точки зрения саамских учеников имела тот же эффект.

В своих суждениях по норвежской политике Таннер оказывался в ситуации, когда он не обладал достаточной информацией. Некоторые аспекты политики являлись секретными, и многие последствия политики норвегизации проявились позднее. Политика сопровождается силой и охватом, которые не способствуют отражению реальной исторической ситуации всех фаз политики норвегизации, охватывающей период более десяти лет. Данное утверждение не является преуменьшением политики норвегизации, а выступает в качестве методологического заявления о доступных исторических знаниях в контексте того времени, и последствиях, которые имели исторические явления в различных политических проектах впоследствии. Обе этих сферы, историческая и политическая, могут быть изучены исторически, но должны разделяться, так как эпистемологические правила, в соответствии с которыми действуют исторические субъекты, различны.

Заключение: Таннер — дружественный саамам учёный?

В общем, Таннер разделял позицию социального дарвинизма и мировоззрение, присущее шведской политике и более агрессивному норвежскому варианту в отношении саамов. Направление суждений Таннера было аналогичным, саамы продвигались вверх по лестнице социально-культурной эволюции, и обсуждались только средства и темпы подъема. Таннер выбрал более мягкий, шведский вариант, тот, который оставлял место для некоторой культурной чувствительности и защиты культурной среды, а также, что самое главное, для оленеводства, формы существования зарезервированной для саамов. Его культурная чувствительность была наиболее очевидна в его несколько неоднозначных мнениях о школе и саамах.

Расовый вопрос был поясняющим и исследовательским фактором для Таннера, и он включил продолжительную главу о физической антропологии в «Антропогеографию». Однако, он не вставил в свою книгу агрессивную норвежскую риторику о саамах. Это не обязательно ещё один признак неосведомлённости о политике норвегизации, или простое нежелание. Агрессивная норвежская риторика была тем, против чего он намеревался выступать в первую очередь, и, следовательно, должен был не упоминать норвежские идеи в своей книге, либо должен был выступить против них. Для Таннера норвежская риторика была дефектной, непригодной дискурсивной зоной, а не источником влияния. Книга должна была стать ответом на финский агрессивный дискурс о скольт-саамах, объясняющим, что норвежские и скандинавские рассуждения о германском превосходстве бесполезны, из-за силы дискурса, разместившей саамов на самую низкую ступень. Как финн и швед, он мог бы также разде-

лять мнение о германском расовом превосходстве по сравнению с финнами и другими финскими меньшинствами, и эта позиция была достаточно притягательной. Из-за этой двойственности и скудных формулировок, «Антропогеография» не даёт однозначного ответа о мнении Таннера касательно политики в отношении саамов.

Среди дискурсов, которые он не выбрал для воспроизведения, были дискурсы об «истинных» финнах по притеснению диаспор финно-угорских меньшинств. Это подтверждает старое представление о нём как о человеке, выступающем против идеи «истинных» финнов. Это известный факт, который хорошо резонирует с его финско-шведской национальностью. То же самое относится и к политике в отношении финских саамов, которую он подвергал критике в своей «Антропогеографии».

Изложение Таннером предпочтительной политики в отношении саамов, казалось, образует парадокс по отношению к его «дружественной к саамам» позиции. Шведская политика была опротестована в то время саамами и, безусловно, впала в немилость среди исследователей. Таннер писал как эксперт, что иногда приводило к патерналистскому отношению, иногда он даже чувствовал себя виноватым из-за «неправильных» решений в отношении саамов, так как выбор правильных решений им предложен не был. Его категоричный взгляд иногда был суров, столь же суров, как и шведская политика, и он выступал за «правильную» форму полукочевого оленеводства. Роль эксперта в шведском дискурсе стала для него глубоко привлекательной и повлияла на его научные труды. Он назвал шведскую политику «гуманистически-сентиментальной», что означает, что он считал норвежскую политику более инструментальной и культурно менее чувствительной. Он был искренним «другом саамов» в соответствии со стандартами его времени. В то время, патернализм, присущий шведской политике, воспринимался по-другому, он получил значение враждебного влияния на саамскую рациональность и чувствительность позже. Кажущаяся благосклонность при встрече с коренным населением, действие и диктующая политика в интересах коренного населения и от его имени, были частью императорских и гигиенических дискурсов того времени. То есть причины этой политики были продиктованы интересами государства, здоровьем государства. Это были две стороны одной медали, и они не отрицали друг друга.

Среди аспектов, которые по-прежнему делают Таннера дружелюбным исследователем в отношении саамов, является выбор «гуманной» политики, также касающийся идеи о расе. Как и в политике, он никогда не принимал евгенические или детерминистские взгляды относительно расы, но связывал расовое обсуждение с более широкими размышлениями о жизнеспособности народа. Он прекратил, как известно, возражать норвежским учёным, та-

ким как Амунд Хелланд, что скольт-саамы не вымирали или вырождались [7, Tanner V., с. 329]. По мнению Таннера, саамы были способны к развитию, но развиваться им было бы нужно так, как считал Таннер.

Литература / References

1. Massa, I. Arktisen kulttuurintutkimuksen juurilla. Väinö Tanner suomalaisen antropogeografian uranuurtajana. *Suomalaisen antropologian uranuurtajia* / ed. Kelles-Viitanen A. Helsinki: Finlands antropologiska sällskapetets skrifter 7. 1981. 171 p.
2. Massa, I. The problem of the development of the north between the wars: some reflections of Väinö Tanner's human geography. *Fennia* No2 (162). 1984. pp. 201–215.
3. Susiluoto, P. Suomen ajan ihmismaantiedettä Petsamossa (Human geography in Petsamo during the Finnish era). *Ihmismaantieteellisiä tutkimuksia Petsamon seudulta, 1 Kolttalappalaiset* / ed. Susiluoto P. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 2000. 110 p.
4. Susiluoto, P. Two Skolt Geographies of Petsamo during the 1920s and 1930s. *Encountering the North, Cultural Geography, International Relations and Northern Landscapes* / ed. Möller F. and Pehkonen S. Aldershot: Ashgate. 2003. 294 p.
5. Susiluoto, P. Väinö Tanner: Some remarks on critical dimensions of Antropogeografiska. *I går, i dag imorgon – Samerna, politiken och vetenskapen* / ed. Sköld P. and Axelsson P. Umeå: Skrifter från Centrum för Samisk forskning 4. 2005. 272 p.
6. Andresen, A. *Sii'daen som forsvant, Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826*. Kirkenes: Sør-Varanger Museum, 1989, 194 p.
7. Tanner, V., Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. 1 Skolttlapparna. *Fennia* No4 (49). 1929. pp. 1–518.
8. Shapin, S. Social uses of science. *The Ferment of Knowledge, Studies in the Historiography of Eighteenth-Century Science* / ed. Rousseau G. S. and Porter R. Cambridge: Cambridge University Press. 1982. 500 p.
9. Mathiesen, S. R. Changing Narratives about Sami Folklore, A Review of Research on Sami Folklore in the Norwegian Area. *Sami Folkloristics* / ed. Pentikäinen J. et al., Turku: Nordic Network of Folklore. 2000. 284 p.
10. Shapin, S. History of Science and its Sociological Reconstructions. *History of Science* No49 (20:3). 1982. pp. 157–211.
11. Wenner, C-G. V. Tanner, En minnesteckning. *Svensk Geologisk Årbok* (24). 1948. pp. 181–189.
12. Lundqvist, G. Väinö Tanner: f. d. professor i geografi vid universitetet i Helsingfors: geolog hos Skånska Cement AB i Malmö. Stockholm: Levnadsteckningar över Kungl. Svenska Vetenskapsakademiens ledamöter 9. 1968.
13. Strömberg, J. Den högre utbildningens expansion och studenterna från de svenskspråkiga skolorna i Finland ca 1880-1920. *Historisk Tidskrift för Finland* No2 (92). 2007. pp. 229–258.
14. Tanner, V. *Studier öfver kvartärsystemet i Fennoskandias nordliga delar. III. Om landisens rörelser och afsmältning i finska Lappland och angränsande delar*. Bull. Comm. Géol. Finlande 28. 1914. 667 p.
15. Michelsen, K-E. Tiede rauhan ja sodan vuosina. *Suomen tieteen historia 4. Tieteen ja tutkimuksen yleinen historia 1880-luvulta lähtien* / ed. Tommila P. et al. Helsinki: WSOY. 2002. 699 p.
16. Rantala, L. *Kuolaan, Venäjän vallan aikana Kuolan niemimaalla käyneet suomalaiset tiedemiehet ja heidän kirjoituksensa*. Rovaniemi: Lapin yliopiston kasvatustieteellisiä raportteja 5, 2008. 71 p.
17. Andersson, E. Språkvård genom litteratur. *Finlands svenska litteraturhistoria, Andra delen: 1900-talet, Uppslagsdel* / ed. Zilliacus C. Helsingfors/Stockholm: Svenska Litteratursällskapet i Finland, Bokförlaget Atlantis. 2000. 516 p.
18. Nyyssönen, J. Väinö Tanner in the field – The early encounters between a state official and Sami herders in the field during the reindeer pasture crisis in Torne Lappmark. *Transcultural Encounters* / ed. Alenius K. and Lehtola V-P. Rovaniemi: Studia Historica Septentrionalia 75. Pohjois-Suomen Historiallinen Yhdistys. 2015. 290 p.

19. Selén, K. Ulkoasiainhallinto. *Suomi 75, Itsenäisen Suomen historia 2* / ed. Tarkka J. et al. Helsinki: Weilin+Göös. 1992. 303 p.
20. Tanner produced pro memorias for peace negotiations during his engagements. Lampio, E. and Hannikainen, L., *Petsamon opas*. Helsinki: Otava. 1921. 133 p.
21. Nummela, I. Nickeltransporterna från Petsamo. *Petsamo och havet* / ed. Engman M. and Westerlund K. Åbo: Sjöhistoriska Institutet vid Åbo akademi, 2009. 225 p.
22. Vahtola, J. Kaivostoiminta Petsamossa. *Turjanmeren maa, Petsamon historia 1920–1944* / ed. Vahtola J. and Onnela S. Rovaniemi: Petsamo-Seura. 1999. 796 p.
23. Kaukiainen, L., *Avoin ja suljettu raja, Suomen ja Norjan suhteet 1918–1940*. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1997. 270 p.
24. Lantto, P. *Lappväsendet, Tillämpningen av svensk samepolitik 1885-1971*. Umeå: Miscellaneous publications no. 14, Publications from Vaartoe – Centre for Sami Research, Umeå University, 2012. 548 p.
25. Lundmark, L. *“Lappen är ombytlig, ostadig och obekväm”, Svenska statens samepolitik i rasismens tidevarv*. Umeå: Norrlands universitetsförlag, 2002. 198 p.
26. Eriksen, K.E. and Niemi, E. *Den finske fare, Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860-1940*. Oslo: Universitetsforlaget, 1981. 470 p.
27. Jernsletten, R. *Samebevegelsen i Norge, Idé og strategi 1900-1940*. Tromsø: Skriftserie – Nr. 6, Sámi dutkamiid guovddáš/Senter for samiske studier, Universitetet i Tromsø, 1998. 192.
28. Minde, H. Assimilation of the Sami — Implementation and Consequences. *Acta Borealia* No2 (20). 2003, pp. 121–146.
29. Tanner, V. Voidsaanko Petsamon aluetta käyttää maan hyödyksi? Keinoja ja tarkoitusperiä. *Fennia* No3 (49). 1927. Pp. 1–122.
30. Kihlman, A.O. Bericht einer naturwissenschaftlichen Reise durch Russisch Lappland im Jahre 1889. *Fennia* No6 (3). 1889. Pp. 1–40.
31. Tanner, Väinö: Petsamon alueen paikannimiä 1, Lappalaisia paikannimiä (The place-names in Petsamo-region 1, Lappish place-names), *Fennia* No 2 (49). 1928. Pp. 1–36.
32. Turi, J. *Min bok om samene*. Karasjok: ČálliidLágádus, (1910) 2011. 206 p.
33. Cairns, A. C. *Citizens Plus, Aboriginal Peoples and the Canadian State*. 2nd printing. Vancouver, Toronto: UBC Press, 2001. 282 p.

УДК 55:549:069(470.13)

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.40

Геологическое наследие академических экспедиций на арктическом побережье Европейской части России

© **Астахова Ирина Сергеевна**, кандидат геолого-минералогических наук, руководитель Геологического музея имени А. А. Чернова Института геологии Коми научного центра УрО РАН. E-mail: astakhova@geo.komisc.ru Тел.: +7 (8212) 44 70 45

© **Жданова Лилия Раиковна**, младший научный сотрудник Геологического музея имени А.А. Чернова Института геологии Коми научного центра УрО РАН. E-mail: zhdanova@geo.komisc.ru

Аннотация. В работе кратко описывается история и результаты исследований геологии арктических территорий. Отражены научные результаты, полученные сотрудниками Института геологии КНЦ УрО РАН в результате экспедиционных работ начиная с 1958 г. Приведены данные по геологическим коллекциям с арктических территорий северо-восточной части Восточно-Европейской платформы, Тиманского кряжа и северной части Уральской складчатой системы с продолжающей её островной цепью (Вайгач, Новая Земля). Геологический музей им. А.А. Чернова может являться региональным научно-образовательным ядром по сохранению историко-культурного и природного наследия Арктики.

Ключевые слова: научные исследования, экспедиции, Арктика, геологический музей, коллекция

The geological heritage of academic expeditions on the Arctic coast of European Russia

© **Irina S. Astakhova**, Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Head of A.A. Chernov Geological Museum of Institute of Geology of Komi Science Centre of the UB of the RAS. Contact phone: +7 (8212) 44 70 45. E-mail: astakhova@geo.komisc.ru

© **Liliya R. Zhdanova**, Junior researcher at A.A. Chernov Geological Museum of Institute of Geology of Komi Science Centre of the UB of the RAS. Contact phone: +7 (8212) 44 70 45. E-mail: zhdanova@geo.komisc.ru

Abstract. The work briefly describes the history and research results of geology of the Arctic territories. It reflects the scientific results obtained during field works of the Institute of Geology of Komi Science Centre of the UB of the RAS since 1958. The data on geological collections from the Arctic territories of the North-Eastern part of the East European platform, Timan and the Northern Ural with islands Vaigach, Novaya Zemlya is given. Geological Museum named after A.A. Chernov can be a regional research and education core for the conservation of historical, cultural and natural heritage of Arctic.

Keywords: scientific research, expeditions, Arctic, geological museum, collection

Геологические коллекции как часть культурно-исторического наследия

Доподлинно неизвестно, когда была организована первая музейная экспозиция, отражающая историю исследования арктических широт. Упоминание об одной из первых выставок, посвящённой арктической экспедиции, относится к 1597 г. На гостином дворе в Коле были выставлены трофеи экспедиции голландского мореплавателя и исследователя Арктики Виллема Баренца, который совершил плавание от северной оконечности о. Новой Земли до берегов Мурмана [1, Долгова С.]. В 1714 г. в «Кунсткамере» выставляются высокохудожественные экспонаты Сибирской коллекции, которая впоследствии пополнялась предметами

Великой Северной экспедиции (1732–1742). Материалы других арктических экспедиций, полученные в результате плаваний Ф.П. Литке и Ф.П. Врангеля в Северном Ледовитом океане в первой четверти XIX в., демонстрировались в открытом в 1805 г. в Санкт-Петербурге «Морском музее» (Центральный военно-морской музей) [1, Долгова С.].

В наши дни материалы арктических экспедиций демонстрируются во многих музеях страны. В число таких музеев входят музей Арктики, музей Архангельского мореходного училища, музей истории Гидрометслужбы Севера, музей Института прикладной геофизики имени Е. К. Федорова, музей Института океанологии. В 2002 г. открыт Музей Мирового океана в Калининграде, в котором экспонируются материалы арктических экспедиций. Большая часть экспонатов музеев несут историко-культурное значение, и лишь часть экспозиций несут естественнонаучную нагрузку. Роль музейных собраний гуманитарного профиля очевидна для большинства людей, но естественнонаучные, в частности, геологические собрания не получили широкого признания как важная часть историко-культурного наследия.

Геологический образец обладает множественными информационными гранями или полифункциональностью. Неограниченность процесса получения информации у геологических образцов проявляется ярче. В первую очередь объектом для исследования является вещество. Однако, геологический образец как музейный предмет несёт в себе не только специальную научную информацию, но и сведения историко-культурного характера. Образцы, а в особенности коллекции, специально отобранные и связанные по идейно-тематическому признаку, могут рассматриваться как свидетельства определённого этапа развития научных взглядов отдельного учёного или целого научного направления, как свидетели культурно-исторических событий и крупных географических открытий. Таким образом, музейный геологический образец следует рассматривать не только как природное образование, но и как предмет, тесно связанный с историей отечественной науки.

В России не так много музеев, где были бы представлены геологические коллекции арктических территорий. Одним из таких музеев является научно-геологический музей имени Александра Александровича Чернова. Музей был создан в 1969 г. как научное структурное подразделение Института геологии КНЦ УрО РАН, расположенного в Сыктывкаре. В музее накоплен обширный геологический материал, отражающий современный уровень знаний о составе, строении и истории развития земной коры территории северо-востока Европейской части России: Тимана, Северного, Приполярного и Полярного Урала, Пай-Хоя, островов Вайгач и Новая Земля. Геологические собрания являются вещественным результатом проведённых исследовательских работ и научных экспедиций. Арктические коллекции музея

представлены горными породами, минералами, органическими остатками, керновым материалом, собранные с территории Северного Тимана и Большеземельской тундры, с островов Новая Земля и Вайгач, с полуостровов Канин и Югорский. Данное геологическое собрание состоит из 122 коллекций: 70 коллекций являются монографическими, 11 относятся к категории выставочных и 21 коллекция к категории рабочих коллекций общим объёмом 13 700 единиц хранения.

Академические геологические экспедиции в Арктике до начала XX вв.

В исторической ретроспективе освоения Арктики чётко прослеживается многолетний опыт Академии наук в организации и проведении исследований на арктической территории. Её определяющая роль в выборе района и тематики работ с государственными запросами времени полно описана для регионов Европейского Севера [2, Асхабов А.М., Гецен М.В., Самарин А.В.]. Вскоре после создания в Петербурге Императорской Академии наук начинается изучение обширных северных территорий и первые арктические экспедиции. Первые сведения о геологии района были получены в ходе экспедиционных исследований 1907–1912 гг., сделанных исследователем Арктики В.А. Русановым, который реконструировал палеообстановку между Ледовитым океаном и исчезнувшим морем Центральной Европы и пути расселения некоторых разновидностей фауны в полярных областях, а также открыл месторождения каменных углей на о. Шпицберген.

Существенный вклад в изучение Арктики внесли экспедиционные и стационарные исследования, организованные Полярной комиссией (1914), перед которой стояла задача в составлении физико-географических и административных карт Севера [3, Роцевский М.П., Роцевская М.П., Бровина А.А.]. Расцвет деятельности комиссии пришелся на 1920-е — начало 1930-х гг. Сложная экономическая и политическая ситуация в стране при отсутствии собственной сырьевой базы стали мотивом для создания Северной научно-промысловой экспедиции (1920). Этой экспедиции предписывалось проводить исследовательские и промысловые работы, а также координировать любые изыскания, предпринимаемые другими организациями на всем пространстве от Северного Урала до восточной окраины Таймырского полуострова и на арктических островах Европейской части СССР [4, Самойлович Р.Л.]. В 1920–1930-е гг. экспедиции организованы Географическим Институтом, Российской Академией наук, Гидрологическим Институтом и главным образом Северной научной промысловой экспедицией под руководством П. В. Виттенбурга, Р. Л. Самойловича, М. М. Кругловского, в ходе которых собран представительный материал по морфологии берегов и их строению с богатыми палеонтологическими коллекциями. Собранные коллекции силурийской и девон-

ской фауны в основном отправлялись на определение к ведущим специалистам (Д. Наливкин, В. Верьер, Е. Рейн, Ф. Чернышев) [5, Виттенбург П.В.]. В 1933 г. Всесоюзным Арктическим институтом была организована экспедиция под руководством горного инженера Б.В. Милорадовича и его помощника Н.Н. Мутафи, в задачи которой входила разведка полезных ископаемых и геологическая съемка северного побережья о. Новой Земли. Большой вклад был сделан в изучение магматических образований Новой Земли и выявлены особенности полиметаллических оруденений [6, Милорадович Б.В.].

В 1933 г. была совершена поездка Печорской бригады под руководством А.П. Карпинского, и в том же году состоялась поездка бригады Полярной комиссии на остров Вайгач [3]. По итогам широкомасштабных работ Печорской экспедиции на Президиуме АН СССР была принята рабочая гипотеза народно-хозяйственного освоения Печорского края. Разработанные на её основе правительственные постановления определили стратегию развития Печорского края. Одним из основных предложений академической бригады было строительство железной дороги на Воркуту.

К этому времени были проведены экспедиционные исследования профессором А. А. Черновым, который ещё в 1929 г. занимался стратиграфией и тектоникой угольного района Печорского края. Его совместный с А.Ф. Лебедевым доклад у члена коллегии ОГПУ Г. Бокия в январе 1929 г. стал основанием для посылки Ухтинской экспедиции ОГПУ. В ходе экспедиции на р. Воркуту в 1930 г. А. А. Черновым было открыто Воркутское месторождение углей.

Рисунок 1. Экспедиция А.А. Чернова на р. М. Талата. 1933 (из фондов ГМ им. А.А. Чернова)

В апреле 1931 г., делая доклад в Архангельске на Второй конференции по изучению производительных сил Северного края, учёный отметил: «То, что угленосный бассейн Печоры продолжается в северном направлении, что он уходит под наносы Большеземельской тундры, для меня было достаточно ясно уже в 1924 году». А в январе 1933 г., выступая на заседании сектора природных ископаемых Госплана СССР, А.А. Чернов подчеркнул: «Считая Воркутскую свиту продолжением свиты Кожима, Инты и т.д., я направил партию на Воркуту совершенно сознательно» [7, Астахова И., Иевлев А., Жданова Л.].

Дальнейший этап изучения богатейших природных ресурсов Арктики был связан с организацией на Европейском Севере стационарных учреждений Академии наук. Одними из первых в СССР были созданы Кольская база АН СССР в г. Кировске (1932) и Северная база АН СССР в Архангельске (1936). В начале войны они были эвакуированы в г. Сыктывкар, где начали масштабное научное изучение территории региона. Исследования, проведенные за 1941–1944 гг., оказали существенное воздействие на экономическое развитие Коми АССР. В результате Президиумом АН СССР было принято решение организовать в Сыктывкаре Базу АН СССР в Коми АССР (1944), поставить перед ней задачи по изучению природных богатств Севера. В результате деятельности учёных-геологов осталось немалое научное наследие: обширная библиотека по полярным вопросам, картографические материалы, вещественные свидетельства экспедиций, рукописи статей и дневников. Геологические материалы, собранные в ходе арктических экспедиций XIX — начала XX вв., сохранились в единичных коллекциях центральных естественнонаучных музеев (ЦНИГР музей им. академика Ф.Н. Чернышева (Санкт-Петербург), Горный музей (Санкт-Петербург)).

Арктические экспедиции Института геологии Коми научного центра АН УрО РАН

Исследования северных территорий были подняты на новый уровень с организации в Сыктывкаре Базы АН СССР (1944 г.) — Коми филиала АН СССР (с 1949 г.) — Коми научного центра УрО РАН (с 1991 г.). В годы войны и первые послевоенные годы на арктических территориях европейского северо-востока проводились исследования в небольших объёмах. В Арктике велись работы от южных границ лесотундровой зоны и до островов Новая Земля и Вайгач. Преимущественно геологические исследования были направлены на поиски и разведку минеральных ресурсов. В 1958 г. создаётся Институт геологии Коми филиала АН СССР, в котором основными объектами исследования является Европейский Северо-Восток России, который охватывает арктические территории северо-восточной части Восточно-Европейской платформы, Тиманский кряж и северную часть Уральской складчатой системы с продолжающей её островной цепью (Вайгач, Новая Земля). Экспедиционные исследования позволили

получить новые данные по геологическому строению и истории геологического развития территории, открыть новые месторождения и проявления полезных ископаемых [8, Фишман М.В.]. Ожидаемые первые крупные успехи произошли в расширении базы углеводородного сырья. 1960-е гг. характеризуются небывалым подъёмом геологических научных исследований в области углеводородного сырья и первыми яркими открытиями нефтегазовых и газоконденсатных месторождений (Западно-Тэбукское — 1959 г.; Усинское — 1962 г.; Вуктыльское — 1964 г.). За первые десять лет существования института благодаря полученным материалам была создана региональная унифицированная схема стратиграфии палеозойских и нижнемезозойских отложений, были выявлены перспективы для дальнейшего изучения и расширения минерально-сырьевой базы в пределах Предуральского краевого прогиба и Большеземельской тундры [4, Самойлович Р.Л.].

С 1969 г. под руководством Н.П. Юшкина с участием Б.А. Осташенко, В.И. Силаева, А.М. Асхабова, К.П. Янулова, А.Б. Макеева, П.П. Юхтанова, А.Ф. Кунца осуществляется весьма амбициозная программа научных экспедиций на Пай-Хой и Вайгач-Южноновоземельский антиклинорий. Наиболее плодотворной и результативной были поездки в 1972–1976 гг. В эти годы совершены морские экспедиционные работы, проведены широкомасштабные стратиграфические, палеонтологические исследования, выявлены рудные месторождения и рудопроявления на о-ве Вайгач и северо-западной части Югорского полуострова (рис. 2).

Рисунок 2. Экспедиционные работы отрядом Института геологии на о. Вайгач. 1973.
(из фондов ГМ им. А. А. Чернова)

Впервые в 1974 г. в северной части Южного острова, в районе губы Грибовой были обнаружены среднекаменноугольные отложения. В 1970-е гг. открыта новая Урало-Новозе-

мельская флюоритоносная провинция с крупными запасами уникального по качеству сырья для оптической промышленности. Были проведены комплексные литолого-геохимические исследования на севере Урало-Пайхойского региона, составлены прогнозно-металлогенические карты. К 1976 г. подтверждён факт широкого развития флюоритовой минерализации в юго-западной части о. Новая Земля и открыто несколько десятков новых проявлений. В эти же годы проводятся комплексные экспедиции на побережьях Карского и Баренцевого морей, Северном Тимане, Югорском полуострове, острове Вайгач.

Последующие экспедиционные работы были направлены на углубление изучения геологического строения арктических территорий в области Пайхойского антиклинория, Большеземельской тундры и северной части Тиманского кряжа. Продолжились исследования по стратиграфии верхнекайнозойских отложений в нефтегазоносных районах Печорской низменности. Были проведены структурно-тектонические исследования Пайхойского антиклинория и изучены литолого-геохимические особенности пород, детально опробовались флюорит-полиметаллических месторождения, изучались медная и фосфоритсодержащая минерализации.

Для разработки модели геологической эволюции Печорской плиты проводился геолого-геофизические экспедиционные исследования в Ненецком автономном округе, Северном Тимане. Последние годы объектами пристального внимания Института геологии остаются энергетические виды минерального сырья (нефть, газ, уголь). С 80-х гг. расширяются стратиграфические, петрографические, минералогические исследования рудных формаций северной части Тимана. Знаменательным событием стало открытие Б.А. Гуслицером в 1988 г. Харутинского местонахождения на р. Адъзва, в котором были обнаружены как остатки вымерших млекопитающих, так и орудия человека, что стало древнейшим свидетельством появления человека на Европейском Севере.

В арктические территории институт организовал 95 геологических экспедиций, из них более 70 отрядов проводили исследования на территории Пай-Хоя, Югорского полуострова и о. Вайгач. В результате многолетнего изучения сотрудниками Института геологии арктических территорий был получен обширный материал по особенностям геологического строения, рудоносности арктических территорий. Исследования Пайхойско-Южноновоземельской провинции выявили основные геологические формации территории, открыты новые минералопроявления, выяснен общий минералогический облик провинции. Сегодня продолжаются работы по более глубокому изучению рудной минерализации, в частности, золоторудной и никеле-сульфидной с сопутствующей платиноносностью.

***Геологическое наследие арктических экспедиций
в фондах Геологического музея им. А. А. Чернова***

Музейный фонд, характеризующий геологическое строение арктических территорий, начал формироваться с образцов, собранных на полуострове Канин. Палеонтологическая коллекция собрана в 1958 г. в ходе исследования по изучению верхнепермских отложений северной части Русской платформы по рекам Б. Крутая, Нодтею, Ойва отрядом под руководством М. А. Плотникова.

Наиболее детальные исследования полуострова Канин проводились сотрудниками института в 70-е гг. XX в. Для составления тектонической и геологической карты Тимана и полуострова Канин геологическими отрядами Института геологии проводились полевые исследования в центральной части хребта Канин Камень и юго-восточной части хребта Пае. Изучение тектоники привело к сбору петрографической коллекции сланцевых толщ рифейского фундамента и фанерозойского платформенного чехла полуострова Канин и Северного Тимана. Результаты научно-геологических экспедиций 1979–2001 гг. отражены в экспозициях музея, которые характеризуют Канинский габбро-сиенитовый, Североканинский гранодиорит-гранитный комплексы и Микулкинский комплекс гранитных пегматитов. Объём хранящегося геологического материала составляет более 2000 единиц хранения. Комплексные литолого-биостратиграфические исследования верхнепермских отложений северо-востока Чешской губы позволили выполнить литолого-стратиграфические реконструкции, дополнить таксономический состав фаунистических комплексов. Музейные фонды пополнились образцами основных типов пород переходных уфимско-казанских отложений и коллекцией пермской фауны. Палеонтологические коллекции отличаются видовым разнообразием, разновозрастностью и представительностью. В 1995–1996 гг. палеонтологический фонд пополнился коллекцией фузулинид с полуострова Канин. Наиболее многочисленны (более 300 образцов) коллекции флоры и фауны с побережья Карского моря, с зимнего берега Белого моря от вендской биоты до современных моллюсков. Особое место в палеонтологическом собрании занимают остатки крупных млекопитающих. Представительная коллекция (26 образцов), состоящая преимущественно из мамонтовой кости, характеризует развитие жизни более 1 млн. лет назад (рис. 3).

Более трёх десятков монографических и выставочных коллекций музея объёмом более 15 тыс. образцов содержат информацию о геологическом строении Новой Земли. С 1973 по 1976 гг. на Южном острове Новой Земли сотрудники института проводили комплексные исследования по стратиграфии, палеонтологии, тектоники, минералогии, магматизма террито-

рии. Петрографические отряды (1973, 1974, 1976) провели детальное изучение девонских вулканических пород (базальты и их туфы) и связанных с ними проявлений самородной меди, широко распространенных вдоль юго-западного побережья Южного острова Новой Земли и на побережье пролива Костин Шар. В музейной экспозиции зала «Петрография» демонстрируются геологические образцы Костиншарского магматического комплекса, представленного базальтами и их туфами, долеритами, габбродолеритами, пикродолеритами и верлитами.

Рисунок 3. Мамонтовая кость, переданная Б. Гуслицером (1968), в экспозиции Геологического музея им. А.А. Чернова.

С целью выделения унифицированной региональной стратиграфической шкалы, изучая каменноугольные и нижнепермские отложения, в 1974 г. собрали коллекцию хориститов (брахиоподы), которая хранится в фондах музея. Богатые сборы флоры и фауны позволяют сопоставлять разрезы о. Новая Земля с разрезами Предуральяского прогиба. В 1979 г. фонды музея пополнились многочисленными (816 ед. хр.) коллекциями растительных остатков пермских отложений с островов Новой Земли и о-ва Междушарский. Изучение сотни естественных разрезов и керн скважин привело к собранию представительных палеонтологических коллекций различных групп фауны и флоры. Итогом многолетних стратиграфических исследований на территории Пай-Хоя является расчленение отложения осадочного чехла на основе описания опорных разрезов и монографического описания ископаемой фауны и флоры (рис. 4).

Рисунок 4. Отпечаток папоротника *Peitaspertum* sp. Большеземельская тундра, р. Адъзва. (1967).

В коллекциях представлены материалы минералогических отрядов (более 3 тыс образцов), который собран под руководством академика Н.П. Юшкина в 1973 и 1976 гг. [9, Юшкин Н.П.]. Он характеризует рудные формации и рудопроявления Центрально-Пайхойского и Северо-Пайхойского регионального поясов, острова Южного Новой Земли и острова Вайгач. В 1975 г. в ходе экспедиции на Югорском полуострове в среднем течении реки Силоваяха была собрана коллекция жильных кварц-кальцитовых пород с рудной минерализацией. В результате лабораторных исследований был обнаружен мышьяково-германиевый сфалерит, который на тот момент являлся второй находкой в мире. Позднее при изучении этих образцов был обнаружен фиолетово-розовый минерал с побежалостью. В 1983 г. был утверждён новый минерал — юшкинит [10, Макеев А. Б., Ковальчук Н. С.]. Благодаря этому открытию появилось географическое название Юшкинитовое ущелье. Минералогическую коллекцию дополняют образцы самородной меди с Южного острова Новой Земли, арктический янтарь с побережья Карского моря, барит, бирюза, редкие фосфатные минералы (варисцит, вавеллит, ярозит). Собрание арктических территорий дополняют коллекции агатов (более 70 образцов), собранных преимущественно в 1980–1995 гг. на Северном Тимане в обнажениях р. Белой.

Рис. 5. Юшкинит в кварцевой жиле. Пай-Хой, Юшкинское ущелье, р. Силова-Яха (1985)

Более 200 образцов переданы сотрудниками Института геологии после исследований литологических особенностей строения Пайхойского антиклинория. Самыми крупными экспонатами с арктических территорий являются сургучные яшмоиды — кремнистые породы, широко развитые в Центрально-Пайхойском антиклинории.

В 2015 г. фонды музея пополнились коллекционными образцами тагамитов, зювитов и конусов разрушения с Карской астроблемы — одной из наиболее крупных ударных структур Земли, диаметр которой составляет около 65 километров.

Каменный материал коллекций сопровождается научными отчетами, диссертациями, монографиями, статьями, формируя библиотечный фонд. Благодаря накопившемуся материалу можно почерпнуть дополнительную естественнонаучную информацию и исторические факты изучения арктических территорий. В книжном фонде музея имеются печатные работы Н.И. Тимонина «Новоземельский мемориал» (1995). В своей книге автор показал, что мемориальная топонимия архипелага не просто совокупность географических названий, а своеобразная летопись полярных событий. В научно-популярной форме Н.П. Юшкин в своей книге «На островах Ледовитого» (1979) рассказал об истории изучения и освоения арктических островов, о суровой природе, о работе и жизни учёных.

Заключение

Сегодня на пути воспитания и совершенствования общества особо актуальной в естественнонаучных музеях является разработка вопросов, связанных с историей науки и с проблемами сохранения природы как части национального наследия. К сожалению, необходи-

мость исторического воспитания посетителей до настоящего времени до конца не осознана в ведомственных геологических музеях. Необходима программа работ по возрождению национального достояния, которая бы включала систему мероприятий по восстановлению, изучению, сохранению и использованию культурного и геологического наследия, как единого комплекса.

Фонды Геологического музея им. А.А. Чернова позволяют создать местное научно-образовательное ядро по использованию историко-культурного и природного наследия Арктики. Можно выделить несколько направлений в деятельности научно-образовательного ядра.

Материал арктических территорий, хранящийся в фондах музея им. А.А. Чернова, представлен преимущественно монографическими коллекциями. Наряду с ними в музее хранятся превышающие их по численности дублетные рабочие коллекции. Каменный материал обеспечивает возможность последующего изучения данных территорий с использованием современной аппаратуры и получению новых научных результатов.

Другое направление научно-образовательного ядра — популяризационное, направленное на организацию специальных занятий или лекций для лиц, желающих ближе познакомиться с отечественной историей по изучению Арктики и деятельностью учёных.

Наконец, в рамках программы экологического воспитания создать условия не только для приобщения подрастающего поколения к культурному и природному наследию, но одновременно формировать и выявлять потенциальные особо охраняемые территории. Вскрытые уникальные, не имеющие аналогов естественные обнажения, должны быть сохранены и отнесены к объектам геологического наследия. Без выделения и установления охраняемых объектов немислимо развитие современной индустрии туризма, проведения учебных, познавательных экскурсий для студентов и школьников, а также формирование экологического мировоззрения и воспитания подрастающего поколения [11, Иевлев А.А., Жданова Л.Р., Астахова И.С.]. Именно поэтому на базе музеев естественнонаучного профиля должны реализовываться программы по обеспечению сохранности геологического наследия.

Формирование коллекционного фонда по ОГН позволяет полно сохранить в достаточном количестве и качестве материал для удовлетворения научно-исследовательских работ, так и для культурно-просветительской деятельности.

Литература

1. Долгова С. История исследования Арктики в музейных экспозициях // Музей. 2011. № 3. С. 43.
2. Асхабов А.М., Гецен М.В., Самарин А.В. Роль и задачи институтов Коми НЦ УрО РАН в изучении арктического региона // Известия Коми научного центра УрО РАН. Выпуск 3(23). Сыктывкар, 2015. С. 5–15.

3. Рощевский М.П., Рощевская М.П., Бровина А.А. Печорская бригада академика А. П. Карпинского. Сыктывкар, 2015. 646 с.
4. Самойлович Р.Л. Остров Шпицберген и первая русская научно-промысловая экспедиция / Р.Л. Самойлович. Архангельск, 1913. С. 4–6.
5. Виттенбург П.В. Кольско-Канинская и Новоземельская экспедиция проф. П.В. Виттенбурга и инж. Р.Л. Самойловича 1921 г. // Бюллетень Географич. института. Петербург, 1922. С. 1–2.
6. Милорадович Б.В. Геологический очерк северо-восточного побережья Северного острова Новой Земли // Труды Арктического института. Том XXXVIII. Ленинград, 1936. С. 51–122.
7. Астахова И., Иевлев А., Жданова Л. Геологическими тропами А. А. Чернова (к 135-летию со дня рождения) // Вестник Института геологии Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар: Геопринт, 2012. № 7. С. 25–28.
8. Фишман М.В. Экспедиционные исследования Института геологии Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Сыктывкар, 2000. 368 с.
9. Юшкин Н.П. Наука: труд, поиск, жизнь. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. 380 с.
10. Макеев А.Б., Ковальчук Н.С. Юшкинит $V_{1-x}S^n[(Mg,Al)(OH)_2]$. Сыктывкар: Геопринт, 2006. 70 с.
11. Иевлев А.А., Жданова Л.Р., Астахова И.С. Геологическое и минералогическое наследие Коми края как потенциал для развития северного туризма // Арктика и Север. 2014. № 14. С. 35–50.

References

1. Dolgova S. Istoriya issledovaniya Arktiki v museynykh ekspozitsiyakh, *Musey*, 2011, №3, p. 43.
2. Ashabov A.M., Getsen M.V., Samarin A.V. Rol i zadachi Institutov Komi NC UrO RAN v izuchenii arkticheskogo regiona, *Izvestiya Komi Nauchnogo Centra UrO RAN*, Vypusk 3(23). Syktyvkar, 2015, pp. 5–15.
3. Rochevskii M.P., Rochevskaya M.P., Brovina A.A. *Pechorskaya brigada akademika A.P. Karpinskogo*, Syktyvkar, 2016, 646 p.
4. Samoilovich R.L. *Ostrov Shpitsbergen i pervaya russkaya nauchno-promyslovaya ekspediciya*, Arkhangelsk, 1913, pp. 4–6.
5. Vittenburg P.V. Kolsko-Kaninskaya and Novozemelskaya ekspediciya proff. P.V. Vittenburga i inzh. R.L. Samoilovicha 1921, *Bulleten Geograficheskogo Instituta*, Peterburg, 1922. P. 1–2.
6. Miloradovich B.V. Geologicheskii ocherk severovostochnogo poberezhya Severnogo ostrova Novoy Zemli, *Trudi Arkticheskogo Instituta*, T. XXXVIII, Leningrad, 1936, pp. 51–122.
7. Astakhova I., Ievlev A., Zhdanova L. Geologicheskimi tropami A. A. Chernova, *Vestnik Instituta Geologii Komi NC UrO RAN*, Syktyvkar: Geoprint, 2012, № 7, pp. 25–28.
8. Fischman M.V. Expedicionne issledovaniya Institute of Geology of Komi Science Centre of the UB of the RAS. Syktyvkar, 2000. 368 p.
9. Yuschkin N. P. *Nauka: trud, poisk, zhizn*. Ekaterinburg: UB RAS, 2006, 380 p.
10. Makeev A.B., Kovalchuk N. S. *Yuschkinit $V_{1-x}S^n[(Mg,Al)(OH)_2]$* , Syktyvkar, Geoprint, 2006. 70 p.
11. Ievlev A.A., Zhdanova L.R., Astakhova I.S. Geologicheskoe i mineralogicheskoe nasledie Komi kraya kak potencial dlya rasvitiya severnogo turisma, *Arktika i Sever*, 2014, № 14, pp. 35–50.

УДК 314.02

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.53

Этнодемографические процессы среди саамов современной Норвегии

© **Бабёнышева Ксения Сергеевна**, магистрант кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Высшей школы Гуманитарных наук и международной коммуникации САФУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: ksenia1275@yandex.ru

Аннотация. На основе использования статистических данных и сравнительного анализа в статье выявляются этнодемографические процессы среди саамов Норвегии в 2000–2013 гг., в том числе: динамика численности, естественный прирост, факторы и причины, обусловившие их в исследуемый период. Проведён краткий анализ литературы по теме исследования. Стабильная экономическая ситуация в целом способствует улучшению положения саамов. На современном этапе созданы соответствующие условия для сохранения традиционного экономического уклада, этнической идентичности саамов, основой которого является развитие языка.

Ключевые слова: коренные народы, Норвегия, саамы, этнодемографические процессы

Ethnodemographic processes among the Sami of modern Norway

© **Kseniia S. Babenysheva**, master student of the Department of Regional Studies, International Relations and Political Science, Higher School of Humanities and International Communication of Lomonosov Northern (Arctic) Federal University. E-mail: ksenia1275@yandex.ru

Abstract. On the basis of statistics and comparative analysis the article shows ethnodemographic processes among the Sami of Norway in 2000–2013, including the dynamic of population, natural increase, factors and reasons which caused them in this period. The short analysis of references has been made. Stable economic situation is improving the conditions of Sami. At the modern stage, special conditions for keeping the Sami's ethnic identity are arranged, the basis of which is the language development.

Keywords: indigenous people, Norway, Sami, ethnodemographic processes

Коренные народы как социальный феномен и научная проблема находятся в центре внимания мировой и российской общественности на протяжении длительного времени, что обусловлено озабоченностью мировой общественности по поводу постепенного исчезновения с лица земли уникальной культуры данных этносов, утратой языка, традиционной культуры и форм жизнедеятельности. Особенно остро эта проблема стоит в северных регионах мира, а именно в Арктике и Баренцевом Евро-Арктическом регионе, где их концентрация наиболее значительна. На начало XXI в. общая численность автохтонного населения, проживающего в арктическом регионе, достигала около 400 тыс. человек, что составляло 8,5% населения арктического региона [1, Соколова Ф.Х., с. 58].

С началом промышленного освоения Арктики проблема сохранения традиционного уклада жизни коренных народов особенно актуализировалась, поскольку интенсификация этих процессов в регионе может вызвать техногенные катастрофы, нарушение экологического равновесия в природе, что чревато негативными последствиями для коренных народов, чья

жизнь и культура целиком и полностью зависят от окружающей среды. На современном этапе проблема коренных народов Севера представляет социально значимую проблему, которая волнует всю мировую и региональную общественность.

В российской и международной правовой практике, к сожалению, нет единого определения этнических меньшинств, которые в наши дни сохранили традиционный жизненный уклад, культуру и обычаи. Согласно конвенции МОТ «О коренных и племенных народах в независимых странах» № 169 от 1989 г., коренными признаны «народы, ведущие племенной образ жизни в независимых странах, социальные, культурные и экономические условия которых отличают их от других групп национального сообщества и положение которых регулируется полностью или частично их собственными обычаями или традициями, или специальным законодательством»¹. В свою очередь в российской правовой практике этносы, проживающие на территориях традиционного расселения предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы, отнесены к категории коренных малочисленных народов. Отличие российской трактовки дефиниции заключается в том, что к выше обозначенным этносам в России относят те народы, чья численность не превышает 50 000 чел., подчёркивая тем самым актуальность сохранения культуры тех этносов, которые пребывают в состоянии реальной угрозы исчезновения². Основными вопросами государственной национальной политики РФ, требующими особого внимания государственных и муниципальных органов, являются: а) сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности; б) обеспечение прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств³.

Тематика коренных народов не обделена вниманием мировой и российской научной общественности. В настоящее время в литературе существует множество трудов, посвящённых традиционным верованиям, обычаям, степени сохранения языка и культуры саамов Норвегии. Стоит отметить, что спектр научных исследований чрезвычайно широк. Комплексную

¹ Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (№169 от 27 июня 1989 года). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (дата обращения: 16.12.2015).

² Федеральный закон от 30 апр. 1999 г. №82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями): «Коренные малочисленные народы Российской Федерации (далее — малочисленные народы) — народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями». URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/> (дата обращения: 13.10.2016).

³ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 дек.2012 г. № 1666). Всего на территории РФ проживают представители 193 национальностей (2010), используются 277 языков и диалектов, в государственной системе образования используются 89 языков, из них 30 — в качестве языка обучения, 59 — в качестве предмета изучения. URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 13.10.2016). — Примечание редакции журнала «Арктика и Север».

характеристику саамского этноса в целом давал в своей работе Т.В. Лукьянченко ещё в 1999 г. [2, с. 110–120]. М.С. Куропятник в докторской диссертации «Коренные народы в процессе социокультурных изменений» (2006) исследовала саамов как этнолингвистическую, социокультурную и транснациональную общность, проблемы социальной трансформации, дилеммы саамской идентичности, процессы глобализации и конструирование саамской нации [3]. В социальных науках коренные народы рассматриваются как одна из ситуаций меньшинства, а социокультурные и политические перспективы их развития обсуждаются в контексте прав меньшинств. Исследования процесса интеграции коренных народов в национальные общества (на примере саамов), осуществлённые Х. Эйдхеймом, Т.Х. Эриксом и другими представителями норвежской школы социальной антропологии, во многом способствовали изменению общей теоретической парадигмы в социальных науках нации [3, Куропятник М.С.].

Одним из аспектов, волнующих учёных, является проблематика современного состояния культуры и идентичности саамов Норвегии. К. Олсэн в докторской диссертации (2008), в своей книге «Identities, ethnicities and borderzones» (2010) рассмотрел вопросы идентичности коренных народов норвежского региона Финнмарк на рубеже XX–XXI вв. [4]. Тронд Туэн является одним из немногих норвежских исследователей, который в работе «Culture as property? Some Saami dilemmas» характеризует понятие идентичности и проводит исследование культурного наследия коренных народов Норвегии в повседневной жизни [5, с. 87–108]. В зарубежной литературе достаточно чётко представлена проблема трансформации культуры саамов в эпоху глобализации, рассмотрены сюжеты, связанные с сохранением традиционного уклада жизни в современных условиях. К. Хенриксен, в комплексе рассматривая проблемы, с которыми сталкиваются коренные народы на Крайнем Севере в условиях промышленного освоения северных территорий, оценил современное состояние саамской культуры [6, с. 97–112]. Детально проанализированы этническое сообщество саамов, их культура и вопросы этнического самосознания в условиях ускорения модернизационных и глобализационных процессов в исследовании Летола Вэли-Пекка [7].

При всей многочисленности научных разработок, посвящённых исследуемой теме, этнодемографические процессы среди саамов современной Норвегии, общая численность которых в настоящее время составляет 55 574 человек, слабо ещё представлены в научной литературе, что актуализирует настоящее исследование⁴. Не претендуя на всю полноту освещения проблемы, на основе широкого привлечения и анализа статистических источни-

⁴ Statistisk sentralbyrå Norway. URL: <https://www.ssb.no/en/befolkning/statistikker/samisk> (дата обращения: 16.12.2015).

ков в данной статье выявляются особенности этнодемографических процессов среди саамов современной Норвегии в XXI в.

Этнодемографические процессы среди саамов современной Норвегии в 2000-2013 гг.

Саамы — коренной народ, изначально населявший территорию Крайнего Севера до появления современных государственных границ. В письменных источниках саамы впервые упоминаются в произведении «Германия» историка Тацита (98 г. нашей эры) как *fenni*. Впоследствии встречаются в историографии как *skrithiphinoi* (Прокопий Кесарийский, VI в.), *screrefeae* (Иордан, VI в.), *scritovinni*, *scritobini* (Павел Диакон, VIII в.). По археологическим данным, заселение саамов происходило с территории Северной Норвегии, начиная с IV тысячелетия до н. э. Численность этой группы народов варьируется от 50 до 60 тыс. (2012 г.) по всему земному шару, сейчас большинство из них живут в Норвегии [8, Кочкуркина С.].

Численность саамов, живущих в Норвегии в 2000 г., составляла 59 972 чел. Однако в последние годы наметилась тенденция их сокращения. К 2015 г. их численность сократилась на 7,3% и составила 55 574 чел.⁵. В числе основных факторов отмеченной динамики можно выделить, *во-первых*, миграцию саамов в другие страны и, прежде всего, в Швецию и Финляндию, где условия для ведения оленеводства более благоприятные. Так, в 2000 г. общая численность эмигрировавших составила 2 591 чел., в 2012 г. — 2 562 чел. По оценкам исследователей, мигрируют в основном лица в возрасте от 20 до 44 лет, чей возраст считается активным и репродуктивным, следовательно, они могли бы вносить вклад в увеличение численности этноса в своей стране. *Во-вторых*, сказывается падение рождаемости среди саамского населения: в 2000 г. — 749 чел., в 2013 г. — 444 чел.⁶, увеличение количества аборт среди саамских женщин 15-44-летнего возраста. *В-третьих*, только в национальном парке саамов — Сампи — существуют льготы для этого этноса, а в остальных регионах они, к сожалению, не предусмотрены в случае смены места жительства.

Сокращению рождаемости обусловлено улучшением социально-бытовых условий и системы медицинского обслуживания коренных народов Норвегии. Одновременно наблюдается динамика небольшого сокращения смертности: в 2000 г. — 680 чел., в 2013 г. — 639 чел. Основными причинами смертности по данным статистики являются старость, серьезные заболевания (рак, пневмония) со смертельным исходом и несчастные случаи. В целом средняя продолжительность жизни среди саамов несколько ниже по сравнению с представителями ти-

⁵ Statistisk sentralbyrå Norway. URL: <https://www.ssb.no/en/befolkning/statistikker/samisk/hvert-2-aar/2014-02-06?fane=tabell&sort=nummer&tabell=160186> (дата обращения: 22.10.2015).

⁶ Там же.

тульной нации. Средняя продолжительность жизни норвежских мужчин составляет 79 лет, среди женщин — 83 года, тогда как среди саамских мужчин — 77,1 год, женщин — 82,4 года⁷.

Саамы Норвегии неизбежно втягиваются в процессы урбанизации, однако преобладающее большинство из них продолжает проживать в сельской местности. Удельный вес саамов среди городского населения Норвегии в 2013 г. составил 7%, среди сельского населения страны 14,7%⁸. Преобладающее большинство саамов проживает в северных губерниях Норвегии: Тромс, Финнмарк и Нурланд. Здесь в 2013 г. проживало 474 563 чел. или 85,4% всех саамов страны⁹. В этих регионах Норвегии удельный вес саамов, проживающих в сельской местности, гораздо выше и достигал в 2013 г.: Финнмарк — 18,8%, Тромс — 40,4%, Нурланд — 40,9%.

Традиционными видами хозяйственной деятельности саамов Норвегии являются оленеводство, собирательство и рыболовство. В начале XXI в. наблюдается сокращение числа саамов, занятых в сельском и лесном хозяйстве, рыболовном промысле. Так, за период 2008–2012 гг. удельный вес занятых в данных отраслях сократился с 18,7% до 16,5%. В настоящее время в сельском, лесном и рыбном хозяйстве занято 9 156 саамов¹⁰. Одновременно наблюдается рост числа саамов, занимающихся оленеводством: в 2007 г. 25% саамов Норвегии (14 261 чел.), а в 2012 г. уже 33,4% саамов, или 18 593 чел.¹¹.

Свидетельством роста этнического самосознания саамов является увеличение числа носителей родного языка. Саамский язык признан в Норвегии официальным языком. В Конституцию Норвегии внесена поправка об обязанности государства обеспечивать саамам возможности для развития национального языка, культуры и обычаев (1988). На современном этапе Норвегия является одной из немногочисленных стран, где преобладающая часть коренного этноса владеет родным языком.

Согласно данным на 2012 г., опубликованным в официальном статистическом сборнике, 41 723 чел. (75%) саамов владеют родным языком¹². Для сравнения, в 2006 г. владело

⁷ Samisk Statistikk 2016. URL: http://www.ssb.no/en/befolkning/artikler-og-publikasjoner/_attachment/254599?_ts=152a1b77d58 (дата обращения: 25.02.2016).

⁸ Statistisk sentralbyrå Norway. URL: <https://www.ssb.no/en/befolkning/statistikker/samisk/hvert-2-aar/2014-02-06?fane=tabell&sort=nummer&tabell=160188> (дата обращения: 29.12.2015).

⁹ Samisk Statistikk 2014. URL: https://www.ssb.no/befolkning/artikler-og-publikasjoner/_attachment/161540?_ts=1441bb68798 (дата обращения: 29.12.2015).

¹⁰ Persons in employment aged 15-74 years, by gender and industry. Statistisk sentralbyrå Norway. URL: <https://www.ssb.no/en/befolkning/statistikker/samisk/hvert-2-aar/2014-02-06?fane=tabell&sort=nummer&tabell=160188> (дата обращения: 22.10.2015).

¹¹ Reindeer husbandry in Norway. URL: <https://www.ssb.no/statistikkbanken/SelectVarVal/saveselections.asp> (дата обращения: 12.12.2015).

¹² Samisk Språkundersøkelse. URL: <http://www.sametinget.no/content/download/1936/18493/version/1/file/Samisk+spr%C3%A5kunders%C3%B8kelse+2012.pdf> (дата обращения: 22.10.2015).

родным языком лишь 21 133 чел. или 36,7% от общего числа саамского населения Норвегии¹³. Саамский язык является одним из официальных языков в районе Сампи, соответственно, все дети могут изучать его полноценно в школах. Существуют колледжи, в которых проходит преподавание на саамском языке. С 1973 г. в г. Каутокейно действует Северный Саамский институт (Sami Instituhtta). Кафедры на саами открыты в университетах Осло и Тромсё. В Саамской высшей школе, помимо других профессий, готовят школьных учителей.

В целом государственную политику Норвегии по сохранению и возрождению традиционной культуры саамов можно признать успешной. Норвегия, в отличие от Швеции и Финляндии, ратифицировала в 1990 г. Конвенцию о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах Международной организации труда от 27 июня 1989 г. № 169¹⁴. Государственные преференции для лиц, занятых в традиционных сферах жизнедеятельности, широкий спектр мероприятий, направленных на возрождение языка и культуры, начинают давать свои результаты. Обозначился поворот от политики норвегизации (ассимиляции коренных этносов в культуру титульной нации). Проводится политика, направленная на создание условий для сохранения и возрождение традиционной культуры саамов¹⁵. Наблюдается рост вовлечённости коренного этноса в решение проблем собственной этнической идентичности и прав. Для защиты политических интересов саамов с 1989 г. избирается саамское представительное собрание Саметинг (Sametinget, саам. Samediggi). Созданная партия саамского народа признана партией общенационального уровня (1999).

Заключение

Саамы — коренной народ, проживающий на территории 4 стран: России, Норвегии, Швеции и Финляндии. Наиболее многочисленная группа саамов находится в Норвегии. Активная работа по защите прав этнических меньшинств в Норвегии, начавшаяся ещё в середине XX в., приносит свои плоды. Законодательством страны за саамами закреплены особые права на использование земель и рек в местах традиционного проживания, осуществляется работа по сохранению и распространению саамского языка, среди этнических меньшинств страны наблюдается рост этнического самосознания и процесс общественно-политической самоорганизации. По утверждениям ряда исследователей, саамы в Норвегии процветают.

¹³ Sami Statistics 2008. Official Statistics of Norway. 56 p.

¹⁴ Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах [Конвенция 169]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (дата обращения: 05.10.2016).

¹⁵ История саами и норвежская политика в их отношении. URL: <http://norse.ru/pub/92.html> (дата обращения: 22.10.2015).

Однако анализ этнодемографических процессов среди саамов позволяет констатировать, что имеются и нерешённые проблемы. С одной стороны, применяются позитивные меры по отношению к коренным народам в целях недопущения дискриминации, а с другой — артикулируется концепт равенства как основание для отказа от таких мер. Своеобразное чередование этих подходов показывает сложность и противоречивость в сфере отношений между равенством, недискриминацией и правами меньшинств [3, Куропятник М.С.]. На сегодняшний день норвежское общество условно разделилось на саамов, тех, кто к ним благосклонен, и на тех, кто не хочет признавать их особенного положения.

Несмотря на государственные усилия, наблюдается тенденция сокращения общей численности саамов. За период 2000–2013 гг. почти на 40% среди них сократилась рождаемость. Не в полной мере увенчались успехом попытки сократить смертность среди этнических меньшинств.

Тесный контакт и межкультурные взаимодействия среди саамов с представителями титульной нации неизбежно имеют следствием процессы ассимиляции. Значительная часть саамской молодёжи не видит перспектив своего роста и самореализации на основе традиционных занятий своих предков. Льготные условия для саамов созданы только в национальном парке Сампи (провинция Финнмарк), что также ограничивает возможности для молодёжи, имеющей более высокий уровень жизненных притязаний.

Литература

1. Соколова Ф. Коренные малочисленные народы Арктики: концепт, современное состояние культуры // Арктика и Север. 2013. №12. С. 51–70.
2. Лукьянченко Т. Саамы // Коренные малочисленные народы Севера и Сибири / под ред. Функа Д. А., Силланпяя Л. Вааса: Университет Академии Або, 1999. 173 с.
3. Куропятник М.С. Коренные народы в процессе социокультурных изменений. СПб, 2006. 360 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/korennye-narody-v-protsesse-sotsiokulturnykh-izmenenii> (дата обращения: 05.10.2016).
4. Olsen K. Identities, ethnicities and borderzones. Finnmark: Orkana, 2010. 243 p.
5. Tuen T. Culture as a property? Some Saami dilemmas // Properties of culture – culture as property. Pathways to reform in Post-Soviet Siberia / edited by Kasten E.: Dietrich Reimer Verlag, 2004. P. 87–108.
6. Henriksen C. Indigenous peoples and industry. Complex co-existence in the Barents Euro-Arctic Region // Talking Barents. People, borders and regional cooperation. Kirkeness: Norwegian Barents Secretariat, 2010. P. 97–112.
7. Lehtola V-P. The Sami people. Traditions in transition. Oulu: Kustannus-Puntsi, 2002. 133 p.
8. Кочкуркина С. Народы Карелии: история и культура. Петрозаводск, 2004. 208 с.

References

1. Sokolova F. Korennye malochislennye narody Arktiki: koncept, sovremennoe sostojanie kul'tury, *Arktika i Sever*, 2013, № 12, pp. 51–70.
2. Luk'janchenko T. Saamy. *Korennye malochislennye narody Severa i Sibiri* / pod red. Funka D. A., Sil-lanpja L. Vaasa: Universitet Akademii Abo, 1999, 173 p.

3. Kuropjatnik M.S. *Korennye narody v processe sociokul'turnyh izmenenij*. SPb, 2006. 360 p. URL: <http://www.dissercat.com/content/korennye-narody-v-protsesse-sotsiokulturnykh-izmenenii> (Accessed: 05.10.2016).
4. Olsen K. *Identities, ethnicities and borderzones*, Finnmark: Orkana, 2010, 243 p.
5. Tuen T. Culture as a property? Some Saami dilemmas, *Properties of culture – culture as property. Pathways to reform in Post-Soviet Siberia* / edited by Kasten E.: Dietrich Reimer Verlag, 2004, pp. 87–108.
6. Henriksen C. Indigenous peoples and industry. Complex co-existence in the Barents Euro-Arctic Region, *Talking Barents. People, borders and regional cooperation*, Kirkeness: Norwegian Barents Secretariat, 2010, pp. 97–112.
7. Lehtola V-P. *The Sami people. Traditions in transition*, Oulu: Kustannus-Puntsi, 2002, 133 p.
8. Kochkurkina S. *Narody Karelii: istorija i kul'tura*, Petrozavodsk, 2004, 208 p.

УДК 323 +325 +342

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.61

Государственная политика в отношении коренных народов Аляски: исторический обзор и современные проблемы¹

© Голомидова Полина Сергеевна, начальник отдела рекрутинга управления международного сотрудничества Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: polinagolomidova@gmail.com

© Сабуров Александр Алексеевич, аспирант кафедры всеобщей истории; ведущий эксперт Арктического центра стратегических исследований Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: alexandersaburov@gmail.com

Аннотация. В статье проанализированы основные этапы развития политики в отношении коренных народов Аляски и её влияние на аборигенные культуры с начала российской колонизации в XVIII в. по настоящее время. Авторы приходят к выводу о том, что современную политику в отношении коренных народов Аляски в целом можно признать успешной и способствующей развитию традиционных культур. Среди её достижений можно выделить высокий уровень самоорганизации и самоуправления индигенного населения, законодательно закреплённые права на землю и ресурсы, успехи в сохранении культурного наследия. Вместе с тем проблемы социально-экономического характера, с которыми сталкиваются коренные жители, представляют потенциальную угрозу для политической стабильности на Аляске.

Ключевые слова: Аляска, коренные народы, политика, аккультурация, сегрегация, ассимиляция, мультикультурализм, права

State policy towards indigenous peoples of Alaska: historical review and contemporary issues

© Polina S. Golomidova, Head of International students' recruitment unit, Department of international cooperation, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University. E-mail: polinagolomidova@gmail.com

© Aleksander A. Saburov, postgraduate student, Department of World History; leading expert of the Arctic Centre for Strategic Studies, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University. E-mail: alexandersaburov@gmail.com

Abstract. The article analyzes main stages of policy development towards indigenous peoples of Alaska and its influence on aboriginal cultures from the beginning of Russian colonization in the 18th century up to present time. The authors conclude that current policy towards indigenous peoples in Alaska can be generally evaluated as successful and supporting development of traditional cultures. The main achievements of this policy are: high level of self-organization and self-government of Alaska natives, legally secured rights for land and resources, progress in conservation of cultural heritage. However, social and economic challenges faced by indigenous people present a potential threat to the political stability in Alaska.

Keywords: Alaska, indigenous peoples, policy, acculturation, segregation, assimilation, multiculturalism, rights

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, в рамках проекта «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этно-национальной политики в условиях стабильного развития регионов», №15-18-00104.

В настоящее время на международном и национальном уровне признано, что устойчивое развитие Арктического региона невозможно без обеспечения социального благополучия коренных народов Арктики и сохранения их историко-культурного наследия и уникальных языков. Эта проблема является актуальной для Российской Федерации, на территории которой проживают 40 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и титульные народы севера: коми и якуты. В научной литературе отмечается необходимость обеспечения устойчивого социально-экономического и культурного развития народов, которые составляют этнокультурное пространство Арктического региона, а также более эффективной миграционной политики в северных регионах [1, Зайков К.С., Тамицкий А.М., с. 50]. Для формулирования целостной политики, отвечающей интересам этих народов и способствующей устойчивому развитию севера страны, представляется необходимым изучение опыта зарубежных стран, в частности Соединённых Штатов Америки. Опыт США интересен по нескольким причинам. Во-первых, коренное население Аляски, как и Арктической зоны РФ, различно по своему этническому и культурному составу. Во-вторых, народы севера России и Аляски сталкиваются со схожими проблемами социально-экономического характера и сохранения культурно-исторического наследия. Наконец, представляют практический и исследовательский интерес уникальные правоотношения между коренным населением Аляски, государством и властями штата, которые формировались в течение долгого времени.

Целью настоящей статьи является выявление характерных особенностей политики в отношении коренных народов Аляски и её влияния на аборигенные культуры на различных этапах с начала российского присутствия в XVIII в. по настоящее время.

Отдельные вопросы истории и современного положения народов Аляски в значительной степени изучены в научной литературе [2, Таксами Н.Ч.]. Большое количество трудов подготовлено отечественными исследователями по периоду российской колонизации Аляски и её влиянию на быт, верования, социальную структуру аборигенных сообществ [3, Saveliev I., Hildebrand S.; 4, Гринев А.В.; 5, 6, Питерская Е.С.; 7, Филин П.А.]. Большое внимание в научном сообществе уделяется самоуправлению аборигенного населения [8, Hays L.; 9, Пуллар Г.; 10, Краснопольский Б.Х.], образованию [11, Barnhardt C.], расовому и этническому составу [12, Williams G.]. Издаются обзорные работы, посвящённые современному состоянию коренных жителей [13, Roderick L.].

В рамках исследования не рассматриваются отдельно народы, проживающие за полярным кругом или по другим критериям относящиеся к «арктическим» народам. Это связано с тем, что аборигенное население Аляски, как правило, выступает целостным субъектом и

объектом политики. Племена и аборигенные корпорации Аляски принципиально не отличаются по своему правовому положению и рассматриваются в большей части научной литературы как единое целое. Также необходимо иметь в виду, что на аборигенные народы Аляски (алеуты, эскимосы, индейцы) распространяется большая часть американского законодательства, которая относится ко всему коренному населению США, включая индейцев нижних 48 штатов. Американские индейцы и коренные жители Аляски» (American Indians and Alaska Natives) является общепринятым названием коренного населения.

Российское присутствие на Аляске в 1743–1867 гг.

К моменту начала российской колонизации Аляски в XVIII в. территорию Аляски, Алеутских островов, острова Кадьяк и северо-западного побережья Северной Америки населял целый ряд народов, различных по хозяйственно-культурному типу. Основным занятием алеутов и кадьякских эскимосов являлся морской промысел и рыболовство. Эскимосы, населявшие материк, помимо морской охоты, занимались промыслом лососевых пород в устьях и междуречьях рек Юкон, Кукоквим, Нушагак. Атабаски в большинстве своем были вовлечены в рыболовный промысел во внутренних водоемах Аляски. Тлинкиты, хайда и эяк, населявшие северо-западное побережье Америки, занимались охотой, рыболовством, промыслом морского зверя. К этому времени сложилась устойчивая система отношений между народами, включавшая в себя как многочисленные межплеменные войны, так и торговые обмены [5, Питерская Е.С., с. 14–15].

Российская колонизация Северной Америки, начавшаяся в 1740-х гг., стала ключевым фактором, повлиявшим на национальное и культурное развитие народов Алеутских островов и Аляски. В разное время в научной литературе развивались полярные точки зрения на характер и последствия влияния российского присутствия на аборигенные народы Северной Америки: от резко критической, обвиняющей колонизаторов в насаждении рабства, до апологетической, подчёркивающей прогрессивное и гуманное освоение Русской Америки [4, Гринев А.В.]. До XIX в. не представляется возможным говорить о наличии сформулированной целостной политики Российской империи в отношении коренного населения Северной Америки. Тем не менее, она значительно отличалась от политики мягкой ассимиляции проводимой российскими властями на своей северо-западной окраине [14, Зайков К.С.]. Практика принудительного труда, насильственный отъём материальных ценностей у населения Алеутских островов приводили к вооружённым выступлениям местных жителей и насильственному подавлению протестов. Предписания властей гуманно относиться к коренному населению, как правило, не соблюдались, так как не существовало эффективной системы контроля

за этими предписаниями. Кроме того, А.В. Гринев отмечает, что нередко алеуты первыми проявляли агрессию по отношению к промышленникам. Появление первых постоянных российских поселений и создание полугосударственной Российско-Американской компании (далее — РАК) в 1799 г. обозначило формирование системы экономического и внеэкономического принуждения, которая закрепила основанную преимущественно на насильственном принуждении зависимость местного населения. В результате по разным оценкам с момента первых контактов с европейским населением до 1820 г. численность алеутов сократилась в 4-8 раз. В работе «Alaska Native Tribes, ANCSA Corporations, and Other Organizations» в качестве одного из результатов русской колонизации выделяется сокращение численности коренного населения с 74 тысяч в начале XIX в. до 23 тысяч в 1890 г., что объясняется инфекционными заболеваниями, алкоголизмом и массовыми убийствами [8, Hays L., с. 10].

Начиная с 1820 г. отмечается более гуманное отношение РАК к местному населению, что связывается с несколькими факторами: во главе руководства РАК встали морские офицеры, воспитанные на идеях просвещения, было очевидно сокращение численности коренного населения вследствие режима сверхэксплуатации. Кроме того, руководство РАК стремилось показать гуманное отношение к аборигенам с целью получить монопольные права на деятельность в Северной Америки на следующие 20 лет. Среди положительных перемен отмечается отмена каюрства (фактически принудительного труда), оказание медицинской помощи местным жителям, создание продуктовых страховых фондов, социальная поддержка нетрудоспособного населения, строительство школ. Все коренное население считалось полноправными гражданами Российской империи [3, Saveliev I., Hildebrand S., с. 29]. В 1867 г., после продажи Аляски США, деятельность РАК на американском континенте фактически прекратилась. Российское присутствие на Аляске оказало значительное влияние на культуру местного населения, прежде всего алеутов и кадьякских эскимосов. Культура остальных народов Аляски, находившихся во взаимодействии с российским населением — эскимосов чугачей, эскимосов внутренней Аляски, атабасков, тлинкитов — в значительно меньшей степени подверглась российскому влиянию.

Самые серьезные изменения произошли в семейных отношениях (исчезли отработка за жену, калым, авункулат, многоженство). Потеряли своё значение вожди-тойоны, в том числе потому, что колониальной администрацией они, как правило, не наделялись привилегированным статусом. Новая система принуждения привела к исчезновению патриархального рабства [5, Питерская Е.С., с. 20]. Создание промысловых групп из представителей разных

племен и переселение коренных жителей на новые места стало сильным фактором разрушения традиционных социальных связей [6, Питерская Е.С., с. 194].

Значительную роль в культурной трансформации сыграла Русская православная церковь (РПЦ). На начальном этапе российской колонизации, когда церковные таинства осуществлялись промышленниками, большинство обращенных индейцев принимали православие формально, в том числе с целью получения материальных выгод. После прибытия православной миссии в 1793 г. влияние РПЦ на культуру коренного населения значительно усилилось. В результате у алеутов широкое распространение получило православие с элементами традиционных религий [6, Питерская Е.С., с. 195]. Создание православными священниками, в частности И.Е. Вениаминовым, письменности алеутского языка позволило повысить грамотность местного населения и сохранить языки. Более широкое распространение православие получило после продажи Аляски, поскольку оно стало важным элементом самоидентификации коренных народов на фоне заселения Аляски новыми колонизаторами.

Сильным инструментом российского влияния стали образовательные учреждения: школа на Кадьяке, впоследствии ставшая училищем и перенесенная в Новоархангельск, духовная семинария, российско-американское мужское училище, созданное в 1859 г., многочисленные церковно-приходские школы. Высокий уровень образования получили алеуты, наиболее тесно столкнувшиеся с российским влиянием. Большое количество представителей этого народа могли свободно писать и читать как на русском, так и на родном языке [11, Barnhardt С.]. Практика захвата заложников (аманатов), как правило, вождей или их детей — мальчиков 12-15 лет, приводила к тому, что они впоследствии перенимали язык и религию. Возвращаясь в свои племена, они играли роль посредников, переводчиков, проводников русской культуры для местных племен, а также знакомили колонистов с особенностями быта, менталитета, промысловыми навыками. Российские промышленники часто вступали в связь и заключали браки с представительницами коренного населения: алеутками, кадьякскими эскимосками, редко с тлинкитками. Основной причиной большого количества межэтнических браков стало то, что отправка русских женщин на Аляску была экономически невыгодна. Туземные женщины играли большую роль в культурном обмене, в частности, в бытовой сфере, а также выступали посредниками между колонизаторами и родственниками-аборигенами [6, Питерская Е.С., с. 194]. П.А.Филин отмечает, что на этапе появления постоянных поселений Российско-американской компании в культуре коренного населения начали происходить серьёзные изменения через заимствование у русских элементов быта, одежды, песен, привычек, поведения [7, Филин П.А., с. 79]. Кроме того, российское присут-

ствие на Аляске изменило рацион коренных народов, которые быстро приобщились к хлебу и другим мучным изделиям.

Аборигенные народы в свою очередь оказали ощутимое влияние на пришлое российское население. Суровые климатические условия обусловили необходимость заимствования промышленниками традиционных адаптационных стратегий, в частности технологий строительства, способов ведения охоты, изготовления одежды и транспортных средств (байдарки), использования растений, в том числе в лекарственных целях. Происходили заимствования местной лексики применительно к пище и транспортным средствам [6, Питерская Е.С., с. 196]. Как уже отмечалось, важнейшим фактором культурного обмена стали межэтнические браки и практика захвата заложников.

***Политика сегрегации и ассимиляции в отношении
коренного населения Аляски в 1867–1945 гг.***

Продажа Аляски Северо-Американским Соединенным Штатам в 1867 г. ознаменовала новый этап в политике в отношении коренного населения. В договоре о продаже для всех жителей Аляски была зафиксирована возможность принять новое гражданство или остаться подданными Российской империи. На «нецивилизованные племена», которые с этого времени становились субъектом американского законодательства, это право не распространялось [9, Пуллар Г.]. Активная политика по сегрегации и ассимиляции коренного населения началась в конце XIX в., когда на Аляске были обнаружены крупные запасы золота, что привело к «золотой лихорадке» и притоку белого населения из «нижних штатов». Широко распространенные взгляды на превосходство «белой расы» над «дикарями» стали основным фактором распространения на аборигенные народы дискриминационных законов. Эти законы включали в себя сегрегацию практически во всей общественной жизни: в школе, церкви, общественных заведениях, при приеме на работу и др. [15, Stebing H.M., с. 7]. До 1924 г. у коренного населения Аляски, как и у американских индейцев, не было гражданства и права голоса. Однако с 1925 г. для получения такого права необходимо было подтвердить знание английского языка и получить рекомендации от 5-ти белых граждан, являвшихся гражданами Аляски не менее одного года [15, Stebing H.M., с. 13].

Сегрегационная политика была реализована в школьном образовании. С 1905 г. на Аляске начала действовать система двух типов школ: 1) для белого населения и небольшого количества «цивилизованного» коренного населения под управлением местных властей; 2) для аборигенного населения под управлением федерального Бюро образования [11, Barnhardt С.]. При этом Бюро образования (позднее его функции были переданы Бюро по

делам индейцев) осуществляло централизованное управление не только образовательными услугами, но и медицинской помощью, снабжением удаленных территорий. Преподавание во всех школах велось только на английском языке и было направлено на ассимиляцию коренного населения. К 1928 г. в школах под управлением Бюро по делам индейцев обучалось около 40% детей — представителей аборигенного населения. Из них около 80% обучались в школах-интернатах, то есть постоянно находились вне мест проживания коренных народов, что способствовало их ассимиляции и отрыву от традиционного образа жизни.

Некоторые положительные изменения в жизни коренного населения Аляски произошли в 1930-х гг. Принятие федерального закона «Об индейской реорганизации» 1934 г. законодательно закрепило право на местное самоуправление для аборигенного населения. Закон Джонсона — О'Мэлли (Johnson — O'Malley act) 1934 г. обеспечил финансирование обучения индейцев в государственных общеобразовательных школах, не находящихся в ведомстве Бюро по делам индейцев, что стимулировало принимать коренное население в традиционно «белые» школы. Законодательно сегрегация на Аляске была запрещена только в 1945 г. с принятием «Закона о борьбе с дискриминацией», который стал первым подобным правовым актом в США. Большую роль в его принятии сыграло само коренное население, в частности, общественная активистка Элизабет Ператрович, представительница племени тлинкитов. Движение в защиту гражданских прав привело к возникновению в целом антидискриминационного законодательства в США: Закон о гражданских правах 1964 г., «О равной оплате труда» 1963 г., «О равноправии при трудоустройстве» 1964 г. и др.²

***Борьба за гражданские права и права на землю
коренного населения Аляски в 1945–2000-х гг.***

В 1960–1980-е гг. общественный подъем и рост самосознания американских индейцев на фоне широкого движения за гражданские права привели к признанию прав коренного населения, в том числе Аляски и ценности их культурного наследия. Результатом стал постепенный отказ от ассимиляционной политики, переход к политике мультикультурализма и принятие ряда законодательных актов, направленных на обеспечение прав аборигенных жителей. Закон о гражданских правах индейцев (Indian Civil Rights Act) 1968 г. обеспечил распространение положений Билля о правах на индейские племена. Закон о свободе религии американских индейцев (American Indian Religious Freedom Act), принятый в 1978 г., отменил действовавшие ранее запреты на традиционные верования коренных народов. Также в соот-

² Соединенные Штаты Америки // «Законодательство и политика в области интеграции иммигрантов. Сборник законодательства, политики и практики 19 государств в области интеграции иммигрантов». Международная организация по миграции. Перевод с английского. М.: 2011. С. 123-138

ветствии с этим законом племена имеют право участвовать в принятии решений по управлению землями, на которых расположены сакральные места. Закон о благополучии детей индейцев (Indian Child Welfare Act) 1978 г. запретил распространённую практику отрыва детей-представителей коренных народов от своего племени. Закон о самоопределении и содействия образованию индейцев (Indian Self-Determination and Education Assistance Act) 1975 г. закрепил право племен самостоятельно распоряжаться грантами, которые выделяются правительством. Ранее направления расходования грантов определялись Бюро по делам индейцев.

Ряд важных изменений затронул сферу образования. В 1965 г. при Министерстве образования был создан Национальный совет по образованию индейцев, полностью состоявший из представителей коренных народов США. Закон об образовании индейцев 1972 г. обеспечил финансирование проектов, способствующих развитию возможностей на получение образования для представителей коренных народов. В 1975 г. индейским общинам было предоставлено право влиять на содержание образования и отбор учителей в школах, находящихся под управлением Бюро по делам индейцев [11, Barnhardt C.].

Большее внимание к проблемам школьного образования в сельских территориях, где проживало преимущественно коренное население, стало уделяться на уровне созданного в 1959 г. штата Аляска. Результатом децентрализации школьной системы штата стало создание школьных округов. С 1965 г. правительство Аляски начало процесс по передаче школ в ведомстве Бюро по делам индейцев в управление штата. Этот процесс завершился только в 1985 г. В 1970-е гг. был отмечен рост интереса к языкам коренных народов и их сохранению. В 1971 г. был принят Закон Аляски о билингвальном образовании, разрешавший двуязычное образование в школах (на английском языке и на языке коренного народа). В 1976 г. суд постановил штат Аляска обеспечить сельские поселения средними школами (high schools)³.

Крупнейшим успехом в борьбе за права землю и ресурсы стало принятие Закона об удовлетворении требований коренных жителей Аляски (the Alaska Native Claims Settlement Act — ANCSA) в 1971 г. В соответствии с ним коренное население получило в собственность 12% территории штата в рамках исторических мест проживания, более 900 миллионов долларов компенсации, а также особые права на местное самоуправление [10, Краснопольский Б.Х., с. 135]. Через членство в 12 региональных корпорациях, созданных в соответствии с культурно-лингвистическим делением штата, было обеспечено право на получение дохода для каждого представителя коренных народов. Корпорации стали собственниками земли и

³ Alaska native languages introduction and history. URL: <http://www.akhistorycourse.org/alaskas-cultures/alaska-native-languages-introduction-and-history> (дата обращения: 15.07.2016)

ресурсов, в том числе подземных, и существуют по настоящее время. Их правовой статус аналогичен другим корпорациям, ведущим коммерческую деятельность. Кроме региональных корпораций в населенных пунктах были созданы 200 поселковых корпораций, владеющих ресурсами, которые находятся на поверхности земли. Закон об удовлетворении требований коренных жителей Аляски стал для своего времени наиболее успешным примером обеспечения прав коренных народов на землю и природные ресурсы.

С начала 2000-х гг. федеральное правительство принимает меры по привлечению американских индейцев к формированию государственной политики в отношении коренного населения. Это обязательство закреплено в приказе президента США 13175 «Консультация и координация с правительствами индейских племен» от 6 ноября 2000 г.⁴ В 2009 г. при администрации президента США была создана должность советника президента по делам коренного населения [16, Чернухина Л.С., с. 106]. В 2013 г. при администрации президента был создан Совет по делам коренных американцев [16, Чернухина Л.С., с. 110]. Со стороны коренного населения США ключевую роль в процессе консультаций между правительством и индейцами играет основанный в 1944 г. Национальный конгресс американских индейцев (НКАИ), который является крупнейшей организацией, объединяющей индейские племена⁵.

Современное положение коренных народы Аляски и результаты этнокультурной политики

Аляска является крупнейшим штатом США с площадью 1 717 854 км², что составляет около одной пятой территории нижних 48 штатов. Название «Аляска» происходит от алеутского слова, обозначающего материк или большую землю. Население Аляски составляет 748 432⁶ человека или около 0,43 человека на 1 км², что делает его наименее густонаселённым штатом. Коренное население в 2015 г. насчитывало 109 515 чел. (не включая потомков от смешанных браков) или 14,63% от общего населения. В 2010 г. эта доля составляла 14,96%, в 2000 — 15,64%, что говорит о сокращении доли коренных жителей при росте их абсолютного числа. С учётом отрицательного сальдо миграции за этот период (см. рис. 3), можно сделать вывод, что данная тенденция обусловлена более низким естественным приростом аборигенного населения.

⁴ Executive Order 13175 of November 6, 2000 — Consultation and Coordination With Indian Tribal Governments. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/136740.pdf> (дата обращения: 15.07.2016)

⁵ National Congress of American Indian. URL: <http://www.ncai.org/> (дата обращения: 15.07.2016)

⁶ U.S. Census Bureau. URL: <http://www.census.gov> (дата обращения: 15.07.2016)

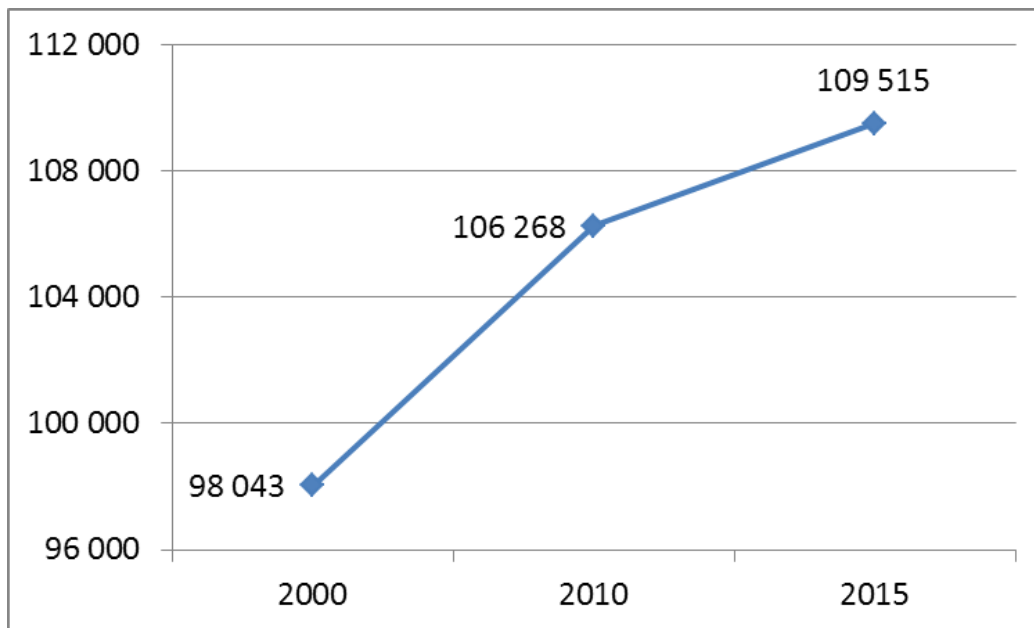

Рисунок 1. Численность коренного населения Аляски в 2000-2015 гг.^{7,8} [7, с. 12]

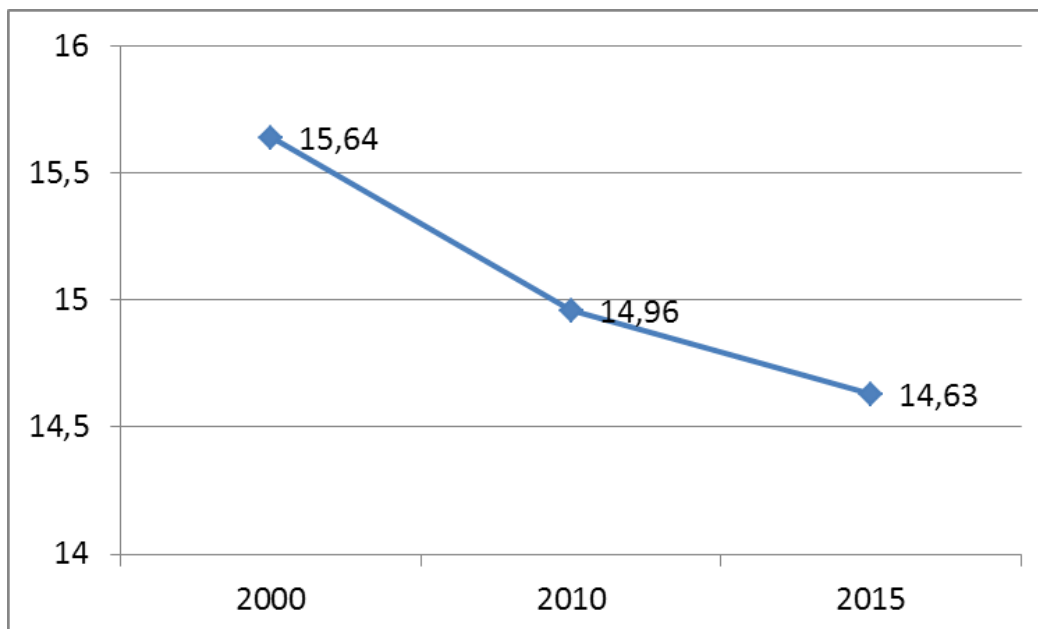

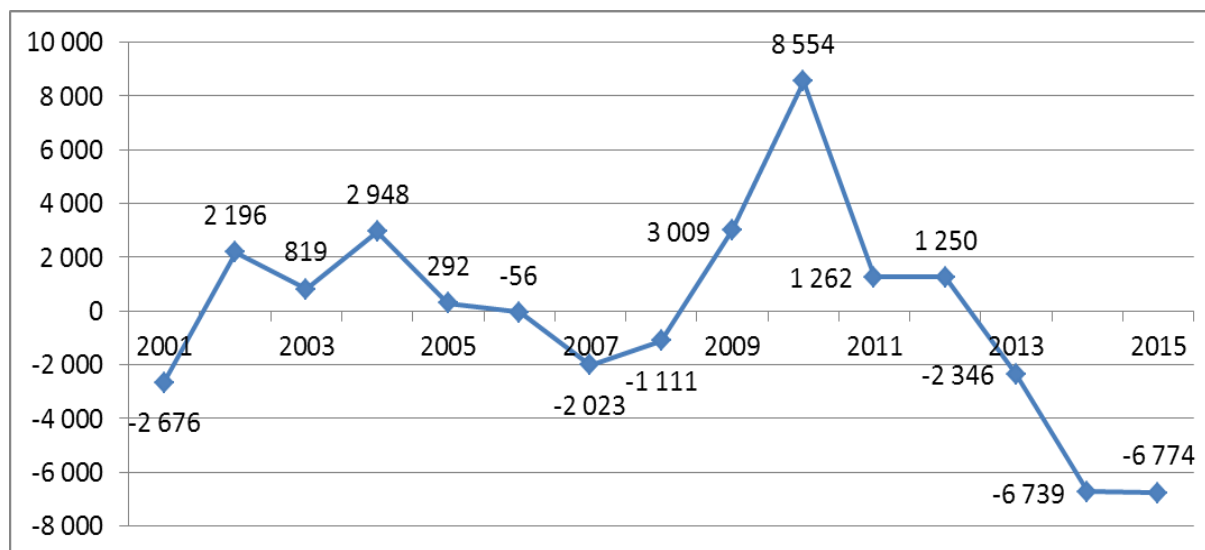
Рисунок 2. Доля коренного населения Аляски к общей численности населения штата в 2000-2015 гг.^{9,10} [7, с. 12]

⁷ Alaska Population Estimates. URL: <http://www.live.laborstats.alaska.gov/pop/> (дата обращения: 15.07.2016).

⁸ State Characteristics: Vintage 2015. URL: <https://www.census.gov/popest/data/state/asrh/2015/index.html> (дата обращения: 15.07.2016).

⁹ Alaska Population Estimates. URL: <http://www.live.laborstats.alaska.gov/pop/> (дата обращения: 15.07.2016).

¹⁰ State Characteristics: Vintage 2015. URL: <https://www.census.gov/popest/data/state/asrh/2015/index.html> (дата обращения: 15.07.2016).

Рисунок 3. Сальдо миграции на Аляске в 2001-2015 гг.¹¹

Коренное население Аляски состоит из нескольких основных групп народов, отличающихся в культурном и языковом отношении: алеуты, атапаски, эйя, эскимосы, хайда, тлинкиты, цимшианы. Ряд исследователей предлагает более крупное деление: эскимосы, индейцы и алеуты [11, Barnhardt С.]. Всего на территории Аляски проживает 229 из 566 официально признанных племен коренных народов США¹². В языковом отношении выделяются 4 основные языковые группы (эскимосско-алеутская, цимшианская, хайда, атапаско-эйя-тлинкитская), включающие в себя 20 языков¹³.

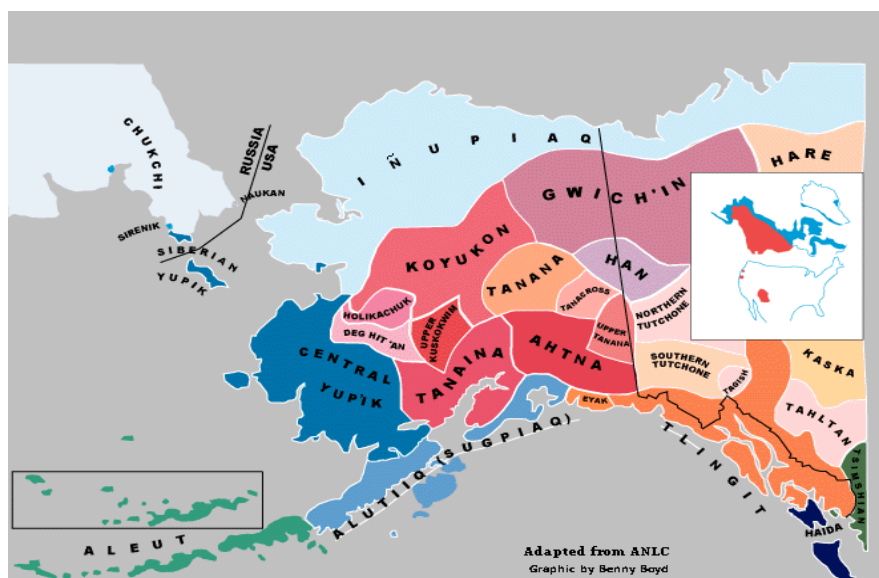

Рисунок 4. Распространение языков коренных народов Аляски [1]

¹¹ Alaska Population Estimates. URL: <http://live.laborstats.alaska.gov/pop/> (дата обращения: 15.07.2016).

¹² Tribal Nations and the United States: An Introduction. URL: <http://www.ncai.org/about-tribes> (дата обращения: 15.07.2016).

¹³ Alaska Native Languages. URL: <https://www.uaf.edu/anlc/languages/stats/> (дата обращения: 15.07.2016).

На уровне федеральных законов политика в отношении народов, проживающих в арктической зоне или других районах Аляски, как правило, не отделена от общей политики в отношении коренного населения США. Американские индейцы и коренное население Аляски (American Indians and Alaska Natives) являются единым объектом политики и статистического учёта. На федеральном уровне политика в отношении коренного населения Аляски, как и в отношении всех коренных народов США, регулируется президентом, Конгрессом (в части принятия законов), Министерством внутренних дел США (Бюро по делам индейцев — Bureau of Indian Affairs и Бюро образования индейцев — Bureau of Indian Education). Значительную роль играет законодательство и решения судов на уровне штата Аляска.

Стратегические документы США в отношении Арктики уделяют большое внимание коренным народам. Директива президента США № 66 от 2009 г.¹⁴ указывает в качестве одного из направлений политики привлечение коренных народов Арктики к принятию решений, которые могут повлиять на них. Национальная стратегия США в Арктическом регионе 2013 г.¹⁵ повторяет это положение и подчёркивает уникальные правовые отношения между племенными правительствами и Соединёнными Штатами. Одним из принципов, закреплённых в стратегии, является консультация и координация действий с коренными народами Аляски в соответствии с приказом президента США 13175 «Консультация и координация с правительствами индейских племен» 2000 г. и Принципами проведения исследований Аляскинской федерации коренных народов, принятыми в 1993 г.

Племена коренных народов Аляски признаны правительством США и, наряду с племенами американских индейцев, имеют право на самоуправление, юрисдикцию над своими членами, заключение договоров, влиять на содержание школьного образования, принимать меры по сохранению культурного наследия. Однако есть несколько важных отличий. Очевиден более высокий уровень мобилизации коренного населения Аляски по сравнению с американскими индейцами. Уже упоминавшийся Закон об удовлетворении требований коренных жителей Аляски (ANCSA) 1971 г. обеспечил собственность аборигенного населения на значительной частью территории Аляски. Благодаря предусмотренному этим законом наличию некоммерческих корпораций, коренное население имеет возможность направлять средства в управлении этих корпораций на развитие образовательных программ, системы здравоохранения и сохранение культурного наследия. ANCSA также отменил резервации на

¹⁴ NATIONAL SECURITY PRESIDENTIAL DIRECTIVE/NSPD — 66. URL: http://www.nsf.gov/geo/plr/opp_advisory/briefings/may2009/nspd66_hspd25.pdf (дата обращения: 15.07.2016)

¹⁵ National strategy for the Arctic region. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf (дата обращения: 15.07.2016)

территории Аляски, кроме резервации Метлакатла в юго-восточной Аляске [13, с. 59]. По этой причине на Аляске нет так называемых «индейских казино», которые могут располагаться только на территории резерваций. В сфере образования несомненными успехами являются обязательство штата Аляска обеспечить каждое сельское поселение средней школой и разрешённое билингвальное образование в школах.

Наравне с признанными на федеральном уровне племенами важными субъектами политики являются объединения коренных народов Аляски, такие как Аляскинское братство коренных народов (Alaska Native Brotherhood, основано в 1912 г.), Центральный совет тлингитов и хайда (Tlingit and Haida Central Council, основан в 1939 г.), Аляскинская сестринская община коренных народов (Alaska Native Sisterhood), Аляскинская федерация коренных народов (Alaska Federation of Natives, основана в 1966 г.), Приполярная конференция инуитов (Inuit Circumpolar Conference, основана в 1975 г.) [13, Roderick L., с.3]. Эти организации сыграли большую роль в защите прав коренного населения. Аборигенные народы Аляски входят в международные организации, объединяющие коренные народы разных стран. Одной из наиболее влиятельных организаций подобного рода в Арктике является Приполярный совет инуитов (Inuit Circumpolar Council), постоянный участник Арктического совета [17, Левит Л.В., с. 59]. Также постоянными участниками Арктического совета являются другие объединения, включающие в себя коренные народы Аляски: Международная ассоциация алеутов, Арктический совет атабасков и Международный совет гвичинов.

Несмотря на нормативно-правовое обеспечение политики мультикультурализма в отношении аборигенных народов Аляски, её результаты оказались неоднозначны с точки зрения социально-экономического благополучия коренных жителей. Получение аборигенным населением в собственность земель и ресурсов стало беспрецедентным примером. Однако принятие ANCSA воспринимается самими аляскинцами не только положительно. Создание корпораций не означает, что каждый коренной житель получает дивиденды от их деятельности. Во-первых, не все корпорации получают прибыль. Во-вторых, акционерами в большинстве случаев являются лица, родившиеся не позднее 18 декабря 1971 г. — времени принятия ANCSA [13, Roderick L., с. 23]. 21% коренных жителей населения Аляски живёт за чертой бедности. Это ощутимо ниже аналогичной цифры для индейцев США (27%), но значительно выше среднего значения по стране (14,3%) [18, Macartney S., Bishaw A., Fontenot K., с. 2]. Значительная часть сельского населения по-прежнему живет только за счет традиционных промыслов — охоты и рыбной ловли.

Несмотря на специальные программы в сфере здравоохранения, смертность коренного населения Аляски в 2000 г. была заметно выше, чем у других групп населения. И сегодня у аборигенных жителей наблюдается более высокий уровень самоубийств: 50,9 случаев на 100 000 населения, что превышает среднюю цифру по стране в 4 раза¹⁶. Актуальными проблемами социального характера являются высокий уровень насилия и потребления алкоголя.

В целом успешной можно признать политику в области образования коренных народов Аляски. Проблемой является более низкая успеваемость коренного населения Аляски, которые чаще отчисляются из школ и колледжей, чем остальные студенты. Но меры поддержки, включая стипендии от корпораций и фондов, позволили улучшить ситуацию за последние годы [13, Roderick L., с. 76–77].

По-прежнему острой проблемой остается вопрос сохранения языков: 17 из 20 языков народов Аляски насчитывают менее 1 000 носителей¹⁷. С 1970-х гг. на уровне штата ведётся активная деятельность по изучению, поддержке преподавания языков и сохранению языкового наследия. В настоящее время Университет Аляски Фэйрбэнкс реализует 6 образовательных программ и 9 отдельных курсов по языкам коренных народов Аляски, прежде всего для школьных учителей¹⁸. В 2014 г. парламент Аляски одобрил Билль о коренных языках Аляски (Alaska Native Languages Bill), согласно которому 20 языков коренных народов Аляски становились государственными наряду с английским. Несмотря на то, что этот закон был впоследствии отменен в судебном порядке на федеральном уровне¹⁹, это говорит о том, что вопросы сохранения культурного и языкового наследия стоят на повестке дня федеральных и региональных властей, поддерживаются в обществе.

Заключение

С XVIII в. можно выделить ряд этапов в политике в отношении коренных народов Аляски. В период российского присутствия с 1740 по 1867 гг. культурное взаимодействие носило характер аккультурации с элементами ассимиляции. С одной стороны, очевидны более низкий статус аборигенных народов в структуре колониального общества, разрушение традиционных социальных связей и институтов. С другой стороны, российские колонисты тесно

¹⁶ Alaska Suicide Facts and Statistics. URL: http://dhss.alaska.gov/SuicidePrevention/Documents/pdfs_sspsc/AKSuicideStatistics2015.pdf (дата обращения: 15.07.2016).

¹⁷ Alaska Native Languages. URL: <https://www.uaf.edu/anlc/languages/stats/> (дата обращения: 15.07.2016).

¹⁸ Alaska Native Language Classes and Degree Programs. URL: <http://www.uaf.edu/anlc/classes/> (дата обращения: 15.07.2016).

¹⁹ Alaska native languages introduction and history. URL: <http://www.akhistorycourse.org/alaskas-cultures/alaska-native-languages-introduction-and-history> (дата обращения: 15.07.2016).

взаимодействовали с местными жителями и заимствовали значительную часть традиционных адаптационных стратегий.

После продажи Аляски в 1867 г. аборигенные народы Аляски прошли серьезный путь от политики сегрегации и ассимиляции в их отношении до законодательного закрепления прав на землю, самоуправление и сохранение культурного наследия. Во многих аспектах коренные жители Аляски, благодаря более высокому уровню мобилизации, сумели добиться больших прав по сравнению с американскими индейцами нижних 48 штатов.

Современная политика в отношении коренных народов Аляски строится на принципах мультикультурализма, признания и поддержки развития традиционных культур. Среди её достижений можно выделить высокий уровень самоорганизации и самоуправления индигенного населения, законодательно закрепленные права на землю и ресурсы, успехи в сохранении культурного наследия. Вместе с тем наследие многих лет поддерживаемой государством и широкими слоями общества политики ассимиляции и сегрегации не преодолено окончательно. Проблемы социально-экономического характера, с которыми сталкиваются коренные жители, представляют потенциальную угрозу для политической стабильности на Аляске. Среди них низкий уровень доходов коренного населения, высокая смертность, высокий уровень потребления алкоголя, самоубийств, насилия, более низкий уровень образования. Серьёзным вызовом является также сокращение носителей преобладающего числа традиционных языков народов Аляски.

Литература

1. Зайков К.С., Тамицкий А.М. Межнациональные отношения в Российской Арктике: состояние и перспективы // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2016. № 5. С. 46–51.
2. Таксами Н.Ч. История штата Аляска и населяющих его аборигенных народов в американской историографии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. 2009. Выпуск №104. С. 7–14.
3. Saveliev I., Hildebrand S. Protection of the Rights of Indigenous Peoples in Alaska — Based on Scientific Expeditions During the Project “Heritage of Russian America” // Current Developments in Arctic Law. 2015. Volume III. С. 28-34. URL: <http://www.uarctic.org/media/1437412/currentdevelopmentsinarcticlawvol3optimized.pdf> (дата обращения: 15.07.2016)
4. Гринев А.В. Характер взаимоотношений русских колонизаторов и аборигенов Аляски // Вопросы истории. 2003. № 8. URL: http://Annales.info/amerika/rus_amer/koloniz.htm (дата обращения: 15.07.2016)
5. Питерская Е.С. Межкультурное взаимодействие на территории Аляски в период российской колонизации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.07. М., 2007.
6. Питерская Е.С. Основные механизмы этнокультурного влияния на Аляске в период российской колонизации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 19. № 45. С. 192–197
7. Филин П.А. Русские заимствования в традиционной культуре коренных народов Аляски: культурный сдвиг и его влияние на этничность // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1. С. 76–88

8. Hays L. Alaska Native Tribes, ANCSA Corporations, and Other Organizations: Origins, Purposes, and Relationships. Anchorage: Publication Consultants. 2015. 96 с.
9. Пуллар Г. Самоуправление коренных народов и политические институты на Аляске // Станция Земля. URL: http://landclaim.narod.ru/indig_1.htm (дата обращения: 15.07.2016)
10. Краснополский Б.Х. Организация хозяйственной деятельности коренных народностей севера: опыт штата Аляска // Пространственная экономика. 2007. № 4. С. 133–146
11. Barnhardt C. A history of schooling for Alaska native people // Journal of American Indian Education. 2001. Volume 40, Number 1 Fall. URL: <http://www.ankn.uaf.edu/curriculum/Articles/CarolBarnhardt/HistoryofSchooling.html> (дата обращения: 15.07.2016)
12. Williams G. Race and Ethnicity in Alaska // Alaska Economic Trends. 2001. October. С. 11–21. URL: <http://laborstats.alaska.gov/trends/oct01art2.pdf> (дата обращения: 15.07.2016)
13. Roderick L. Do Alaska Native People Get Free Medical Care? And other frequently asked questions about Alaska Native issues and cultures. Anchorage: University of Alaska Anchorage and Alaska Pacific University. 2008. 100 с.
14. Зайков К.С. Пространственные границы Российской империи на Мурманском побережье в начале XIX в. // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2010. №1(9). URL: <http://www.hcpncr.com/journ910/journ910zaykov.html> (дата обращения: 27.06.2016)
15. Stebing H.M. Rewriting the history of racial segregation in Alaska: Undergraduate Honors Thesis. 68 с. URL: http://csre.stanford.edu/theses/09_HMStebing_Thesis.doc (дата обращения: 15.07.2016)
16. Чернухина Л.С. Формы участия коренных народов Северной Америки в отправлении правосудия // Журнал Российского права. 2014. № 7(211). С. 104–116
17. Левит Л.В. Приполярный совет инуитов как институт гражданского общества в арктических государствах и орган по защите прав и интересов аборигенного населения // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2014. № 11. С. 58–62
18. Macartney S., Bishaw A., Fontenot K. Poverty Rates for Selected Detailed Race and Hispanic Groups by State and Place: 2007–2011. 2013. 20 p. URL: <http://www.census.gov/prod/2013pubs/acsbr11-17.pdf> (дата обращения: 15.07.2016)

References

1. Zajkov K.S., Tamickij A.M. Mezhnacional'nye otnoshenija v rossijskoj Arktike: sostojanie i perspektivy, *Analiticheskij vestnik Soveta Federacii Federal'nogo Sobraija RF*, 2015, № 5, pp. 46–51.
2. Taksami N.Ch. Istorija shtata Aljaska i naselajushhih ego aborigennyh narodov v amerikanskoj istoriografii, *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*, 2009, Vypusk № 104, pp. 7–14.
3. Saveliev I., Hildebrand S. Protection of the Rights of Indigenous Peoples in Alaska — Based on Scientific Expeditions During the Project “Heritage of Russian America” , *Current Developments in Arctic Law*, 2015, Volume III, pp. 28–34. URL: <http://www.uarctic.org/media/1437412/currentdevelopmentsinarcticlawvol3optimized.pdf> (Accessed: 15.07.2016)
4. Grinev A.V. Harakter vzaimootnoshenij russkih kolonizatorov i aborigenov Aljaski, *Voprosy istorii*, 2003, № 8, URL: http://Annales.info/amerika/rus_amer/koloniz.htm (Accessed: 15.07.2016)
5. Pitserskaja E.S. *Mezhkul'turnoe vzaimodejstvie na territorii Aljaski v period rossijskoj kolonizacii*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.07. M., 2007.
6. Pitserskaja E.S. Osnovnye mehanizmy jetnokul'turnogo vlijanija na Aljaske v period rossijskoj kolonizacii, *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*, 2007. T. 19. № 45. pp. 192–197
7. Filin P.A. Russkie zaimstvovaniya v tradicionnoj kul'ture korenyh narodov Aljaski: kul'turnyj sdvig i ego vlijanie na etnichnost' , *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 2013, № 1, pp. 76–88
8. Hays L. *Alaska Native Tribes, ANCSA Corporations, and Other Organizations: Origins, Purposes, and Relationships*. Anchorage: Publication Consultants. 2015. 96 p.
9. Pullar G. *Samoupravlenie korenyh narodov i politicheskie instituty na Aljaske*. URL: http://landclaim.narod.ru/indig_1.htm (Accessed: 15.07.2016)
10. Krasnopol'skij B.H. Organizacija hozjajstvennoj dejatel'nosti korenyh narodnostej severa: opyt shtata Aljaska, *Prostranstvennaja jekonomika*, 2007, № 4, pp. 133–146

11. Barnhardt C. A history of schooling for Alaska native people, *Journal of American Indian Education*, 2001, Volume 40, Number 1 Fall. URL: <http://www.ankn.uaf.edu/curriculum/Articles/CarolBarnhardt/HistoryofSchooling.html> (дата обращения: 15.07.2016)
12. Williams G. Race and Ethnicity in Alaska, *Alaska Economic Trends*, 2001, October, pp. 11–21. URL: <http://laborstats.alaska.gov/trends/oct01art2.pdf> (Accessed: 15.07.2016)
13. Roderick L. *Do Alaska Native People Get Free Medical Care? And other frequently asked questions about Alaska Native issues and cultures*, Anchorage: University of Alaska Anchorage and Alaska Pacific University, 2008, 100 p.
14. Zaikov K.S. Prostranstvennye granitsy Rossijskoy Imperii na Murmanskom poberezh'e v nachale XIX v., *Voprosy istorii i kultury severnykh stran i territoriy*, 2010. №1 (9) URL: <http://www.hcpncr.com/journ910/journ910zaykov.html> (Accessed: 27.06.2016)
15. Stebing H.M. *Rewriting the history of racial segregation in Alaska: Undergraduate Honors Thesis*, 68 p. URL: http://csre.stanford.edu/theses/09_HMStebing_Thesis.doc (дата обращения: 15.07.2016)
16. Chernuhina L.S. Formy uchastija korennykh narodov Severnoj Ameriki v otpravlenii pravosudija, *Zhurnal Rossijskogo prava*, 2014, № 7(211), pp. 104–116
17. Levit L.V. Pripoljarnyj sovet inuitov kak institut grazhdanskogo obshhestva v arkticheskikh gosudarstvakh i organ po zashhite prav i interesov aborigennogo naselenija, *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie v XXI veke: teorija, metodologija, praktika*, 2014, № 11, pp. 58–62
18. Macartney S., Bishaw A., Fontenot K. *Poverty Rates for Selected Detailed Race and Hispanic Groups by State and Place: 2007-2011*, 2013, 20 p. URL: <http://www.census.gov/prod/2013pubs/acsbr11-17.pdf> (Accessed: 15.07.2016).

УДК [321,02+316,42+327,82] (470.13) (045). К64

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.78

Изучение Арктической зоны Российской Федерации: опыт политологического анализа

© **Кондраль Дмитрий Петрович**, кандидат политических наук, доцент кафедры философии и методологии образования Ухтинского государственного технического университета. E-mail: lbvf17@rambler.ru

© **Морозов Николай Алексеевич**, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Сыктывкарского филиала Российского университета кооперации. E-mail: moroz_03@rambler.ru

Аннотация. Авторами рассмотрены основные направления политологического изучения вопросов развития северных регионов страны, теоретических и прикладных исследований в области стратегического управления процессами пространственно-территориального развития Севера и Арктики России. Систематизированы и обобщены ключевые направления политологических исследований по вопросам управления этими процессами, проанализированы основные внешне и внутривнутриполитические вопросы развития арктических и приарктических регионов страны, связанные с качеством системы политического управления процессами их пространственного и социального развития. Исследованы механизмы учёта интересов ключевых акторов на Севере России, приведены рекомендации по совершенствованию механизмов управления процессами пространственного и социального развития северных регионов страны. Исследователи отмечают развитие новой парадигмы рассмотрения Севера и Арктики России, предполагающей признание ценности северных территорий не только как ресурсной базы страны, а, первоначально, как социальных образований.

Ключевые слова: Арктическая зона, Россия, Север, политологический анализ, принятие управленческих решений, исследование процессов, стратегические проекты

Studying the Russian Arctic: the experience of political analysis

© **Dmitry P. Kondral**, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of philosophy and methodology of education, Ukhta State Technical University. E-mail: lbvf17@rambler.ru

© **Nikolai A. Morozov**, Candidate of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Humanities and Natural Sciences, Syktывkar Branch of the Russian University of Cooperation. E-mail: moroz_03@rambler.ru

Abstract. The authors discuss the main directions of the political science study of the issues of development of northern regions of the country, the theoretical and applied research in the field of strategic management processes of spatial and territorial development of the North and the Russian Arctic. Key areas of political studies on the management of these processes are systematized and summarized, the main external and internal issues of the Arctic and subarctic regions of the country are analyzed, connected with the quality of the political process control systems of their spatial and social development. The mechanisms of accounting of interests of key actors in the North of Russia are investigated, recommendations for improving process of control mechanisms of spatial and social development of the northern regions of the country are given. The researchers specify the development of a new paradigm of considering the North and the Russian Arctic, involving the recognition of the value of the northern territories, not only as a resource base of the country, but mostly as social formations.

Keywords: *the Arctic zone, Russia, North, political analysis, management decisions, research processes, strategic projects*

Важным направлением современного изучения Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) выступают анализ перспектив внутреннего и внешнего политико-управленческого развития региона, на основе использования методов политических наук. Если внешнеполитическое развитие характеризуется поиском баланса между возможностями самостоятельного развития страны и возможностями интеграции со странами-партнёрами на основе создания устойчивых коалиций, то внутреннее политическое развитие предполагает формирование эффективных механизмов перспективного управления процессами пространственно-территориального развития Севера и Арктики России на федеральном и региональном уровнях.

Практические вопросы политического управления нашли своё отражение в трудах отечественных учёных, занимающихся исследованием вопросов внешне и внутривнутриполитического развития страны и, в частности, арктических и приарктических регионов. Важными вопросами стратегического пространственно-территориального развития северных регионов страны занимаются крупные специализированные научно-исследовательские организации данных регионов. Среди основных следует указать такие организации, как Кольский научный центр РАН, Коми научный центр РАН, Северный (Арктический) университет имени М.В. Ломоносова, ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики Российской академии наук — ФИЦКИА РАН в Архангельске и др. Специфика указанных организаций определяется их ориентацией на широкий круг научных исследований, включающих в т.ч. вопросы политико-управленческого развития территорий Севера и Арктики России.

Опыт политологического анализа в изучении Арктической зоны Российской Федерации

Ключевые направления современных политологических исследований связаны как с оценкой внешнеполитических аспектов развития страны и регионов (в частности, рассматриваются проблемы и угрозы внешнеполитического развития; возможности проведения самостоятельной политики и интеграции; степень конкурентоспособности страны и регионов на международной арене), так и внутривнутриполитических: возможности развития системы регионального управления; перспективы развития демократической культуры на местном уровне; экологическое развитие территорий. Важным фактором формирования благоприятных условий и механизмов освоения и развития арктических и приарктических регионов страны является научное обобщение и анализ отечественного и зарубежного опыта и знаний, направленных на осмысление и понимание различных процессов функционирования территорий

Севера и Арктики России [1, Шевчук А.В.]. Во многих публикациях отмечается, что наряду с осознанием современных требований к системе стратегического менеджмента территориальным развитием применительно к арктическим и приарктическим регионам страны, оценка и использование качественных отечественных и зарубежных механизмов стратегического управления в приарктических государствах [2, Комлева Н.А.], реализация арктических стратегических проектов [3, Нестеренко М.Ю., Иконников В.М.], являются основой формирования арктической политики и эффективной модернизации управленческих механизмов и отношений на федеральном и региональном уровнях [4, Харевский А.А.; 5, Кокис К.А.]. Научно-исследовательская деятельность, национальные программы исследований Арктики в циркумполярных государствах, формирующие определённое информационное политико-управленческое поле, также становятся одним из ключевых механизмов не только международного сотрудничества и взаимодействия, но и реализации геополитических интересов в Арктике¹. Реализация международных программ сотрудничества по вопросам стратегического пространственно-территориального развития Севера и Арктики России сопряжена как с поиском путей соприкосновения и сотрудничества на международной арене, так и с предотвращением потенциальных угроз реализации стратегий сбалансированного социально-экономического и инфраструктурного развития [6, Кондраль Д.П., Морозов Н.А.] арктических и приарктических регионов страны. Проблемное поле развития Российской Арктики на заседании «Меркурий-клуба» 08.10.2014 было раскрыто академиком Е.М. Примаковым (1929–2015) через анализ пяти проблем: оформление внешних границ российского континентального шельфа на основе международного права, развитие Севморпути, освоение энергетических ресурсов, укрепление военной инфраструктуры в арктическом регионе, реальное социально-экономическое развитие АЗРФ [7, Лукин Ю.Ф., с. 191–193].

Сегодня всё более очевидно наличие как общих интересов и целей, так и расхождений в региональной политике ключевых арктических стран, участвующих или претендующих на участие в формировании и реализации полноценной арктической политики. Так, если основной целью России является обеспечение сбалансированного функционирования и развития арктического региона, то одной из целей иностранных государств является формирование условий влияния на российскую арктическую политику для получения определённых

¹ См, например, «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации» на 2014 год. URL: <http://www.ras.ru/scientificactivity/rasprograms/arctic.aspx> (дата обращения: 09.10.2016). Павленко В.И., Подоплекин А.О. Национальные программы исследований Арктики в циркумполярных государствах: планирование, инструменты реализации и политическая эффективность. Лузин Г.П. Северное измерение России и северное измерение ЕС: перспективы сотрудничества // Вестник Кольского научного центра РАН. 2009. №1. С. 13-16. И др.

бонусов и преимуществ в арктических и смежных проектах. Расхождение целей является основной причиной роста степени конфронтации в ключевых политико-управленческих направлениях регионального развития. Это, по мнению авторов данной статьи, характеризует определённую степень ограниченности политико-управленческих возможностей формирования сбалансированных условий пространственно-территориального развития Севера и Арктики России.

Возможности и перспективы пространственно-территориального развития Севера и Арктики России во многом определяются внешнеполитическими факторами. Очевидно наличие противоречий интересов арктических стран наряду со странами, не имеющими непосредственных границ в Арктике, но стремящихся оказывать влияние на региональные процессы [8, Антюшина Н.М.; 9, Белов В.Б.; 10, Гриняев С.Н., 11, Журавель В.П. и др. в «АиС» № 24]. Серьёзные противоречия сегодня возникают по вопросам распределения и использования ресурсов Арктики, что становится наиболее значимым в условиях мирового экономического кризиса и перспективного увеличения дефицита ресурсов в мире. В данных условиях важным для России является сохранение политико-управленческого и социально-экономического потенциала Арктической зоны для стабильного развития северных регионов и страны в целом, понимая Арктику как пространство для междисциплинарности, устойчивого развития и мира [12, Хейнинен Л.]. Это определяет необходимость формирования эффективных политико-управленческих механизмов и направлений регионального развития, учитывающих все внутренние и внешние интересы страны и способных создавать качественные условия их реализации для позиционирования России в Арктике в контексте глобальных трендов [13, Лукин Ю.Ф.], что характеризует необходимость наличия в арктической политике страны чёткой линии самоопределения и стратегического видения своих приоритетов и целей развития с учётом общей стратегии развития страны и отдельных регионов.

Сегодня всё более остро проявляется ограниченность финансов и возможностей страны вкладывать ресурсы в развитие инфраструктуры северных регионов, что определяет, по мнению авторов статьи, снижение возможностей системы политического управления формировать эффективные программы стратегического пространственно-территориального развития Севера и Арктики России. В связи с этим сегодня всё более важным является формирование качественных политико-управленческих идей развития северных территорий страны, обеспечивающих синергию процессов инновационного развития и модернизации социально-экономической и политико-управленческой сфер арктических и приарктических регионов страны. В связи с нехваткой ресурсов для реализации программ социально-эконо-

мического и инфраструктурного развития Севера и Арктики России и угрозой упустить стратегические возможности их освоения и дальнейшего использования экономического потенциала для развития социально-экономической системы страны актуальным является поиск надёжных партнёров и создание альянсов с целью формирования стабильных условий и интенсификации процессов их пространственно-территориального развития.

Вместе с тем, управление развитием территорий с привлечением иностранных партнёров к процессам пространственно-территориального освоения Севера и Арктики России создаёт условия для необходимости развития механизмов учёта и разграничения государственных интересов, связанных непосредственно с вопросами государственной безопасности, и интересов коалиционных (партнёрских). При этом от качества политико-управленческой системы во многом зависят возможности определения и расстановки приоритетов политико-управленческого, социально-экономического и инфраструктурного развития арктических и приарктических регионов страны.

Общая модель учёта интересов ключевых акторов на Севере России представлена на рис. 1.

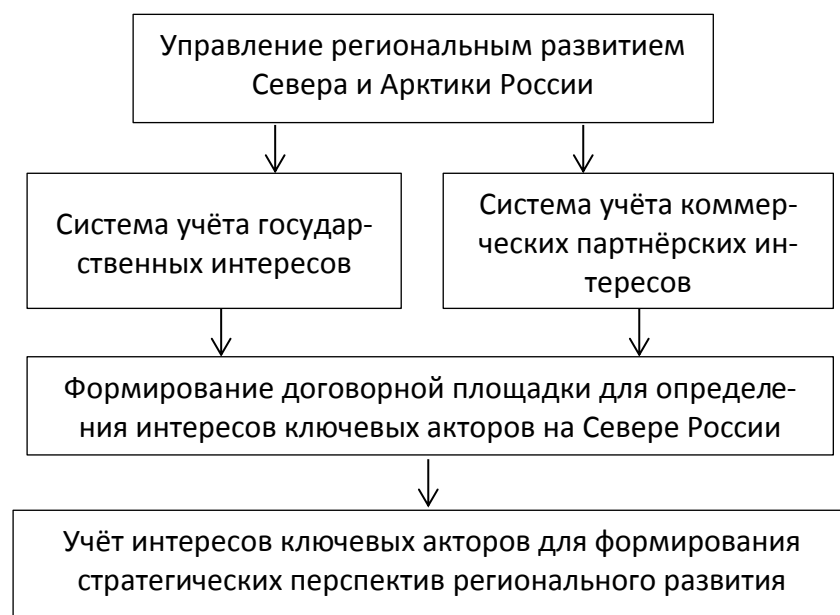

Рисунок 1. Модель формирования эффективных механизмов учёта общих интересов ключевых акторов на Севере России /авторский вариант: Кондраль Д.П., Морозов Н.А.

Качество политико-управленческой системы во многом определяется не только её возможностями адекватно и эффективно решать возникающие сегодня проблемные вопросы [14, Ямилов Р.М.], но и реакцией на стратегические вызовы стабильному пространственно-территориальному развитию Севера и Арктики России, включая экологию [15, Лукин Ю.Ф.], безопасность [16; 17, Храмчихин А.А.], проблемы и перспективы развития арктических регионов, выявленные в ходе экспертных опросов [18, Каторин И.В., Чураков А.А.; 19, Каспа-

рьян Ж.Э.]. Поэтому в аспекте модернизации политико-управленческих механизмов стратегического пространственно-территориального развития Севера и Арктики России сегодня является важным как решение имеющихся проблем, так и поиск новых возможностей и перспектив инновационного совершенствования управленческой системы в будущем, включая междисциплинарные подходы [20, Конов А.М.]. Будущее Арктики, как считает В.С. Селин, — «сложнейшая и синтетическая проблема, поэтому её решение может быть обеспечено только интеграцией усилий всех институтов и социальных групп общества. Вероятно, в процессе международного сотрудничества, учитывая масштаб затрат и инновационных проблем» [21, с. 135].

Интенсификация инновационных процессов развития основных сфер в арктических и приарктических регионах страны должна учитывать реальные потребности и нужды ключевых акторов, власти, бизнеса и населения, перспективы их взаимодействия, что сопряжено напрямую с возможностями совершенствования механизмов пространственно-территориального управления [22, Кондраль Д.П., Морозов Н.А., с. 33–39], развитием демократических институтов и моделей управления в северных регионах страны, культурой, синергией и сбалансированностью процессов стратегического управления Севером России, определением приоритетов [23, Кондраль Д.П.].

Важным условием обеспечения стабильного развития арктических и приарктических регионов страны является обеспечение площадки их безопасного функционирования и освоения, что предполагает выявление, учёт и предупреждение множества существующих и перспективных угроз внутренней и внешней безопасности функционирования территорий Севера и Арктики России [24, Селин В.С., Козьменко С.Ю.].

С целью формирования эффективных политико-управленческих механизмов стратегического развития АЗРФ значимым является, как уже отмечалось в нашей ранее вышедшей монографии, создание на основе позитивного отечественного и зарубежного опыта специализированных научно-исследовательских структур, способных на высоком профессиональном уровне обеспечивать формирование и реализацию арктической политики с учётом региональных специфик и условий пространственно-территориального развития [25, Кондраль Д.П., Морозов Н.А.]. В данном аспекте целесообразным является формирование политики, учитывающей многообразие специфик развития арктических и приарктических регионов страны и отход от рассмотрения Арктической зоны РФ как исключительно ресурсного региона. Данный подход предполагает не только выработку, специальных стратегических программ стабильного социально-экономического и инфраструктурного развития территорий

Севера и Арктики России, но и реализацию арктических проектов, даже в условиях социально-экономического кризиса, перманентный реальный рост качества социально-экономических и управленческих отношений и уровня жизни населения.

Заключение

Таким образом, совершенствование политико-управленческой системы в отношении Севера и Арктики России связано с изменением управленческой парадигмы роли и значения Арктической зоны РФ, что во многом определяется изменением социально-экономических условий развития страны и регионов. Так, сегодня необходимо формировать и реализовывать не только программы стабильного социально-экономического развития территорий Севера и Арктики России с учётом условий мировой социально-экономической нестабильности и развития в окружении стран-партнёров с проблемными экономиками, но и осуществлять проектный подход. В связи с этим, необходимым является формирование качественной системы принятия и реализации эффективных управленческих решений по вопросам стратегического пространственно-территориального развития Севера и Арктики России, способной адекватно и заблаговременно реагировать на внешние и внутренние вызовы и угрозы стабильному функционированию и развитию северных территорий.

Новая парадигма изучения Севера и Арктики России предполагает, по нашему мнению, признание ценности рассматриваемых территорий не только как ресурсной базы страны, но, прежде всего, как социальных образований. Это определяет необходимость формирования устойчивых процессов их социально-экономического и инфраструктурного развития, а также совершенствования политико-управленческих механизмов их стратегического пространственно-территориального развития с учётом современных демократических и правовых норм и принципов.

Литература

1. Шевчук А.В., Куртеев В.В. О развитии основных направлений научных исследований Арктической зоны Российской Федерации // Арктика и Север. 2016. №22. С. 75–86.
2. Комлева Н.А. Арктическая стратегия приарктических государств: общее и особенное // Арктика и Север. 2011. № 2. С. 19–25.
3. Нестеренко М.Ю., Иконников В.М. Арктические стратегические проекты и их реализация // Арктика и Север. 2013. № 13. С. 45–52.
4. Харевский А.А. Арктическая политика Канады: трансформация подхода к управлению северными территориями // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2011. № 6. С. 97–102.
5. Кокис К.А. К вопросу о формировании арктической политики РФ // Арктика и Север. 2015. № 19. С. 81–95.
6. Кондраль Д.П., Морозов Н.А. Развитие инфраструктуры освоения территорий Арктической зоны Российской Федерации в современных условиях // Вопросы управления. 2015. № 6. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2015/06/10/> (дата обращения: 11.04.2016).

7. Лукин Ю.Ф. Пять проблем развития Российской Арктики // Арктика и Север. 2014. № 17. С. 191–193.
8. Антюшина Н.М. Страны-новички Арктического совета открывают для себя Крайний Север // Арктика и Север, 2016. № 24. С. 80–95.
9. Белов В.Б. Стратегия Германии в Арктике // Арктика и Север, 2016. № 24. С. 96–104.
10. Гриняев С.Н. Мотивы и интересы неарктических стран по освоению Арктики // Арктика и Север, 2016. № 24. С. 105–111.
11. Журавель В.П. Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность // Арктика и Север, 2016. № 24. С. 112–144.
12. Хейнинен Л. Арктика как пространство для междисциплинарности, устойчивого развития и мира // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 81–87.
13. Лукин Ю.Ф. Современная ситуация в Арктике в контексте глобальных трендов // Арктика и Север. 2014. № 16. С. 41–71.
14. Ямилов Р.М. Позиционирование России в Арктике: проблемные аспекты // Арктика и Север. 2014. № 17. С. 91–98.
15. Лукин Ю.Ф. «Горячие точки» Российской Арктики // Арктика и Север. 2013. № 11. С. 4–38.
16. Храмчихин А.А. Значение Арктики для национальной безопасности России, Китай может стать арктической державой // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 88–97.
17. Храмчихин А.А. Основные проблемы Российской Арктики // Арктика и Север. 2013. № 13. С. 64–70.
18. Каторин И.В., Чураков А.А. Проблемы и перспективы развития арктических регионов (по материалам экспертного опроса) // Арктика и Север. 2015. № 19. С. 71–80.
19. Каспарьян Ж.Э. Современные вызовы, векторы развития и противоречия социальной политики Мурманской области как региона АЗ РФ // Вестник Кольского научного центра РАН. 2014. № 4. С. 112–120.
20. Конов А.М. Междисциплинарный подход к решению проблемы управления Арктической зоной РФ // Арктика и Север. 2013. № 10. С. 4–15.
21. Селин В.С. Будущее Арктики — сложнейшая и синтетическая проблема // Арктика и Север. 2011. № 1. С. 135.
22. Кондраль Д.П., Морозов Н.А. Власть, бизнес и население в северных регионах России: проблемы и перспективы взаимодействия // Арктика и Север. 2015. № 20. С. 58–72.
23. Кондраль Д.П. Культура, синергия и сбалансированность процессов стратегического управления Севером России // Арктика и Север. 2014. № 17. С. 60–64.
24. Селин В.С., Козьменко С.Ю. Взаимодействие хозяйственных и оборонных интересов в арктических акваториях // Вестник Кольского научного центра РАН. 2012. № 3. С. 34–40.
25. Кондраль Д.П., Морозов Н.А. Стратегическое управление процессами пространственно-территориального развития Севера России: проблемы и перспективы: монография. Сыктывкар: СГУ, 2014. 96 с.

References

1. Shevchuk A.V., Kurteev V.V. O razvitii osnovnykh napravlenij nauchnykh issledovanij Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii, *Arktika i Sever*, 2016, № 22, pp. 75–86.
2. Komleva N.A. Arkticheskaja strategija priarkticheskikh gosudarstv: obshhee i osobennoe, *Arktika i Sever*, 2011, № 2, pp. 19–25.
3. Nesterenko M.Y., Ikonnikov V.M. Arkticheskie strategicheskie proekty i ih realizacija, *Arktika i Sever*, 2013, № 13, pp. 45–52.
4. Harevskij A.A. Arkticheskaja politika Kanady: transformacija podhoda k upravleniju severnymi territorijami, *Izvestiya Komi nauchnogo Centra Uro RAN*, 2011, № 6, pp. 97–102.
5. Kokis K.A. K voprosu o formirovanii arkticheskoy politiki RF, *Arktika i Sever*, 2015, № 19, pp. 81–95.
6. Kondral' D.P., Morozov N.A. Razvitie infrastruktury osvoenija territorij Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii v sovremennykh uslovijah, *Voprosy upravlenija*, 2015, № 6. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2015/06/10/> (Accessed: 11.04.2016).
7. Lukin Y.F. Pjat' problem razvitija Rossijskoj Arktiki, *Arktika i Sever*, 2014, № 17, pp. 191–193.

8. Antjushina N.M. Strany-novichki Arkticheskogo soveta otkryvajut dlja sebja Krainiy Sever, *Arktika i Sever*, 2016, № 24, pp. 80–95.
9. Belov V.B. Strategija Germanii v Arktike, *Arktika i Sever*, 2016, № 24, pp. 96–104.
10. Grinjaev S.N. Motivy i interesy nearkticheskikh stran po osvoeniju Arktiki, *Arktika i Sever*, 2016, № 24, pp. 105–111.
11. Zhuravel' V.P. Kitay, Respublika Koreja, Japonija v Arktike: politika, jekonomika, bezopasnost', *Arktika i Sever*, 2016, № 24, pp. 112–144.
12. Hejnenin L. Arktika kak prostranstvo dlja mezhdisciplinarnosti, ustojchivogo razvitija i mira, *Arktika i Sever*, 2015, № 21, pp. 81–87.
13. Lukin Y.F. Sovremennaja situacija v Arktike v kontekste global'nyh trendov, *Arktika i Sever*, 2014, № 16, pp. 41–71.
14. Yamilov R.M. Pozitsionirovanie Rossii v Arktike: problemnye aspekty, *Arktika i Sever*, 2014, № 17, pp. 91–98.
15. Lukin Y.F. «Gorjachie tochki» Rossijskoj Arktiki, *Arktika i Sever*, 2013, № 11, pp. 4–38.
16. Hramchihin A.A. Znachenie Arktiki dlja nacional'noj bezopasnosti Rossii, Kitaj mozhet stat' arkticheskoy derzhavoj, *Arktika i Sever*, 2015, № 21, pp. 88–97.
17. Hramchihin A.A. Osnovnye problemy Rossijskoj Arktiki, *Arktika i Sever*, 2013, № 13, pp. 64–70.
18. Katorin I.V., Churakov A.A. Problemy i perspektivy razvitija arkticheskikh regionov (po materialam ekspertnogo oprosa), *Arktika i Sever*, 2015, № 19, pp. 71–80.
19. Kaspar'jan Zh.E. Sovremennye vyzovy, vektory razvitija i protivorechija social'noj politiki Murmanskoy oblasti kak regiona AZ RF, *Vestnik Kol'skogo nauchnogo centra RAN*, 2014, № 4, pp. 112–120.
20. Konov A.M. Mezhdisciplinarnyj podhod k resheniju problemy upravlenija Arkticheskoy zonoj RF, *Arktika i Sever*, 2013, № 10, pp. 4–15.
21. Selin V.S. Budushhee Arktiki — slozhnejshaja i sinteticheskaja problema, *Arktika i Sever*, 2011, № 1, p. 135.
22. Kondral' D.P., Morozov N.A. Vlast', biznes i naselenie v severnyh regionah Rossii: problemy i perspektivy vzaimodejstvija, *Arktika i Sever*, 2015, № 20, pp. 58–72.
23. Kondral' D.P. Kul'tura, sinergija i sbalansirovannost' processov strategicheskogo upravlenija Severom Rossii, *Arktika i Sever*, 2014, № 17, pp. 60–64.
24. Selin V.S., Koz'menko S.Y. Vzaimodejstvie hozjajstvennyh i oboronnyh interesov v arkticheskikh akvatorijah, *Vestnik Kol'skogo nauchnogo centra RAN*, 2012, № 3, pp. 34–40.
25. Kondral' D.P., Morozov N.A. *Strategicheskoe upravlenie processami prostranstvenno-territorial'nogo razvitija Severa Rossii: problemy i perspektivy: monografija*, Syktyvkar: SGU, 2014, 96 p.

УДК 323.11+ 325.1

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.87

В поисках баланса: шведская модель этнической политики на современном этапе¹

© **Котлова Екатерина Сергеевна**, историк, бакалавр циркумполярных наук, магистр философии в области изучения коренных народов, художественный редактор журнала «Арктика и Север». E-mail: e.kotlova@narfu.ru. Тел.: +7 900 916 77 26.

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются модели этнической политики Швеции в отношении коренного населения, национальных меньшинств и мигрантов. Наиболее важным представляется проанализировать этнополитические модели (аккультурации, ассимиляции, сегрегации и интеграции) и обстоятельства, повлекшие за собой изменения государственной политики, а также их эффективность в условиях современной кризисной ситуации.

Ключевые слова: этнонациональная политика, коренные народы, миграция, Швеция, интеграция, национализм

Searching for balance: Swedish ethnic policy model today

© **Ekaterina S. Kotlova**, historian, Bachelor of Circumpolar studies, Master in Philosophy in Indigenous studies, Art editor of "Arctic and North" journal. E-mail: e.kotlova@narfu.ru. Tel.: +7 900 916 77 26

Abstract. The article is devoted to ethnic policy models in Sweden regarding indigenous population, national minorities and migrants. It seems most important to analyze the ethnic policy models (acculturation, assimilation, segregation and integration policy) and circumstances which caused changes in state policy, as well as the efficiency in conditions of the modern crisis situation.

Keywords: ethnic policy models, indigenous people, migration, Sweden, integration, nationalism

Во второй половине XX в. шведскому государству удалось просуществовать в условиях интенсивной миграции при отсутствии каких-либо проявлений ксенофобии. Успех заключался в сбалансированной миграционной политике, а также комплексных мероприятиях, направленных на повышение уровня толерантности шведского общества. Одновременно, государство уделяло достаточно много внимания коренному населению страны, его культурной и политической автономии.

Миграционный кризис в Европе 2015 г. напомнил, что в Швеции существуют свои проблемы. Рост количества мигрантов в стране стабилен и продолжается. Швеция остаётся второй после Германии страной по процентному соотношению мигрантов к местному населению. В последние десятилетия процент безработицы среди мигрантов остаётся высоким [1, Bevelander P., Irastorza N.], а многие из них оказываются вовлечены в криминальную деятельность. В стране прослеживается неравенство в оплате труда шведов и мигрантов — не в

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда — проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов».

пользу последних. Часть шведского общества видит в мигрантах угрозу социальной стабильности. Финансовый кризис, возрастающий скепсис по поводу будущего европейской интеграции, а также сглаженная риторика шведских националистов привели к тому, что поддержка правых возрастает [2, Таршин А.С., с. 99–101]. Подтверждение — популярность партии «Шведские демократы», которая в результате выборов 2014 г. получила рекордное количество голосов. За 4 года партия удвоила число своих сторонников (таб. 1).

Таблица 1

*Результаты парламентских выборов
для партии «Шведские демократы» (2002-2014) [2, с. 94]*

Год выборов	≈ % голосов	Количество мест в парламенте
2002	1,4%	0
2006	2,9%	0
2010	5,7%	20
2014	12,9%	49

В настоящей статье рассматриваются модели этнической политики Швеции в отношении коренного населения, национальных меньшинств и мигрантов. Наиболее важным представляется проанализировать этнополитические модели, обстоятельства, повлёкшие за собой изменения государственной политики, а также их эффективность в современных условиях.

Модели этнонациональной политики Швеции: теоретические аспекты

В последние годы появился широкий спектр научных трудов, посвящённых этнонациональной политике² Швеции; мигрантам и вопросам их интеграции в шведское общество; культуре коренных народов, её ревитализации, сохранению и развитию; политическому представительству и гарантии прав этнических меньшинств, коренного населения и мигрантов; образованию, медицине, проблемам гендерного равенства и дискриминации, вопросам суицидального поведения и пр.

Базовыми теоретическими разработками в области этнонациональной политики стали исследования норвежского антрополога Ф. Барта [3]; деколонизационная методология Л. Т. Смит [4]; работы теоретика мультикультурализма У. Кумлики [5]; исследования национализма Б. Андерсена [6] и др. Классическими работами по истории шведской государственной политики в отношении коренного населения считаются труды Р. Квиста [7], П. Лантто [8] и К. Грин [9], исторические труды И. Андерсена [10] и др. Теоретические подходы к изучению политики государства в отношении национальных меньшинств представлены в работах Л. Элениуса [11], который занимается сравнительными исследованиями политики ассимиля-

² Этнонациональная политика (ЭНП) – политика, ориентированная на урегулирование отношений между этнокультурными сообществами, институционализацию этничности.

ции финского населения в Швеции и Норвегии. Интересны работы исследователя В. Викстрёма по мультикультурализму в послевоенной Швеции, в которых автор рассматривает данную политику в Швеции как часть неолиберального движения в Европе [12]. В последние годы вышло несколько обобщающих работ, написанных в сравнительной перспективе, а их авторы пытаются доказать или опровергнуть тезис о «конце мультикультурализма» в странах Европы, в том числе и в Швеции [13].

Отдельной темой социальных исследований стали предвзятость по отношению к арабскому населению страны [14, Angstrom J., Rooth D.-O.], проявления исламофобии и расизма, в том числе среди молодёжи [15, Bevelander P., Otterbeck J.]. В центре подобных исследований комплексные общественно-научные, социологические и психологические подходы, которые позволяют выявить не только настроения населения в отдельных регионах Швеции, их предпосылки и причины, но и связать их с деятельностью националистических общественных движений и политических партий.

Значительное количество исследований посвящено изучению поведения мигрантов на рынке труда, а также вопросам дискриминации и социального неравенства. Большинство исследователей сходятся во мнении, что проблемы мигрантов на рынке труда вызваны не только объективными социально-экономическими причинами, но и распространением негативного отношения к мигрантам, особенно из стран Азии, Африки и Ближнего Востока [16, Emilsson H.]. Сложившаяся ситуация угрожает стабильности общества и свидетельствует о системных проблемах шведского государства, его этно-национальной политики и неолиберализма в целом [17, Schierup C.-U., Ålund A.]. Проблемы миграции не сходят с первых полос шведских общенациональных и региональных газет, постоянно обсуждаются на страницах научных изданий и телевидении так же, как концепции толерантности, равенства и солидарности, которые являются важными для шведского общества.

Упомянутые работы стали теоретической основой настоящей статьи во всех аспектах, касающихся непосредственного содержания этнонациональной политики Швеции. Если говорить о моделях этнонациональной политики Швеции, то в центре внимания 4 модели: аккультурация, ассимиляция, сегрегация и интеграционная модель (мультикультурализм).

Аккультурация (от лат. *acculturare* — «образование, развитие») — термин, использованный немецким этнографом В. Крикенбергом [18, Костенко В.В.] в начале XX в., изначально связывался с миграцией, и представлял собой результат культурной диффузии³. Именно в

³ Аккультурация — процесс взаимовлияния, сближения культур и его результатов, восприятия одним народом полностью или частично культуры другого народа. Понятие аккультурации начало использоваться в американ-

этой трактовке аккультурация предстает в работах Р. Турнвальда [19, Thurnwald R.] и американских антропологов середины XX в. Нередко с точки зрения аккультурации рассматриваются первые контакты между традиционными сообществами и национальными государствами.

Ассимиляция (от лат. *assimilatio* — «уподобление, слияние, усвоение»). В XX в. представители Чикагской социологической школы (Р. Парк, Э. Бёрджесс и др.), изучая мигрантов, заложили основы для теоретической разработки механизма ассимиляции: знакомство с принимающей культурой, бунт против нее, попытка аккомодации и далее ассимиляции, когда происходит замещение элементов собственной культуры аналогичными, но представленными в культуре большинства. В 1980-х появилась теория сегментарной ассимиляции, которая объясняла дифференцированное социальное положение мигрантов и их различную степень социальной успешности. Теоретики данной конструкции утверждали, что ассимиляция происходит лишь частично, затрагивая отдельные сегменты жизни людей, то есть только те, которые необходимы для существования и успеха. Причем даже этот процесс происходит весьма индивидуально и избирательно. Современная ассимиляционная политика в западных странах не является чем-то насильственным, как это было, скажем, в период создания национальных государств несколько столетий назад. Однако элементы мягкого принуждения присутствуют и являются частью интеграционной политики ⁴.

Сегрегация (позднелат. *segregatio* — «отделение») представляет собой насильственное отделение одной нации, этнической или иной группы от другой, зачастую сопряжённое с дискриминацией этой же группы. Применительно к Швеции в разные периоды времени сегрегационная модель использовалась в случае с саамами-оленеводами, цыганами и арабскими мигрантами. Стоит отметить тот факт, что сегрегационные модели этнической политики не всегда являются инициативой этнического большинства. В современном мире всё чаще встречаются случаи, когда этнические группы (преимущественно мигранты с высокой степенью этно-конфессиональных различий) сами ограничивают взаимодействие с этническим большинством или же другими группами мигрантов.

ской культурной антропологии в конце XIX в. в связи с исследованиями процессов культурных изменений индейских племён вследствие их соприкосновения с культурой белых американцев. См.: Энциклопедия культурологии. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/197/АККУЛЬТУРАЦИЯ (дата обращения: 11.10.2016).

⁴ В широком смысле под ассимиляцией понимается процесс утраты языка, культуры, изменения ценностных ориентаций, поведения одной этнической группы и усвоение культуры другой этнической группы, создание новой общности. Ассимиляция может проходить естественным и насильственным путём. См.: Миграция: словарь основных терминов. URL: <http://migration.academic.ru/7/Ассимиляция> (дата обращения: 11.10.2016).

Мультикультурализм (лат. multi «много», многокультурность), одна из интеграционных моделей, дискуссии о которой ведутся с момента появления. Идея мультикультурализма сводится к культурному многообразию, равенству, толерантности; в обществе признается наличие других этнических групп и культур, по отношению к этим группам не допускается дискриминация, они имеют возможность быть вовлечёнными в социальную жизнь страны, обладают широкими политическими правами и равными возможностями сохранять свои традиции и культуру и пр. [5, Kymlicka W.]. На сегодняшний день считается, что мультикультурализм не оправдал себя⁵. Причиной тому — увеличивающееся количество мигрантов в странах Европы и социальные проблемы связанные с этим, а также рост межэтнической напряжённости, выливающийся в череду открытых столкновений и уличных беспорядков.

***Этнонациональная политика Швеции:
коренные народы, национальные меньшинства и мигранты***

В историко-политическом контексте этническую политику Швеции традиционно рассматривают в три этапа [21, Kvist R., с. 203]: 1548–1846 гг.; 1846–1971 гг. и после 1971 г. Периодизация, прежде всего, связана с историей взаимоотношений шведского населения и саамов. *Первый* этап (1548–1846 гг.): на севере, в землях саамов стали появляться шведские и финские поселенцы, начинает распространяться общешведское законодательство и система налогообложения. Инициатором жёсткого фискального контроля над северными территориями стал король Густав I Ваза, который таким образом пытался консолидировать и усилить внутренний суверенитет государства.

В этническом отношении большая часть этого периода характеризуется активными процессами *аккультурации*, в которые включаются не только шведы, коренное население севера и жители приграничных областей, но и группы мигрантов, появляющиеся на территории шведского государства. Аккультурация, как одна из моделей национальной политики, подразумевает наличие контактов между различными группами, сопровождающихся диффузией элементов культуры. Культуры сближаются, обогащаются, изменяются, появляются общие структурные элементы, отражённые в быту, языке, религии и пр. Помимо изменений культур происходит психологическая адаптация к существованию в тесном взаимодействии с другими культурами.

В XVII в. на севере Швеции появляется добывающая промышленность. В саамских землях появляются церкви, школы, шведская администрация, саамов рекрутируют в армию,

⁵ См.: Совет Европы: мультикультурализм опасен для ЕС. URL: <http://www.telegraf.lv/news/sovet-evropy-mulytikulyturalizm-opasen-dlya-es> (дата обращения: 09.08.2016); Sailer S. Fragmented Future: Multiculturalism doesn't make vibrant communities but defensive ones // American Conservative, Jan. 15, 2007. URL: <http://www.theamericanconservative.com/articles/fragmented-future/> (дата обращения: 09.08.2016); см. также [20, West E.].

а также привлекают к транспортировке добытого металла. С этого времени начинается постепенный отказ от модели аккультурации и переход к политике *ассимиляции*, одновременно с активной колонизацией северных областей. В результате саамы на своей земле оказались бок о бок со шведскими и финскими фермерами, а традиционные верования саамов уступили место христианству почти во всех северных землях Швеции.

В XVI-XIX вв. Швеция ведёт активную внешнюю политику. На её территории уже проживают мигранты. В прошлом несколько городов Швеции были частью торговых маршрутов Ганзейского союза (XII–XVI вв.). С тех пор в Стокгольме проживает множество немцев, а на севере страны обосновываются финские переселенцы. Кроме того, пребывание в составе Кальмарской унии (1397–1523), объединившей Швецию, Норвегию и Данию в единое государство при верховенстве последней, привело к тому, что на территории Швеции появились норвежцы и датчане, которые в культурном и языковом плане не сильно отличались от местного населения. В этот период на всей территории Швеции действуют одни законы, не учитывающие никаких этнических различий. Исключение составляют акты, регулирующие пребывание евреев и цыган на территории страны.

Этнонациональная политика в Швеции, как и в большинстве европейских государств, начинает складываться к середине XIX в. Сосуществование культур на предыдущем этапе постепенно привело к тому, что модель аккультурации сменяется *ассимиляцией* и доминированием шведской культуры. *На втором этапе* (1846–1971 гг.) Швеция последовательно проводит политику ассимиляции по отношению к коренному населению севера страны, а также к некоторым группам мигрантов. Ассимиляционная политика Швеции была, прежде всего, обусловлена бурным ростом добывающей промышленности, а также развитием деревообработки, активно начавшейся в 1870-х гг. Север Швеции стал привлекательным для огромного количества переселенцев, не только шведов, но и жителей близлежащих государств, которые приезжали туда в поисках работы. Коренные жители саамы перестали быть численным большинством на севере. Во второй половине XIX в. шведский язык становится официальным языком школьного образования. Саамский язык остался языком межличностного общения, используемом дома или же во время занятий традиционными видами промысла. Аналогичная ситуация складывается с языками других этнических групп.

В конце XIX в. в Швеции появляется экономическая трактовка концепта этничности в отношении саамов: тот, кто владеет оленями, ведёт кочевой образ жизни, занимается рыболовством и охотой — саам; тот, кто ведёт оседлый образ жизни и занимается сельским хозяйством — не считается саамом, не смотря на этническую принадлежность [21, Kvist R., с.

208]. Многие шведские саамы не владели оленями и вели оседлый образ жизни и, таким образом, потеряли свой официальный этнический статус коренного народа. В политическом отношении их существование игнорировалось, они считались шведами.

Саамы, ведущие кочевой образ жизни, с точки зрения государства, заслуживали протекции. Однако, защита их традиционного образа жизни подразумевала их *сегрегацию*, т.е. отделение от других этнических групп, проживающих в стране. В Швеции действовали специальные законодательные акты о пользовании пастбищами (1886 г. и 1898 г.) согласно, которым саамы потеряли и индивидуальное право владения пастбищами, которое перешло теперь к саамским поселениям. После вступления в силу актов 1928 и 1971 г. саамы потеряли возможность самостоятельно выбирать для себя занятие оленеводством, охотой или рыболовством — теперь это стало привилегией, которая давалась им государством [22, Torp E.]. После появления первых актов об оленеводстве и пользовании пастбищами в землях саамов появились новые органы власти и контроля, которые не только следили за исполнением законодательства, но и выполняли социальные функции, что практически полностью лишило саамов-олeneводоов их традиционного образа жизни. Государство не только контролировало земли, но ещё и вмешивалось в социальные отношения саамского населения через систему здравоохранения, образования и социальной помощи, которые подменили аналогичные структуры саамского общества и сделали его более «цивилизованным». В результате саамская культура теряла традиционные практики, знания, образ жизни, постепенно становясь все более «шведской».

В начале XX в. правительство проводило насильственное переселение саамов в более южные районы. В 1908 г. Олоф Берквист (Olof Bergquist), глава Королевской комиссии саамских школ, предложил создать отдельную систему образования для саамов. В 1913 г. вышел Закон о саамских школах и появились передвижные «школы-чумы» для детей саамов-олeneводоов. Остальные саамы под действие закона не попадали и обучались в обычных шведских школах. Позже им разрешили посещение саамских школ, однако они уже не пользовались популярностью у большинства саамского населения.

Политика ассимиляции в Швеции имела в основном экономическую подоплеку. С экономической точки зрения обосновывалась этническая принадлежность к саамам. Инициативы в области землепользования, школьного образования, здравоохранения и социального обеспечения, на первый взгляд, несли в себе благо. Однако на практике вмешательство в сложившиеся социальные отношения саамского сообщества лишь разрушали его, подменяя аналогичные структуры, складывавшиеся у саамов столетиями. В результате забытыми ока-

зались многие религиозные практики, традиционные знания о природопользовании, ремёсла, а также резко сократилось количество носителей саамского языка.

Жёсткая ассимиляционная политика проводилась и в отношении финского населения севера страны, а также турнедалцев — финского народа, проживающего в долине реки Турнеэльвен и говорящего на особом финском наречии меянкиели. Задачей шведского правительства было сделать из финских жителей «настоящих шведов», строго запретив им использование родного языка [23, Pietikäinen S., Huss L., Laihiala-Kankainen S., Aikio-Puoskari U., Lane P.].

Помимо саамов и финского населения севера, политика *ассимиляции и сегрегации* распространялась на группы мигрантов. Одними из первых мигрантов в Швеции были евреи, которые стали появляться в стране ещё в VII–XI вв. Первые сведения о еврейских общинах относятся к XVII в. Ассимиляционная политика в отношении евреев имела ярко выраженную религиозную направленность и проводилась при поддержке христианской церкви. Отношение общества и правящей элиты к евреям также было неоднозначно вплоть до середины 1940-х гг. Долгое время общественное мнение находилось под влиянием церкви, которая рьяно выступала против распространения иудаизма. Многие короли и королевы Швеции видели в существовании еврейских общин возможности для экономического роста государства, однако на территории страны столетиями действовали антиеврейские законы, запрещавшие евреям селиться в Швеции без смены религии. Шведское законодательство разрешало евреям селиться в строго определённых местах, запрещало им занимать государственные должности [24, Венгер М.]. Смена общественных настроений, а вслед за ними изменения политической модели произошли в середине 1940-х гг., когда Швеция приняла множество евреев из оккупированной Норвегии, Дании, Венгрии и др. государств. Осуждение антисемитизма, торжество прав человека, а также изменение модели шведской этнонациональной политики в послевоенные периоды привели к тому, что на сегодняшний день Швеция — страна, где отсутствуют проявления антисемитизма, а шведские евреи внесли значительный вклад в её культурное развитие.

Одной из наиболее бесправных и притесняемых этнических групп на территории Швеции были цыгане или каале, которые появились в XVI в. В XVII в. их изгнали с территории государства. Тех, кто отказывался покидать страну, убивали без суда и следствия. Цыганам запрещали иммигрировать в Швецию, а те, кто, не смотря на риски, приезжал в страну, был вынужден ассимилироваться и всячески скрывать свое этническое происхождение. До сере-

дины XX в. каале практически не проживали на территории Швеции, однако позже стали переселяться сюда с территории Финляндии [25, Thurfjell D.].

С окончанием Второй Мировой Войны этнокультурный ландшафт Швеции начинает стремительно меняться, дело в том, что экономическое развитие требовало увеличения числа рабочей силы и это подтолкнуло внешнюю миграцию рабочей силы в Швецию. Основной моделью поведения шведского государства по отношению к мигрантам оставалась политика ассимиляции. В 1967 г. были введены иммиграционные правила, согласно которым все иностранные граждане, за исключением граждан скандинавских стран, обязаны получать разрешение на жительство и на работу до въезда в страну. В последующие период шведские власти прибегали к мерам по регулированию и ограничению миграции, но мигрантов продолжала увеличиваться. С середины 1960-х гг. началась активная реализация программ по изучению шведского языка, социальной адаптации иммигрантов, появились специальные газеты и журналы для мигрантов и т.д.

На третьем этапе (после 1971 г.) Швеция изменяет свою этническую политику по отношению к коренному населению и мигрантам, последовательно воплощая идеалы мультикультурализма: в Конституции и миграционной политике, образовании, СМИ и телерадиовещании, а также в быту и армии. Законодательно приверженность мультикультурализму прослеживается, прежде всего, в Конституции Швеции. Так, гл. 1. ст. 1 гласит: «Общественные институты должны обеспечивать право каждого на равенство и участие. Общественные институты должны бороться против дискриминации по гендерному, расовому, национальному или этническому признаку, принадлежности к той или иной языковой или религиозной группе, наличию тех или иных ограниченных функциональных возможностей, сексуальной ориентации, возраста или иных обстоятельств личного характера. Равные возможности должны быть предоставлены этническим, лингвистическим и религиозным меньшинствам для сохранения и развития их культуры и социальной жизни»⁶.

В 1975 г. законодательные акты по миграционной политике и политике в отношении национальных меньшинств реализуются на основе правового равенства, свободы выбора и сотрудничество. Первостепенной целью иммиграционной политики была провозглашена интеграция иммигрантов в шведское общество [26, Каллас К., Калдур К., с. 9–15]. В 1976 г. все иммигрантам, которые проживали в Швеции в течение трех лет, получили право голосо-

⁶ The Constitution of Sweden. The Fundamental Laws and the Riksdag Act. 2016. URL: <http://www.riksdagen.se/en/SysSiteAssets/07.-dokument--lagar/the-constitution-of-sweden-160628.pdf/> (дата обращения: 11.07.2016); The Constitution of Sweden. Chapter 1. Basic principles of the form of the government. 2016. URL: <http://www.riksdagen.se/en/SysSiteAssets/07.-dokument--lagar/the-instrument-of-government-2015.pdf/> (дата обращения: 11.07.2016)

вать и выставлять свою кандидатуру на выборы в местные органы власти. В 1997 г. Швеция официально одобрила политику интеграции, приняв целый пакет соответствующих законопроектов, а спустя 10 лет появилось Министерство Интеграции и Равноправия, ответственное за воплощение политики мультикультурализма.

В области образования мультикультурализм проявляется в интернационализации школьного образования. Степень интернационализации может быть разной в зависимости от коммуны или муниципалитета, а также их национального состава. Смысл школьной политики сводится к тому, чтобы дать возможность представителям разных этнических групп получить образование, которое гармонично сочетается с их культурой, познакомиться с культурой Швеции, а также соответствовать международным стандартам в области современного школьного образования. С этой целью существуют классы для тех, кто плохо говорит или не говорит на шведском. Для некоторых есть возможности обучаться на своём родном языке при одновременном обучении шведскому языку. В последнее время много внимания уделяется развитию языков национальных меньшинств. На территории Швеции их 5: саамы, евреи, цыгане, шведские финны, турнедалцы. В Швеции существуют школы выходного дня при общинах и культурных центрах, где можно учить свой родной язык, знакомиться с культурой и пр. Одновременно в школах детей знакомят не только с культурой Швеции, но и других стран. Школьное образование является одним средств воспитания этнической терпимости, толерантности и понимания других культур.

Аналогичная ситуация складывается в шведских СМИ и телерадиовещании. Согласно Закону о Телерадиовещании (1996 г.): «индивид или организация, занятая в телерадиовещании и имеющая государственную лицензию, должна гарантировать, что её деятельность отражает фундаментальные концепции демократического общества...»⁷. Тот же закон требует отражать мультикультурный характер этнокультурного ландшафта современной Швеции, а также информировать о жизни, сложностях и достижениях различных этнических групп и культур на территории страны.

Шведское государство выделяет средства на поддержку различных этно-национальных организаций, начиная от организаций коренного населения и национальных меньшинств и заканчивая культурными центрами мигрантов. В Швеции не запрещено ношение традиционной одежды, что в большей степени касается выходцев из исламских стран, причём это правило распространяется и на ношение традиционных головных уборов в армии.

⁷ The freedom of the press act. URL: <http://www.riksdagen.se/en/SysSiteAssets/07.-dokument--lagar/the-freedom-of-the-press-act-2015.pdf/> (дата обращения: 10.06.2016)

С течением времени шведская этнонациональная политика эволюционировала от аккультурации до мультикультурализма. Существование аккультурации, как политической модели, было обусловлено экономическими мотивами. Данная модель более всего характерна для отношений между саамами и шведами, а также немногочисленными группами мигрантов периодов средневековья и нового времени. Переход к модели ассимиляции сопровождался процессом национального строительства и затронул коренное население, национальные меньшинства и мигрантов. Политические мотивы и перемены в международных отношениях в середине XX в. привели к пересмотру политики ассимиляции и переходу к интеграционной модели, к мультикультурализму. На практике это вовсе не означает исчезновение ассимиляции как таковой. Ассимиляция стала мягче и менее заметна: без усвоения шведского культурного кода и знания языка достаточно сложно быть частью шведского общества, социализироваться, найти себе работу, друзей, быть частью общества. Таким образом, получается, что обстоятельства вынуждают ассимилироваться, а государство предоставляет лишь возможности в виде программ интеграции для мигрантов, например. Одновременно никто и ничто не запрещает индивиду практиковать собственную культуру. Неспособность или же нежелание усваивать часть шведской культуры необходимой для интеграции создает ситуацию отчужденности индивида или же целой группы. Сегрегационная модель, характерная для более ранних периодов истории Швеции, теперь не столько инициирована принимающим сообществом, сколько самими мигрантами. В основном это выходцы из Азии, Африки и Ближнего Востока, которые ведут весьма замкнутый образ жизни в Швеции, пытаясь воссоздать культуру и социальные отношения своей родины.

Нерешённые проблемы шведского мультикультурализма

Не смотря на столь широкие инициативы в рамках политики мультикультурализма, в Швеции существуют нерешённые проблемы, касаемые коренного населения, национальных меньшинств и мигрантов, которые становятся источником социальной напряжённости и этнической конфликтности.

Национальные меньшинства. На территории Швеции, как уже упоминалось выше, проживают пять национальных меньшинств: саамы, евреи, цыгане, шведские финны и турнедалцы. Все они долгое время являются частью шведского государства и испытали на себе политику ассимиляции, а в условиях мультикультурализма переживают период культурной ревитализации. На территории Швеции проживает примерно 20 тыс. саамов⁸, швед-

⁸ The Sami — an indigenous people in Sweden // Sami Parliament URL: <http://www.samer.se/2137> (дата обращения 10.05.2016)

ское правительство официально относит их к одному из пяти национальных меньшинств, зарегистрированных в стране. Саамы в Швеции имеют не так много возможностей для отстаивания собственных прав. Конституция и действующее законодательство гарантирует им культурную автономию, но политическое влияние саамов не так велико, как в соседней Норвегии. Они мало представлены в составе шведских партий, а значит, совсем небольшое число занятых в общенациональной политике людей занимаются отстаиванием саамских интересов. Саамские организации обращаются напрямую к правительству по тем или иным вопросам, часто не имея поддержки внутри саамского сообщества и, как следствие, их действия не имеют должного результата. Предполагается, что отстаиванием интересов саамского населения страны должен заниматься Саамский парламент (Sametingslag), но он существует как административный орган, нежели как реальная политическая сила общегосударственного масштаба.

Таким образом, получается, что шведское государство поощряет развитие саамской культуры и языка, а также саамского самоуправления в лице саамского парламента и местной власти саамских коммун и поселений. С другой стороны, шведское правительство не ратифицировало Конвенцию МОТ № 169 (1989 г.), не поддержало Декларацию ООН о правах коренных народов (2007 г.) и отказалось официально признать саамов коренным народом, оставляя за собой решение всех политических и экономических вопросов и ограничивая сферу саамского самоуправления социальными и культурными аспектами. Несмотря на существование Саамского парламента (Sametingslag) и широкие возможности для развития культуры, саамы до сих пор не имеют возможности официально именоваться коренным народом Швеции. Коллективные права саамов на традиционные территории зачастую противоречат экономическим интересам шведского государства. Кроме того, в Швеции существует множество саамских организаций, политических партий, однако они не могут договориться между собой по поводу коллективного права на земли.

И всё же позитивные изменения происходят. В 2009 г. саамская деревня Гирьас при поддержке Шведского союза саамов подала в суд на государство, пытаясь восстановить утраченные в 1992 г. права. В феврале 2016 г. эта деревня, где 26 оленьих ферм и 94 зарегистрированных оленеводов-предпринимателей, добилась признания своих прав на единоличное занятие охотой и рыбной ловлей на прилегающей территории⁹. Судебное решение в

⁹ Sweden's indigenous Sami people win rights battle against state // Guardian. 03.02.2016 г. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/feb/03/sweden-indigenous-sami-people-win-rights-battle-against-state> (дата обращения: 12.07.2016); Саамы против Швеции // Иносми. 13.05.2016. URL: <http://inosmi.ru/world/20150513/228016428.html> (дата обращения: 08.05.2016)

пользу саамов создало прецедент, который может быть использован другими саамскими поселениями. Тем не менее, будущее саамских прав на земли до сих пор остается неясным.

Саамы при поддержке международного движения коренных народов, а также международных саамских организаций будут и дальше пытаться вернуть себе права на традиционные территории в рамках действующего шведского законодательства. Кроме того, саамы, несомненно, будут протестовать против расширения добывающей промышленности на севере Швеции, что противоречит экономическим интересам государства.

Политическое участие других четырёх национальных меньшинств Швеции (кроме саамов) ограничивается наличием их представителей в общешведских политических партиях, существованием общественных организаций и мер по защите и развитию языков национальных меньшинств. Таким образом, мультикультурализм для четырех из пяти национальных меньшинств означает примерно тоже, что и для мигрантов. Разница состоит лишь в том, что законодательно они признаются национальными меньшинствами, их национальные языки имеют особый охраняемый статус, а развитию культуры уделяется больше внимания.

Всё вышесказанное справедливо для шведских евреев, финнов и турнедалцев, но не совсем однозначна ситуация шведских цыган. Цыганская община в Швеции живет весьма обособлено, решая все свои проблемы внутри сообщества. В 2006 г. была создана специальная комиссия, которая занимается проблемами жизни цыган в Швеции, а также помогает наладить диалог с обществом и государством¹⁰. В последние годы, помимо цыган (каале), стали появляться цыгане из Румынии. В 2014 г. Швеция пыталась договориться с Румынией и призвать последнюю к большей ответственности за своё цыганское население, пытаясь таким образом обратить внимание на бедственное положение этих людей, вынужденных искать лучшей жизни в странах ЕС¹¹. Переговоры не достигли какого-либо положительного результата. Цыганский вопрос остаётся одним из сложных моментов этнических отношений в Швеции ввиду того, что многие из вновь прибывших цыган не интегрируются в шведское общество и становятся источником социальной напряжённости.

Мигранты. В XX–XXI вв. Швеция испытала на себе четыре волны миграции. Первая из них приходится на предвоенный и послевоенный периоды, когда в страну в поисках убежища прибывали евреи. Многим из них было отказано в убежище по причине сильных антисемитских настроений, охвативших Швецию в годы Второй Мировой войны. Отказ в предо-

¹⁰ Александрова М. Цыгане в Швеции: образец для всей Европы? // Русская служба BBC. 09.07.2009 URL: http://www.bbc.com/russian/international/2009/07/090707_roma_sweden.shtml (дата обращения: 26.07.2016)

¹¹ Макридова И. Стратегия Швеции в отношении цыган // Иносми. 10.04.2014. URL: <http://inosmi.ru/world/20140410/219437499.html> (дата обращения: 26.07.2016)

ставлении убежищ был вызван желанием шведского правительства минимизировать угрозу интервенции нацистской Германии. Однако уже под конец войны ситуация изменилась, и Швеция начала принимать евреев из соседних государств, а антисемитские настроения пошли на спад. После войны в стране оказались беженцы из прибалтийских государств, а также выжившие из немецких концлагерей. На этом этапе, миграционная политика сводилась к активному приему беженцев, которым приходилось самостоятельно обустраиваться в стране. Экономике послевоенной Швеции требовалась рабочая сила, поэтому сильных социальных потрясений, связанных с миграцией, не возникло.

Вторая волна миграции (1949–1971 г) связана с бурным экономическим ростом и потребностях в рабочей силе. Появляются мигранты из Финляндии и других европейских государств. Их привлекало правовое равенство между шведскими и иностранными работниками. Таким образом, миграционная политика сводилась к организованному поиску квалифицированной рабочей силы для нужд шведской экономики, предоставлению равных социальных гарантий для мигрантов и граждан страны. Официально политика рекрутирования трудовых мигрантов завершилась в 1972 г. В этот период преобладали мигранты из северных стран. Считалось, что им не требуется никакой программы адаптации и они смогут интегрироваться в шведском обществе самостоятельно.

Третья волна миграции в Швецию (1972–1989 гг.) связана с увеличивающейся гуманитарной миграцией в мире в связи с эскалацией региональных конфликтов в странах африканского континента и Ближнего Востока. В этот период Швеция действительно стала многонациональной и много конфессиональной страной, перед которой выросла проблема интеграции значительного количества новых граждан. Первые шаги к интеграционной политике Швеции были сделаны в середине 1970-х гг. В 1989 г. Швеция снова прибегнет к регулированию миграционного потока и будет принимать беженцев исключительно в рамках Женевской конвенции 1951 г.

Четвёртая волна миграции (1990 — по настоящее время): с 1997 г. в Швеции официально существует политика интеграции, а правительство заявляет о своей приверженности мультикультурализму. В области миграции продолжается регулирование. Миграционное законодательство подверглось реформе в 2000 г. Регулирование миграционных потоков, а также появление программ адаптации, социальной поддержки мигрантов, позволяли сохранять социально-экономическую стабильность в стране. Мультикультурализм для Швеции означает ещё и равные возможности для мигрантов сохранять свою культуру, религию и язык. С течением времени количество мигрантов продолжало увеличиваться.

Статистические данные за последние 5 лет свидетельствуют о том, что количество беженцев по отдельным категориям выросло в 3–5 раз. Многие приезжают в страну по программе воссоединения семей. Появляется значительное количество диаспор выходцев из азиатских, ближневосточных и африканских государств, чей уровень интеграции в шведское общество ниже в силу культурных и религиозных различий.

Таблица 2

Мигранты в Швеции: по причине миграции (2010-2015)

Категория мигрантов	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Студенты (не ЕС)	8 197	2 535	2 003	2 040	2 764	2 862
Рабочая миграция (не ЕС)	4 826	6 355	6 048	5 154	5 357	6 263
Рабочая миграция (ЕС)	3 502	4 590	4 859	4 609	1 672	447
Самозанятое население (ЕС)	158	196	194	154	56	24
Родственники граждан ЕС	3 029	4 031	3 581	3 040	1 167	701
Студенты (ЕС)	748	823	1 081	1 491	459	210
Не граждане ЕС с видом на жительство в другой стране ЕС	234	383	471	818	1 009	1 257
Состоятельные граждане ЕС	635	625	494	502	183	84
Рабочая миграция, члены семей граждан ЕС	3 018	4 285	5 658	5 376	5 666	6 168
Члены семей не граждан ЕС	17 843	16 381	18 803	15 655	15 411	13 132
Родственники беженцев	3 486	2 681	4 242	11 728	11 532	16 118
Приёмные дети, не граждане ЕС	231	177	171	147	135	79
Беженцы, принятые в рамках международных конвенций	3 458	3 219	4 979	8 082	11 631	14 050
Лица, ищущие убежище	7 377	6 800	7 394	14 741	18 828	17 252
Лица с особыми обстоятельствами	1 012	1 513	1 567	1 750	1 767	2 209
Временное разрешение на пребывание для не граждан ЕС	3	10	6	1	9	1
Другие разрешения на пребывания для беженцев, не граждане ЕС	1	1	7	7	8	9
Другие разрешения на пребывание для не граждан ЕС	980	2 098	821	768	661	678
Вид на жительство	0	10	15	8	5	11
Неизвестно	11 830	10 850	12 492	11 932	20 454	24 571

Источник: Statistics Sweden. URL: <http://www.statistikdatabasen.scb.se> (дата обращения: 12.07.2016)

Для них действуют специальные государственные институты, занимающиеся мониторингом интеграционных проблем; популяризацией идеи двустороннего участия (иммигрантов и принимающего сообщества); противостояние этнической дискриминации, расизму и

ксенофобии; помощью для новых мигрантов; административной поддержкой муниципалитетов. Шведское правительство определяет целью интеграционной политики равенство прав, обязанностей и возможностей для всех, независимо от этнической или культурной принадлежности¹².

В Швеции существуют программы по повышению качества образования, его доступности для иммигрантов и их детей; профессиональные курсы для мигрантов; программы поддержки мелкого предпринимательства. Несмотря на это, целые поколения мигрантов из Азии, Африки и Ближнего Востока не могут или не хотят найти работу в Швеции и занимаются криминальной деятельностью. Учитывая вольготные условия шведских тюрем, многие не боятся уголовного наказания. Повышенная криминализованность и замкнутость мигрантов способствуют возникновению ксенофобских настроений среди шведского населения. У наиболее агрессивной её части они приобретают форму экстремизма. Мигранты, в свою очередь, также часто выступают в качестве субъектов массовых беспорядков на улицах шведских городов.

Одними из самых крупных на последние 5 лет были беспорядки 14–28 мая 2015 г. в пригороде Стокгольма. Причиной столкновений мигрантов с полицией было убийство пожилого иммигранта, который угрожал полиции холодным оружием. Волнения длились несколько дней в Стокгольме и нескольких других городах¹³. Появление большого числа сирийских беженцев, а вместе с тем увеличение потока беженцев из Азии и Африки привело к тому, что уже осенью 2015 г. несколько лагерей для временного содержания беженцев подверглись нападениям и поджогам¹⁴. Ещё в начале 2016 г. глава МИД Швеции Андерс Эгеман заявил, что страна намеревается начать высылку беженцев из стран Ближнего Востока и Африки, которым было отказано в предоставлении статуса беженца. В стране проходят митинги и акции протеста. Протестуют и шведы, и мигранты¹⁵.

Граждане Швеции недовольны тем, что большинство мигрантов не работает, а живёт на пособия. На практике получается, что работающее шведское население содержит огромное количество мигрантов, которые не только не работают, но ещё и не хотят интегрировать-

¹² Пояснительная записка Министерства интеграции и гендерного равенства Швеции о политике интеграции // Официальный сайт Правительства Швеции. URL: <http://www.government.se/content/1/c6/13/77/34/5b7683a6.pdf> (дата обращения: 05.04.2016)

¹³ Молодежные волнения охватили уже несколько городов Швеции // ТАСС. 25.05.2013. URL: <http://tass.ru/glavnie-novosti/575098> (дата обращения: 11.05.2016)

¹⁴ В Швеции сожгли лагерь для беженцев // РБК. 24.10.2016 URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/562b740e9a79478a9ad70977> (дата обращения 15.06.2016)

¹⁵ Морено Ф. Швеция: ненависть к шведам // Иносми. 23.05.2016. URL: <http://inosmi.ru/social/20160523/236613417.html> (дата обращения: 01.08.2016)

ся и соблюдать законы страны. Проблема никак не находит своего решения в шведском обществе, где всё более популярны антиэмигрантские настроения и националистические партии. Политические и общественные деятели много говорят о единстве и толерантности, о культурном многообразии и религиозной терпимости, но беспорядки и столкновения на этнической почве продолжают повторяться. Вероятно, межэтническая напряжённость останется на том же уровне, пока не будут решены проблемы мигрантов, проживающих на территории Швеции и не произойдёт дальнейшего ужесточения миграционного законодательства, которое позволит сократить поток беженцев в страну, а также регулировать миграционные потоки в интересах шведской экономики.

Заключение

Почему шведский мультикультурализм не работает в случае с мигрантами? Причиной тому дисбаланс миграционной политики. За последнее время в страну прибыло чрезмерное количество беженцев, чей культурный и конфессиональный опыт значительно отличается от шведского. Разница в культуре и менталитете действительно значительна, и в большинстве своём сводится к разнице между восточным традиционализмом и либеральными ценностями Запада, которые часто противоположны ценностям культур Востока и воспринимаются последними негативно. Кроме того, среди беженцев нередко оказываются люди, разделяющие радикальные взгляды.

Второй причиной, мешающей мультикультурализму в Швеции, стал низкий уровень образования и знания языка мигрантами. Большинство не говорит на шведском. Несмотря на программы обучения, язык остаётся проблемой для многих, ведь на его изучение уходят годы. Низкий уровень образования также ограничивает возможности интеграции, так как практически невозможно найти достойно оплачиваемую работу. В поисках средств к существованию иммигранты, с одной стороны, вовлекаются в криминальную деятельность и ведут маргинальный образ жизни, а с другой иммигрантские сообщества становятся более замкнутыми, что негативно воспринимается самими шведами и ведет к разного рода дискриминации как на бытовом уровне, так и на рынке труда.

Третья проблема мультикультурализма в Швеции заключается в широких социальных гарантиях для мигрантов из неблагополучных и кризисных регионов мира, которые привлекают в страну огромное количество человек ежегодно. Преобладание данной группы мигрантов в структуре миграционного потока не может положительно сказаться на социальных отношениях и стабильности. Шведское правительство пытается регулировать миграцию. Несколько раз за послевоенный период Швеция ужесточала миграционное законодательство и

переходила к политике контролируемой миграции. Но что делать с уже прибывшими мигрантами, как их интегрировать? Проблема до сих пор не имеет 100% эффективного решения в современной Швеции.

Сложная миграционная ситуация в Швеции оттесняет на второй план нерешённые проблемы национальных меньшинств. Прежде всего саамов, которые используя шведское и международное законодательство пытаются отстоять свои права. Ситуация с саамами в Швеции имеет очень много схожих черт с российской политикой в отношении коренных народов севера. В обоих случаях интересы коренного населения севера сталкиваются с экономическими интересами крупного бизнеса и государства. Разница состоит лишь в том, что шведские саамы имеют чуть больше свободы в лице Саамского парламента, который по своей сути и функциям практически не отличается от органов местного самоуправления на территориях проживания коренных народов России, разве что большим этническим представительством и объёмом финансирования социальных и культурных проектов. Всё это создаёт иллюзию того, что шведское государство отстаивает права саамов. Хотя на практике поддержку получают лишь культура и язык, политические и экономические аспекты остаются в компетенции государства.

Опыт Швеции в разрешении культурных и этнических противоречий в определенной степени полезен для России, которая сталкивается с похожими проблемами в отношении коренных народов и мигрантов из азиатских государств. Пристальное изучение проблем шведского общества, а также анализ применения тех или иных практик регулирования межэтнического взаимодействия в кризисных условиях может быть использован, как в случае открытой межэтнической конфликтности в регионах России, так и для разработки и внедрения программ и практики предупреждения межэтнической напряжённости. Этнические аспекты внутренней политики России намного сложнее ввиду того, что страна более многообразна в культурном и этническом плане [27, Зайков К.С., Тамицкий А.М.]. Однако ситуация в северных регионах имеет множество схожих черт, особенно в сфере сохранения и развития культуры коренных народов.

В отношении мигрантов, Швецией накоплено несколько десятилетий опыта по созданию системы интеграции людей с различными культурными и конфессиональными характеристиками, что также является интересным примером для регионов АЗРФ. Кроме того, шведскому государству удаётся решать спорные моменты в отношениях с коренными народами, лавируя между международными стандартами и собственными экономическими потребностями, т.е. с одной стороны, защищая права коренного населения, а с другой, оставляя кон-

троль над ресурсами в руках государства. Швеция, как и Россия не ратифицировала Конвенцию МОТ № 169¹⁶ и Декларацию ООН о правах коренных народов¹⁷. Кроме того, шведское государство официально не признаёт за коренным населением севера статус «коренной народ», а именует его «национальным меньшинством», что не мешает Швеции оставаться одним из ведущих государств в деле защиты прав коренного населения. Права коренного населения, экологическая безопасность, а также промышленное освоение северных территорий актуальны для России, которая так же, как и Швеция, стремится к поиску эффективной модели разрешения этих спорных вопросов.

Литература

1. Bevelander P., Irastorza N. Catching up. The labor market integration of new immigrants in Sweden. MPI ILO. Switzerland, 2014. 24 p.
2. Таршин А.С. Швеция: смена партийной парадигмы // Современная Европа. №2 (62). 2015. С. 94–106
3. Barth F. Ethnic groups and boundaries. Social organization of cultural difference. Illinois: Waveland Press Inc., 1998. 153 p.
4. Smith L.T. Decolonizing Methodologies. Research and Indigenous people. London-NY: Zed Books Ltd, 1999, 220 p.
5. Kymlicka W. Multicultural citizenship. A liberal theory of minority rights. Oxford: Clarendon Press, 1995. 280 p.
6. Andersen B. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. London-NY: Verso, 2006. 240 p.
7. Kvist R. Swedish Sami Policy 1548-1992 // The Changing Circumpolar North: Opportunities for Academic Development/ ed. Heininen L. Rovaniemi: Arctic Centre Publications. 1994. 264 p.
8. Lantto P. Raising their voices: the Sami movement in Sweden and the Swedish Sami policy, 1900-1960 // The northern peoples and states. Tartu: Tartu University Press, 2005. pp. 203-234.
9. Green C. Managing Lapponia: a World Heritage as arena for Sami ethno-politics in Sweden. Uppsala: Uppsala Universitet, 2009. 230 p.
10. Anderson I. A History of Sweden. Greenwood Publishing Group, Incorporated, 1968. 461 p.
11. Elenius L. A Place in the Memory of the Nation. Minority Policy towards Finnish Speakers in Sweden and Norway // Acta Borealia. 2002. No2. pp. 103–123
12. Wickstrom W. Comparative and Transnational Perspectives on the Introduction of Multiculturalism in Post-War Sweden // Scandinavian Journal of History. 2015. Vol. 40. No.4. pp. 512–534.
13. Challenging Multiculturalism: European Models of Diversity / eds. Taras R. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2013. 344 p.
14. Angstrom J., Rooth D.-O. Implicit prejudice and ethnic minorities: Arab- Muslims in Sweden // International Journal of Manpower. Vol.30. Iss.1/2. 2015. pp. 43–55
15. Bevelander P., Otterbeck J. Young people's attitudes towards Muslims in Sweden // Ethnic and Racial Studies. Vol 33. No 3. 2010. Pp. 404–425
16. Emilsson H. No Quick Fix. Policies to Support the Labor Market Integration of New Arrivals in Sweden. ILO and MPI International Program. 2014. 22 p.
17. Schierup C.-U., Ålund A. The end of Swedish exceptionalism? Citizenship, neoliberalism and the politics of exclusion // Race & Class. 2011. Vol.53(1). pp. 45–64

¹⁶ Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах [Конвенция 169] / Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (дата обращения: 09.08.2016)

¹⁷ Декларация Организации Объединённых Наций о правах коренных народов / Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights (дата обращения: 09.08.2016)

18. Костенко В.В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 3 (74) URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2014_3/Kostenko_2014_3.pdf (дата обращения: 18. 06.2016)
19. Thurnwald R. The Psychology of Acculturation // American Anthropologist. 1932. V. XXXIV. P. 557–569
20. West E. *The Diversity Illusion: What We Got Wrong About Immigration & How to Set it Right*, London: Gibson Square Books Ltd, 2013, 288 p.
21. Kvist, R. The Racist Legacy in Modern Swedish Saami Policy // The Canadian Journal of Native Studies. 1994. Vol. 14, No. 2. pp. 203–220.
22. Torp E. The legal basis of Sami reindeer herding rights in Sweden // Arctic Review on Law and Politics, vol. 4, No1. 2013 pp. 43–61.
23. Pietikäinen S., Huss L., Laihiala-Kankainen S., Aikio-Puoskari U., Lane P. Regulating Multilingualism in the North Calotte: The Case of Kven, Meänkieli and Sámi Languages // Acta Borealia. 2010. Vol.27. No.1. pp. 1–23.
24. Венгер М. Швеция и евреи // Еврейская старина. 2008. № 1(54). URL: <http://berkovich-zametki.com/2008/Starina/Nomer1/Venger1.htm> (дата обращения: 26.07.2016)
25. Thurfjell D. Faith and Revivalism in a Nordic Romani Community. Pentecostalism amongst the Kaale Roma of Sweden and Finland. NY: I.B. Tauris & Co Ltd. 2013. 215 p.
26. Политика в сфере интеграции и меры по её применению. Исследование удачной практики применения на примере Швеции, Дании и Великобритании / сост. Каллас К., Калдур К. Тарту. 2007. 75 с.
27. Зайков К.С., Тамицкий А.М. Межнациональные отношения в Российской Арктике: состояние и перспективы // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2016. № 5. С. 46–51.

References

1. Bevelander P., Irastorza N. *Catching up. The labor market integration of new immigrants in Sweden*. MPI ILO. Switzerland, 2014, 24 p.
2. Tarshin A.S. Shvecija: smena partijnoj paradigmi. *Sovremennaja Evropa*, №2 (62), 2015, pp. 94–106
3. Barth F. *Ethnic groups and boundaries. Social organization of cultural difference*. Illinois: Waveland Press Inc., 1998, 153 p.
4. Smith L.T. *Decolonizing Methodologies. Research and Indigenous people*, London-NY: Zed Books Ltd, 1999, 220 p.
5. Kymlicka W. *Multicultural citizenship. A liberal theory of minority rights*, Oxford: Clarendon Press, 1995, 280 p.
6. Andersen B. *Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism*, London-NY: Verso, 2006, 240 p.
7. Kvist R. Swedish Sami Policy 1548-1992. *The Changing Circumpolar North: Opportunities for Academic Development*/ ed. Heininen L., Rovaniemi: Arctic Centre Publications, 1994, 264 p.
8. Lantto P. Raising their voices: the Sami movement in Sweden and the Swedish Sami policy, 1900-1960, *The northern peoples and states*, Tartu: Tartu University Press, 2005, pp. 203–234.
9. Green C. *Managing Lapponia: a World Heritage as arena for Sami ethno-politics in Sweden*, Uppsala: Uppsala Universitet, 2009, 230 p.
10. Anderson I. *A History of Sweden*, Greenwood Publishing Group, Incorporated, 1968, 461 p.
11. Elenius L. A Place in the Memory of the Nation. Minority Policy towards Finnish Speakers in Sweden and Norway, *Acta Borealia*, 2002, No2, pp. 103–123
12. Wickstrom W. Comparative and Transnational Perspectives on the Introduction of Multiculturalism in Post-War Sweden, *Scandinavian Journal of History*, 2015, Vol, 40, N 4, pp. 512–534
13. *Challenging Multiculturalism: European Models of Diversity* / eds. Taras R. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013, 344 p.
14. Angstrom J., Rooth D.-O. Implicit prejudice and ethnic minorities: Arab-Muslims in Sweden. *International Journal of Manpower*, Vol.30, Iss.1/2, 2015, pp. 43–55
15. Bevelander P., Otterbeck J. Young people's attitudes towards Muslims in Sweden, *Ethnic and Racial Studies*, Vol 33, No 3. 2010, pp. 404–425

16. Emilsson H. *No Quick Fix. Policies to Support the Labor Market Integration of New Arrivals in Sweden*, ILO and MPI International Program, 2014, 22 p.
17. Schierup C.-U., Ålund A. The end of Swedish exceptionalism? Citizenship, neoliberalism and the politics of exclusion., *Race & Class*, 2011, Vol. 53(1), pp. 45–64
18. Kostenko V.V. Teorii migracii: ot assimiljacii k transnacionalizmu. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii*, 2014, T. XVII, № 3 (74). URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2014_3/Kostenko_2014_3.pdf (Accessed: 18.06.2016)
19. Thurnwald R. The Psychology of Acculturation, *American Anthropologist*, 1932, V. XXXIV, P. 557–569.
20. West E. *The Diversity Illusion: What We Got Wrong About Immigration & How to Set it Right*, London: Gibson Square Books Ltd, 2013, 288 p.
21. Kvist, R. The Racist Legacy in Modern Swedish Saami Policy, *The Canadian Journal of Native Studies*, 1994, Vol, 14, No. 2, pp. 203–220.
22. Torp E. The legal basis of Sami reindeer herding rights in Sweden, *Arctic Review on Law and Politics*. vol. 4, No1. 2013, pp. 43–61.
23. Pietikäinen S., Huss L., Laihiala-Kankainen S., Aikio-Puoskari U., Lane P. Regulating Multilingualism in the North Calotte: The Case of Kven, Meänkieli and Sámi Languages, *Acta Borealia*, 2010, Vol.27, No.1, pp. 1–23.
24. Venger M. Shvecija i evrei. *Evrejskaja starina*, 2008, № 1(54). URL: <http://berkovich-zametki.com/2008/Starina/Nomer1/Venger1.htm> (Accessed: 26 July 2016)
25. Thurfjell D. *Faith and Revivalism in a Nordic Romani Community. Pentecostalism amongst the Kaale Roma of Sweden and Finnland*. NY: I.B. Tauris & Co Ltd. 2013, 215 p.
26. *Politika v sfere integracii i mery po ee primeneniju. Issledovanie udachnoj praktiki primenenija na primere Shvecii, Danii i Velikobritanii* / sost. Kallas K., Kaldur K. Tartu, 2007, 75 p.
27. Zajkov K.S., Tamickij A.M. Mezhnacional'nye otnoshenija v rossijskoj Arktike: sostojanie i perspektivy. *Analiticheskij vestnik Soveta Federacii Federal'nogo Sobranija RF*, 2015, № 5, pp. 46–51.

УДК 330.15 + 504.03

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.108

Методика отбора инвестиционных проектов ликвидации накопленного вреда окружающей среде в Арктической зоне России на основе анализа затрат и выгод

© **Медведева Ольга Евгеньевна**, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической политики и экономических измерений Государственного университета управления. E-mail: medvedeva_o@list.ru

© **Вакула Марина Анатольевна**, кандидат юридических наук, эксперт по экологическому праву Научного совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчиво-

му развитию. E-mail: vakula2004@yandex.ru

Аннотация. Ущерб, причинённый природной среде Арктики в прошлые годы, достаточно велик и требует устранения. Ликвидация последствий причинённого в прошлом вреда требует значительных инвестиций. В условиях ограниченности финансовых ресурсов необходим отбор наиболее эффективных с позиций общества проектов. Инструментом такого отбора может стать оценка эколого-экономической эффективности проектов по ликвидации прошлого экологического вреда на основе анализа затраты-выгоды, заключающаяся в учёте нерыночных экологических эффектов восстановления окружающей среды Арктики. В статье приводится алгоритм такой оценки и отбора проектов и примеры его применения.

Ключевые слова: *ущерб окружающей среде, прошлый экологический вред, эколого-экономическая оценка эффективности, анализ затраты-выгоды*

Technique of the selection of investment projects for elimination of accumulated damage to the environment in the Russian Arctic based on cost-benefit analysis

© **Olga E. Medvedeva**, Doctor of Economics, professor of economic policy and economic measuring of the State University of Management. E-mail: medvedeva_o@list.ru

© **Marina A. Vakula**, Candidate of Law, an expert on environmental law of the RAS Scientific Council on the complex problems of the Eurasian economic integration, modernization, competitiveness and sustainable development. E-mail: vakula2004@yandex.ru

Abstract. The damage caused to the natural environment of the Arctic in recent years is too large and requires removal. The elimination of environmental damage requires large investments. In conditions of limited financial resources it is necessary to select the most efficient projects. The evaluation of environmental and economic efficiency of projects of the elimination of the last environmental damage can become the tool of such selection, based on the cost-benefit analysis, this evaluation consists of accounting of non-market environmental effects of restoring the environment of the Arctic. The article presents an algorithm of such evaluation and selection of projects and examples of its application.

Keywords: *environmental damage, last environmental damage, ecological and economic evaluation, cost-benefit analysis*

Арктический регион занимает значительные территории России (рис. 1) и имеет большое геополитическое, стратегическое, экономическое и транспортное значение для страны. Ещё одна немаловажная роль арктических территорий заключается в выполнении

ими экологических функций, обеспечивающих поддержание экологического баланса в масштабе нашей страны и мира.

Рис. 1. Территории Арктической зоны РФ ¹.

Особенностью Арктики является хрупкость и уязвимость её природной среды и высокая чувствительность к антропогенному и техногенному загрязнению [1, Павленко В.И.]. В силу этой особенности серьёзной проблемой стало загрязнение окружающей среды Арктики, возникшее в результате прошлой деятельности организаций и получившее название «накопленный экологический вред» или «прошлый экологический ущерб» (ПЭУ). К основным видам накопленного вреда в Арктике относится загрязнение акваторий и прибрежных территорий нефтью и нефтепродуктами; захламление земель брошенными предметами снабжения и техникой; разрушение арктических экосистем; захламление морской акватории; потеря биоразнообразия и глобальных экосистемных услуг, выполняемых арктическими экосистемами. Последствия причиненного вреда достаточно тяжелы для природы Севера, стабильности глобальной экосистемы арктического региона и проживающего на его территории населения, прежде всего малочисленных коренных народов Севера, ведущих традиционный образ жизни. Однако экономический ущерб от загрязнения арктического региона до настоящего времени не измерен в стоимостном выражении и не оценён. Главная причина такого положения не востребованность подобного рода оценок в управленческой практике из-за отсутствия правовых и экономических инструментов ликвидации прошлого экологического ущерба, использующих стоимостные оценки и опирающихся на экономический анализ.

В тоже время, вопросами стоимостной оценки прошлого экологического ущерба и экономическими инструментами его устранения и предотвращения у нас в стране занимались довольно много и в разное время, например [2, Новоселов А.Л., Новоселова И.Ю.; 3, Медведев П.В., Медведева О.Е.; 4, Шевчук А.В.]. К сожалению, дальше научных предложе-

¹ Сардана Боякова: При определении территории Арктической зоны РФ традиционно основывались на общих стратегических интересах России в регионе. 2014 г. URL: <http://iltumen.ru/node/12236> (дата обращения: 15.05.2016).

ний их внедрение в практику не шло. При этом в последние годы на государственном уровне возникло понимание того факта, что накопленный экологический вред в Арктике достаточно велик и его надо устранять. Решение об этом фактически принято, что подтверждается различного рода правовыми документами [5, Вакула М.А., Медведева О.Е.], и уже начаты работы по обследованию и выявлению масштабов загрязнения, а также по его ликвидации [6, Нефедьев Н.Б., с. 17–21]. Учитывая большие территории российской зоны Арктики, устранение накопленного экологического вреда сопряжено со значительным объёмом инвестиций в рекультивационные и восстановительные работы. Так, изначально на устранение последствий причиненного в прошлом экологического вреда федеральной целевой программой «Ликвидация накопленного экологического ущерба» планировалось выделить в 2014–2025 гг. за счёт всех источников 218,7 млрд. рублей². Потом объём финансирования был снижен до 209,1 млрд. рублей [6, Нефедьев Н.Б., с. 14]

В условиях ограниченности бюджетных средств и средств компаний, ведущих деятельность в Арктике, довольно остро встал вопрос о приоритетности распределения финансирования и отбору наиболее эффективных с позиций заявленных целей, общества и народного хозяйства проектов. Но вопрос остается нерешённым, из-за отсутствия пригодных для целей управления официальных методик выявления наиболее эффективных проектов и технологий. Утверждённых методических документов, построенных на признанных методологических подходах учёта экологических и социальных эффектов и широко используемых в международной практике до настоящего времени в России не принято. Применяемые же подходы носят весьма спорный характер, поскольку ориентированы преимущественно на балльные оценки и закрепляют довольно механистический принцип отбора проектов по субъективным критериям, а не по их реальной экономической эффективности.

В мировой практике уже давно выработан подход к решению подобных задач и успешно используется в разных странах [7, Медведев П.В., с. 7–10]. Он основан на применении анализа затраты выгоды (Cost-Benefit Analysis) и расчёте критериев общественной эффективности (Social Appraisal) через монетизацию нерыночных эффектов, имеющих значение для общества, а не отдельных коммерческих структур и субъектов хозяйственной деятельности. У нас в стране данное направление развивается как научное и получило название «оценка эколого-экономической эффективности проектов». Данный термин, в отличие от общественной эффективности, подчёркивает то, что при оценке эффективности

² Федеральная целевая программа «Ликвидация накопленного экологического ущерба» на 2014–2025 годы. ПАСПОРТ Федеральной целевой программы «Ликвидация накопленного экологического ущерба» на 2014–2025 годы. URL: http://www.mnr.gov.ru/upload/files/docs/programma_fzp.doc (дата обращения: 15.05.2016).

проекта учитываются экологические факторы и параметры, как положительные в виде снижения экологического ущерба, так и отрицательные в виде его приращения [8, Медведев П.В., с. 125-131; 9, Трофименко Ю.В., Медведева О.Е., Артеменков А.В., Медведев П.В.].

Эколого-экономическая эффективность проектов представляет собой соотношение инвестиционных затрат, а также экологических ущербов, относимых к затратам общества нерыночного характера, и получаемых от проекта обществом выгод. Она является разновидностью общественной или социальной эффективности и характеризует любой проект, затрагивающий народно-хозяйственные и общественные интересы с позиций выгоды или невыгоды обществу. Оценка эколого-экономической эффективности проектов является инструментом обоснования, прежде всего, государственных инвестиций в некоммерческие проекты, связанные с устранением вреда, причинённого окружающей среде, осуществлением превентивных мероприятий. Оценка эколого-экономической эффективности также является инструментом ранжирования приоритетности инвестиций и выбора наиболее эффективного проекта при наличии нескольких проектов или их вариантов. Учитывая высокую затратность мероприятий по устранению накопленного вреда в Арктической зоне, решение последних задач представляется чрезвычайно актуальным и важным.

За рубежом *cost-benefit analysis* применяется для оценки проектов, имеющих большое социальное и экологическое значение, но нерентабельных с коммерческой точки зрения, поскольку создаваемые ими выгоды не могут быть проданы на открытых рынках. Именно к такому классу проектов относятся все проекты по ликвидации накопленного вреда и проведению рекультивационных и восстановительных работ в арктическом регионе. Как уже отмечалось выше, у нас в стране данный подход официально к инвестициям и проектам в природоохранной сфере не применяется. Это связано с тем, что прикладные методики, которые бы позволили проектировщикам на прединвестиционных стадиях провести расчёты эколого-экономической эффективности проектов, отсутствуют.

В связи с этим мы предлагаем использовать, методику отбора инвестиционных проектов по устранению накопленного вреда в Арктическом регионе на основе оценки эколого-экономической эффективности, адаптированную к российским условиям, и закрепить её применение в правовом поле.

**Методика отбора инвестиционных проектов
ликвидации накопленного вреда окружающей среде в Арктической зоне России**

Методика сводится к расчёту следующих показателей эколого-экономической эффективности инвестиционного проекта: чистая приведённая стоимость (NPV); отношение «выгоды/затраты» (BCR); срок окупаемости проекта (PBP).

$NPV = PVB - PVC$, где PVB — приведённая стоимость экологических и экономических выгод проекта; PVC — приведённая стоимость затрат проекта и экологического ущерба.

$$PVB = \sum_{t=0}^T \frac{B_t}{(1+e)^t} + \frac{B_T}{e \times (1+e)^T}, \quad \text{где } B_t \text{ — экологические и экономические выгоды в год } t;$$

t ; t — номер периода получения эффекта, $t = 0, 1, 2, 3 \dots T$; T — номер последнего периода осуществления проекта; e — ставка дисконтирования; рекомендуемое значение $e = 0,03$ и ниже;

$\frac{B_T}{e \times (1+e)^T}$ — реверсия или капитализированная стоимость выгод в пост-прогнозный периоде (то есть выгоды, дисконтированные за бесконечный период времени). Данная величина учитывается в расчётах только в случаях, когда оцениваемые эффекты могут быть получены в течение неограниченного периода времени, в том числе после окончания проекта.

$$PVC = \sum_{t=0}^T \frac{C_t}{(1+e)^t}, \quad \text{где } C_t \text{ — затраты на осуществление проекта в год } t; t \text{ — номер периода получения эффекта, } t = 0, 1, 2, 3 \dots T; T \text{ — номер последнего периода осуществления проекта; } e \text{ — ставка дисконтирования; рекомендуемое значение } e = 0,03.$$

Отношение «выгоды/затраты» (BCR) показывает отношение дисконтированных выгод к дисконтированным затратам: $BCR = \frac{PVB}{PVC}$.

Срок окупаемости инвестиций — это период, за который чистый денежный поток сравнивается с суммой первоначальных инвестиций. Он показывает время, требуемое для покрытия первоначальных инвестиций за счёт генерируемого проектом чистого денежного потока. Срок окупаемости может быть определён двумя способами: графическим и математическим. Считается, что графический способ является более точным способом.

Учитываемые выгоды. Особенностью методики и её отличием от оценки коммерческой эффективности является монетизация нерыночных эффектов, и в частности экономических выгод общества. К ним могут относиться такие показатели, как:

- ✓ рыночная или кадастровая стоимость рекультивированного земельного участка или участков;

- ✓ доходы от реализации вторичного сырья, полученного в результате работ по ликвидации объектов ПЭУ (рассчитывается по рыночным расценкам на соответствующее сырьё);
- ✓ выгоды от уменьшения заболеваемости населения, проживающего в регионе расположения объектов ПЭУ;
- ✓ снижение выбросов парниковых газов (рассчитывается по рыночным расценкам на квоты выбросов);
- ✓ снижение выбросов основных видов загрязняющих веществ в атмосферу;
- ✓ выгоды от предотвращения или устранения загрязнения источников питьевого водоснабжения (рассчитывается по рыночным расценкам на питьевую воду или по экономии средств на водоснабжение населения водой, отвечающей санитарно-гигиеническим требованиям);
- ✓ выгоды от предотвращения или устранения загрязнения водных ресурсов, не являющихся источниками питьевого водоснабжения (рассчитывается по водному налогу за объёмы водопотребления, требуемого для условного разбавления воды до получения нормативных показателей качества).
- ✓ выгоды от увеличения кадастровой стоимости земли в районах, прилегающих к объектам ПЭУ, после их ликвидации;
- ✓ выгоды от ликвидации отходов производства и потребления (рассчитывается по платежам за их размещение на полигонах);
- ✓ другие выгоды.

Учёт дополнительных экологических выгод не является обязательной процедурой, так как может потребовать проведения специальных экономических исследований.

Учитываемые в расчётах затраты проекта. В расчётах учитываются затраты, выделяемые из средств: федерального бюджета; бюджетов субъектов Российской Федерации; местных бюджетов; частных инвесторов.

Оценка эффективности. Проект считается эффективным и приемлемым, если чистая приведённая стоимость является неотрицательной величиной, отношение «выгоды/ затраты» (BCR) равны или превышают единицу, то есть соблюдаются неравенства: $NPV \geq 0$ и $BCR \geq 1$.

Если NPV приобретает отрицательное значение ($NPV < 0$) при учёте в качестве выгод только одного показателя — кадастровой стоимости рекультивированных земельных участков, то целесообразно провести дополнительный анализ и в качестве выгод использовать и другие показатели, поддающиеся стоимостному измерению, например, снижение выбросов парниковых газов, снижение заболеваемости населения, обеспечение населения питьевой водой, отвечающей санитарно-гигиеническим требованиям и др. Перечень учитываемых выгод определяется в процессе анализа на соответствующем этапе оценки эффективности.

При невозможности или затруднительности включения в расчёты иных стоимостных показателей, характеризующих экологические выгоды проекта для принятия решений по отбору проектов может потребоваться рассмотрение качественных характеристик экологиче-

ских выгод, не нашедших выражения в денежной форме, и оценка эффективности проекта по показателю затрат на получаемый результат (результативности затрат).

Результативность затрат или отношение инвестируемых затрат (сметной стоимости) к ожидаемым результатам. Целью расчёта показателя является выбор проекта или конкретного мероприятия по критерию наименьших затрат на получаемое снижение негативного воздействия: $\mathcal{E} = \frac{З}{\Delta P}$, где $\mathcal{E}$ — результативность мероприятия; $З$ — сметная стоимость инвестируемых затрат на проект или конкретное мероприятие; ΔP — получаемый результат или его приращение, например снижение выбросов, снижение заболеваемости и т.д.

Отбор проектов

Отбор проектов осуществляется следующим образом:

1. В начале отбираются проекты с $NPV \geq 0$.
2. Затем данные проекты ранжируются по возрастанию BCR и
3. Уменьшению периода окупаемости проектов.
4. Предпочтение отдаётся проектам с более высокими значениями BCR и меньшими периодами окупаемости. Далее проекты и конкретные мероприятия могут ранжироваться по показателям затрат на получаемый результат. По данному показателю из альтернативных вариантов отбираться вариант с наименьшими затратами на единицу получаемого эффекта.

Отобранный проект является наиболее эффективным с экологических, экономических и социальных позиций. В таб. 1 приведена форма для отбора проектов по основным показателям эффективности.

Таблица 1

Пример сравнения трёх условных проектов по основным показателям эффективности

Показатели	Проекты		
	А	Б	В
Дисконтированные выгоды	120	400	400
Дисконтированные затраты	60	60	80
NPV	60	340	320
BCR	2,0	6,6	5,0
Период окупаемости	3	2,5	2,5

Из представленных данных видно, что наибольшая отдача получается в проекте Б.

Пример расчёта эколого-экономической эффективности проекта восстановления земель территории теплового хозяйства МУП «ЖЭУ» г. Мирный, загрязнённых нефтепродуктами

Для расчёта эколого-экономической эффективности (ЭЭЭ) проекта восстановления земель территории теплового хозяйства МУП «ЖЭУ» г. Мирный, загрязнённых нефтепродук-

тами, были использованы следующие исходные данные, содержащиеся в проектных материалах: Затраты на выполнение работ с разбивкой на 3 этапа; указание на то, что работы осуществляются в летне-осенний период; площадь земельных участков, которые планируется рекультивировать; количество собираемого мазута, который планируется использовать в качестве вторичного сырья в виде топочного мазута.

Ограничения. Расчёт произведён при наличии следующих ограничений: Отсутствие информации о сроках осуществления проекта с периодической временной разбивкой планируемых затрат, например, по годам, кварталам или месяцам. Отсутствие информации о площадях полностью восстановленных земель участков в конце каждого этапа (периода) работ. **Допущения** — используемая в расчетах ставка дисконтирования 3% или 0,03.

Проект разбит на 7 периодов с продолжительностью 0,5 года. Такая разбивка произведена на основании графика работ, состоящего из 3-х этапов, а также указания на то, что работы осуществляются в тёплый период (с. 40 проектных материалов). Предполагается, что каждый этап соответствует календарному году. Соответственно, проект рассчитан на 3 года. Площадь восстановленных земель определена прямо пропорционально затратам каждого этапа в соответствии с их долей в общих затратах проекта.

В качестве основных выгод проекта рассматривается:

- ✓ кадастровая стоимость восстановленных земель;
- ✓ стоимость собранного топочного мазута, используемого в качестве вторсырья;
- ✓ стоимость депонированного углерода восстановленными почвами.

Кадастровая стоимость земель определена в размере среднего значения удельных показателей кадастровой стоимости земель кадастровых кварталов г. Мирный для 9-го вида разрешённого использования, утвержденных Постановлением Правительства Архангельской области от 18.12.2012 № 595³, в размере 1 265,84 руб./м². К 9-ому виду разрешённого использования земель населённых пунктов относятся земельные участки, предназначенные для размещения производственных и административных зданий, строений, сооружений промышленности, коммунального хозяйства, материально-технического, продовольственного снабжения, сбыта и заготовок согласно Методическим указаниям по государственной кадастровой оценке земель населённых пунктов, утверждённых Приказом Минэкономразвития РФ от 15 февраля 2007 г. N 39 «Об утверждении Методических указа-

³ Постановление Правительства Архангельской области от 18 декабря 2012 года № 595-пп «Об утверждении результатов государственной оценки земель населённых пунктов на территории Архангельской области». URL: <http://old.dvinaland.ru/files/power/departments/depugi/cadastr/595pp.pdf> (дата обращения: 11.10.2016).

ний по государственной кадастровой оценке земель населенных пунктов» (с изменениями и дополнениями)⁴.

Стоимость собираемого мазута определена как минимальное значение из цен мазута топочного, предлагаемого в Архангельской области по данным Интернет-источников. Цена мазута топочного — от 4 700 руб./т⁵. Коэффициент пересчёта м³ мазута топочного в тонны произведён исходя из данных таб. 2.

Таблица 2

Соотношение массы и объёма мазута топочного⁶.

Мазут	Количество, т	Количество литров, л
Печной. М 100, М100В, М 40, М40В. Печное топливо.	1	1176

В 1 тонне мазута содержится 1176 л мазута. Коэффициент пересчёта 1 м³ в тонны равен: $1000 \cdot 1 / 1176 = 0,850$.

Стоимость депонированного углерода в восстановленных почвах определена исходя из данных о запасах углерода в почвенном слое и рыночных цен на выбросы CO₂ на бирже квот на выбросы парниковых газов. В первой половине 2015 г. средняя цена выбросов CO₂ составляла 7,47 € за тонну⁷. Как правило, потоки углекислого газа (CO₂) оцениваются измерением углерода (C). 1 кг углерода (C) эквивалентен 3,7 кг CO₂. Следовательно, 1 кг CO₂ содержит 0,27 кг C. Это означает, что 1 т углерода, содержащегося в почве, эквивалентна депонированию 3,7 т CO₂. Соответственно, стоимость депонированию углерода может быть оценена в ценах 2015 года в: $3,7 \text{ т CO}_2 \cdot 7,47 \text{ €/т} = 27,64 \text{ €}$ за тонну углерода почвы.

Исходя из запасов гумуса в определённом типе почвы, можно получить стоимостную оценку экосистемной услуги почвы по депонированию углерода в пересчёте на 1 гектар. Запасы органического углерода в почвах лесотундрово-северотаёжной зоны в России составляют 168,5 т/га [10, Стеценко А.В; 12, А.И. Артеменков, О.Е. Медведева, С.В. Соловьева]. Отсюда ориентировочная удельная стоимость депонированного углерода в почвах восстанавливаемых земель может быть оценена в $68,5 \text{ т/га} \cdot 27,64 \text{ €/т} = 4657,34 \text{ €}$ или ориентировочно 4,7 тыс. €/га. Данные о запасах органического углерода в почвах основных природных зон России, в том числе в расчете на гектар, и их стоимостные оценки приведены

⁴ Система ГАРАНТ. URL: http://base.garant.ru/2162391/#block_1121#ixCzz410Ox2dmk (дата обращения: 11.10.2016).

⁵ Топочный мазут в Архангельске. URL: http://arhangelsk.tiu.ru/Topochnyj-mazut.html?no_redirect=1 (дата обращения: 11.10.2016).

⁶ Сколько литров в тонне мазута. URL: http://kovka-dveri.com/metal_stroitelstvo0084qq0788.HTML (дата обращения: 11.10.2016).

⁷ Assessment of Electricity Prices in Western Europe for the First Half of 2015. URL: <http://www.alearsoft.com/assessment-of-electricity-prices-in-western-europe-for-the-first-half-of-2015/> (дата обращения: 11.10.2016).

в таб. 3. При среднем курсе евро 80 руб.⁸ удельная стоимость депонированного углерода почвы составит: 4,7 тыс. €/га * 80 руб./руб. = 357,2 руб./га.

Таблица 3

*Оценка экосистемных функций почв сельскохозяйственных земель
по депонированию углерода в России*

П.п.	Природные зоны	Площадь учитыва- емых земель, млн. га	Запасы органиче- ского углерода в почвах, млн. тонн ⁹	Запасы органиче- ского угле- рода в поч- вах в расче- те на гек- тар, т/га	Стоимость поч- венного органи- ческого углеро- да (при 27,64 тыс. €/га (ст.5*€/га)	Стоимость почвенно- го органического углерода (при 2156 руб./т углерода), тыс. руб./га при курсе на 14.12.2015 78 руб./ € (ст.6*78)
1	2	3	4	5	6	7
1.	Лесотундрово-северотаёжная зона	233,6	39357,8	168,5	4,7	366,6
2.	Среднетаёжная зона	237,8	51988,4	218,6	6,0	468
3.	Южнотаёжная зона	236,6	61952,2	261,8	7,2	561,6
4.	Лесостепная зона	126,4	38378,1	303,6	8,4	655,2
5.	Степная зона	79,9	21347,9	1267,2	35,0	2730
6.	Сухостепная зона	28,2	2824,9	100,2	2,8	218,4
7.	Полупустынная зона	14,7	1092,3	72,8	2,0	156

Исходные данные, используемые при расчёте ЭЭЭ проекта восстановления земель территории теплового хозяйства МУП «ЖЭУ» г. Мирный, представлены в таблицах 4,5.

Таблица 4

Исходные данные: Общая площадь восстановленных земель — 11,35 га. Проект реализуется за 3 года в 3 этапа с работой в летне-осенний период.

Затраты по этапам проекта, млн. руб.

1 этап	75,113
2 этап	69,706
3 этап	30,093
Всего	174,912

Скорректированные исходные данные для расчета эколого-экономической эффективности

Доля затрат по этапам проекта

1 этап	0,43
2 этап	0,40
3 этап	0,17
Всего	1,00

Ожидаемые выгоды: стоимость восстановленных земель; стоимость собранного топочного мазута, используемого в качестве вторсырья; стоимость депонированного углерода восстановленными почвами.

⁸ Курс доллара и евро в 2015 году. URL: <https://www.consultant.ru/law/ref/stavki/kurs-dollar-euro-2015/> (дата обращения: 11.10.2016).

⁹ Оценки А.В. Стеценко.

Таблица 5

Показатели/номера периодов	1	2	3	4	5	6	7
Годы реализации проекта	0	0,5	1	1,5	2	2,5	3
Площадь рекультивированных земель по периодам проекта, м ²	-	-	48 741	-	45 232	-	19 527
Удельная кадастровая стоимость земли в г. Мирный, руб./м ²	-	-	1 265,84	-	1 265,84	-	1 265,84
Собранный топочный мазут, т	-	-	3 500	-	3 658	-	1 066
Коэффициент перевода м ³ мазута в тонны б/р	-	-	0,85	-	0,85	-	0,85
Собранный топочный мазут, м ³	-	-	2 975	-	3 109	-	906
Рыночная цена топочного мазута	-	-	4 700	-	4 700	-	4 700
Удельная стоимость углерода, депонированного почвой (при 27,64 €/т углерода), тыс. €/га	-	-	4,7	-	5	-	5
Используемый курс евро в рублях (2012 г.)	-	-	76	0	76	0	76
Удельная стоимость углерода, депонированного почвой (при 27,64 €/т углерода), тыс. руб./га	-	-	357,2	0	357,2	0	357,2

Расчёт основных показателей ЭЭЭ проекта восстановления земель территории теплового хозяйства МУП «ЖЭУ» г. Мирный произведён в программе EXCEL. Расчёт произведен для двух вариантов — с учётом в качестве выгод стоимости депонированного углерода почв (вариант 1) и без учёта в качестве выгод стоимости депонированного углерода почв (вариант 2). Полученные результаты и сам расчёт представлены в таб. 7, 8. Результаты также отражены в графическом виде на рис. 1, 2.

Таблица 6

*Расчёт эколого-экономической эффективности проекта.
Вариант 1 — выгоды включают депонирование углерода*

Показатели	Ед. измерения	Периоды							Сумма по периодам проекта
		1	2	3	4	5	6	7	
Периоды реализации проекта	Годы	0	0,5	1	1,5	2	2,5	3	-
<i>Выгоды проекта</i>									
Кадастровая стоимость земли	млн.руб.	-	-	61,70	0,00	57,26	0,00	24,72	-
Стоимость топочного мазута	млн.руб.	-	-	13,98	0,00	14,61	0,00	4,26	-
Стоимость депонированного углерода	млн.руб.	-	-	1,74	0,00	1,62	0,00	0,70	-
Суммарные выгоды проекта	млн.руб.	-	-	77,42	0,00	73,48	0,00	29,68	-
Ставка дисконтирования	б/р	0,03	0,03	0,03	0,03	0,03	0,03	0,03	-
Коэффициент дисконтирования	б/р	1	0,99	0,97	0,96	0,94	0,93	0,92	-
Дисконтированные выгоды	млн.руб.	0	0	75,10	0,00	69,08	0,00	27,30	171,48
<i>Затраты</i>									
Коэффициент дисконтирования	ед-цы	1	0,99	0,97	0,96	0,94	0,93	0,92	-
Дисконтированные затраты	млн.руб.	0	0	72,86	0,00	65,52	0,00	27,69	166,07
Чистая приведённая стоимость (NPV)	млн.руб.	0	0	2,24	0,00	3,55	0,00	-0,38	5,41
Чистая приведенная стоимость нарастающим итогом (NPV)	млн.руб.	0	0	2,24	2,24	5,79	5,79	5,41	-

Срок окупаемости	Проект начинает окупаться с первого периода	
Результативность проекта	млн. руб./га	15,41
Отношение затрат к выгодам (руб.затрат/руб.выгод)		0,99

Рисунок 2. График NPV проекта (вариант 2).

Полученные значения чистой приведённой стоимости имеют положительные значения ($NPV > 0$): вариант 1 $NPV = 5,41$, вариант 2 $NPV = 2,15$.

Отношение выгод к затратам больше 1 ($BCR > 1$): Вариант 1. $BCR = 1,03$.

Вариант 2. $BCR = 1,01$.

Согласно графикам 1 и 2, срок окупаемости наступает в первый год реализации проекта для двух вариантов учёта выгод.

Исходя из представленных данных, можно сделать вывод, что проект экономически целесообразен и эффективен. Стоимостная оценка ожидаемых выгод превышает планируемые затраты. При наличии нескольких вариантов проектов полученные показатели могут использоваться для отбора наиболее эффективных вариантов. Для принятия решений могут служить дополнительные показатели результативности произведенных затрат. Для данного проекта данная величина составляет 15,41 млн. руб./га. Поскольку данный показатель учитывает только один компонент выгод, измеренный в натуральных показателях — площади рекультивируемых земель, то для оценки эффекта результативности затрат по всем выгодам может применяться показатель отношения затрат ко всем выгодам, получаемым от проекта (рубль затрат на рубль выгод).

Для данного проекта эта величина составляет:

Вариант 1. Рубль затрат на рубль выгод = 0,97.

Вариант 2. Рубль затрат на рубль выгод = 0,99.

При более детальном рассмотрении проектов и отборе наиболее целесообразных возможно проводить анализ чувствительности.

Заключение

Для реализации приведённой методике в практике принятия решений требуется соответствующее поставленной задаче правовое регулирование. Одним из направлений такого регулирования является принятие правовых норм по проведению оценки эколого-экономической эффективности выделяемых инвестиций и разрабатываемых под них рекультивационных и восстановительных проектов.

Литература

1. Павленко В.И. Арктическая зона Российской Федерации в системе обеспечения национальных интересов страны // Арктика: экология и экономика. 2013. № 4 (12). С. 23. URL: [http://www.ibrae.ac.ru/docs/4\(12\)/016_025_ARKTIKA_4\(12\)_12_2013.pdf](http://www.ibrae.ac.ru/docs/4(12)/016_025_ARKTIKA_4(12)_12_2013.pdf) (дата обращения: 15.05.2016).
2. Новоселов А.Л., Новоселова И.Ю. Моделирование прошлого (накопленного) ущерба от загрязнения окружающей среды // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 11. С. 96–101.
3. Медведев П.В., Медведева О.Е. Экономическая безопасность и современные мировые тенденции в сфере оценки и возмещения экологического ущерба // Электронное научное издание «НАУКОВЕДЕНИЕ», Том 7, №5 (2015). URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/191EVN515.pdf> (дата обращения: 09.12.2015).
4. Шевчук А.В. Эколого-экономические аспекты ликвидации накопленного ущерба в арктической зоне Российской Федерации // Природообустройство. 2013. № 5. С. 80–83.
5. Вакула М.А., Медведева О.Е. Правовое регулирование и эколого-экономический инструментарий ликвидации накопленного вреда окружающей среде в арктической зоне России. Доклад на Федеральном арктическом форуме «Дни Арктики в Москве». М. 2015. URL: <http://arctic-days.ru/images/2015presents/2-2Vakula.pdf> (дата обращения: 15.05.2016).
6. Нефедьев Н.Б. Об изменениях законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, и практической деятельности в этой сфере. МПР. РФ. 2014. URL: <http://www.ecoindustry.ru/i/ecoindustry/350/nefedev.pdf> (дата обращения: 15.05.2016).
7. Медведев П.В. Оценка экологической и социальной эффективности инфраструктурных проектов в обеспечении экономической безопасности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Москва. 2016. С. 7–10.
8. Медведев П.В. Оценка общественной эффективности транспортных инфраструктурных проектов на основе анализа «затраты-выгоды» // Вестник университета (ГУУ), № 10. 2015. С. 125–131.
9. Трофименко Ю.В., Медведева О.Е., Артеменков А.В., Медведев П.В., Методика оценки общественной или эколого-экономической эффективности проектов в сфере дорожного строительства // Безопасность в техносфере, № 4. 2015. С. 56–69.
10. Стеценко А.В. Влияние глобального изменения климата и Киотского протокола на развитие защитного земледелия. 2005. <http://rudocs.exdat.com/docs/index-220303.html> (дата обращения: 15.05.2016).
11. Артеменков А.И., Медведева О.Е., Соловьева С.В.. Курс лекций. Оценка стоимости земли в системе национальных счетов. М.: 2015. URL: <http://anohraniteli.ru/upload/medvedevao.pdf> (дата обращения: 15.05.2016).

References

1. Pavlenko V.I. Arkticheskaja zona Rossijskoj Federacii v sisteme obespechenija nacional'nyh interesov strany, *Arktika: jekologija i jekonomika*, 2013, № 4 (12), p. 23. URL: [http://www.ibrae.ac.ru/docs/4\(12\)/016_025_ARKTIKA_4\(12\)_12_2013.pdf](http://www.ibrae.ac.ru/docs/4(12)/016_025_ARKTIKA_4(12)_12_2013.pdf) (Accessed: 15.05.2016).

2. Novoselov A.L., Novoselova I.Y. Modelirovanie proshlogo (nakoplenno) ushher-ba ot zagriznenija okruzhajushhej sredy, *Social'no-jekonomicheskie nauki i gumanitarnye issledovaniya*, 2016, № 11, pp. 96–101.
3. Medvedev P.V., Medvedeva O.E. Jekonomicheskaja bezopasnost' i sovremennye mirovye tendencii v sfere ocenki i vozmeshhenija jekologicheskogo ushherba, *Elektronnoe nauchnoe izdanie «NAUKOVOEDENIE»*, Tom 7, №5 (2015). URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/191EVN515.pdf> (Accessed: 09.12.2015).
4. Shevchuk A.V. Ekologo-jekonomicheskie aspekty likvidacii nakoplenno ushherba v arkticheskoy zone Rossijskoj Federacii, *Prirodoobustrojstvo*, 013. № 5, pp. 80-83.
5. Vakula M.A., Medvedeva O.E. *Pravovoe regulirovanie i jekologo-jekonomicheskij instrumentarij likvidacii nakoplenno vreda okruzhajushhej sredy v arkticheskoy zone Rossii*. Doklad na Federal'nom arkticheskom forume «Dni Arktiki v Moskve». Moskva, 2015. URL: <http://arctic-days.ru/images/2015presents/2-2Vakula.pdf> (Accessed: 15.05.2016).
6. Nefed'ev N.B. *Ob izmenenijah zakonodatel'stva o vozmeshhenii vreda, prichinennogo okruzhajushhej sredy, i prakticheskoy dejatel'nosti v jetoj sfere*. MPR. RF. 2014. URL: <http://www.ecoindustry.ru/i/ecoindustry/350/nefedev.pdf> (Accessed: 15.05.2016).
7. Medvedev P.V. *Ocenka jekologicheskoy i social'noj jeffektivnosti infrastrukturyh proektov v obespechenii jekonomicheskoy bezopasnosti*. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata jekonomicheskikh nauk, Moskva, 2016, pp. 7–10.
8. Medvedev P.V. Ocenka obshhestvennoj jeffektivnosti transportnyh infrastrukturyh proektov na osnove analiza «zatraty-vygody», *Vestnik universiteta (GUU)*, № 10, 2015, pp. 125–131.
9. Trofimenko Ju.V., Medvedeva O.E., Artemenkov A.V., Medvedev P.V., Metodika ocenki obshhestvennoj ili jekologo-jekonomicheskoy jeffektivnosti proektov v sfere dorozhnogo stroitel'stva. *Bezopasnost' v tehnosfere*, № 4, 2015, pp. 56–69.
10. Stecenko A.V. *Vlijanie global'nogo izmenenija klimata i Kiotskogo protokola na razvitie zashhitnogo zemledelija*, 2005, URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-220303.html> (Accessed: 15.05.2016).
11. Artemenkov A.I., Medvedeva O.E., Solov'eva S.V. *Kurs lekcij. Ocenka stoimosti zemli v sisteme nacional'nyh schetov*, Moskva, 2015. URL: <http://anohraniteli.ru/upload/medvedevao.pdf> (Accessed: 15.05.2016).

УДК 364.04

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.123

Возможности социального проектирования в аспекте подготовки детей-северян с особыми потребностями к взрослой самостоятельной жизни

© **Мелкая Лия Александровна**, бакалавр направления подготовки «Социальная работа», Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: lia.melkaya@yandex.ru

Аннотация. Проблема неподготовленности детей-северян с особыми потребностями к взрослой жизни исследуется с использованием дефиниции самостоятельности, а возможное решение указанной проблемы заключается в реализации такой технологии социальной работы как социальное проектирование. Феномен самостоятельности анализируется как некий критерий взрослости и особенности становления данного качества у детей с особыми потребностями. Концептуально обосновываются возможности социального проектирования в рамках подготовки детей-северян с особыми потребностями к взрослой самостоятельной жизни.

Эмпирическое исследование проведено в январе — мае 2016 г. методом экспертного опроса с помощью специально разработанной анкеты. В процессе реализации проекта «Школа самостоятельности для детей с инвалидностью на Севере» в Архангельске апробирована технология социального проектирования. По итогам проведённого исследования разработаны специальные рекомендации, адресованные, главным образом, некоммерческим организациям. Становление самостоятельности позволит расширить границы безопасного и комфортного осуществления жизнедеятельности северянами с ограниченными возможностями и инвалидностью в неблагоприятных природно-климатических условиях. В рамках реализации технологии социального проектирования возможно создание «Арктической школы самостоятельности для северян с особыми потребностями».

Ключевые слова: *дети с ограниченными возможностями и инвалидностью, самостоятельность, социальное проектирование, северные условия проживания*

The possibilities of social planning in the aspect of training of children-northerners with special needs to independent adult life

© **Lia A. Melkaya**, bachelor in Social Work, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University. E-mail: lia.melkaya@yandex.ru

Abstract. The problem of lack of training of northerner children with special needs to adulthood is investigated using the definition of independence, and possible solution to this problem is to implement such a technology of social work as social project planning. The phenomenon of self-sufficiency is analyzed as a criterion of maturity and features of formation of such quality for children with special needs. The possibilities of social project planning in the frame of preparation of northerner children with special needs to adult independent living are conceptually stated. Empirical research conducted in January — May 2016 by the expert survey with the help of a specially designed questionnaire. In the process of realization of the project "School of independence for children with disabilities in the North" in Arkhangelsk the technique of social project planning has been tested. According to the results of the study, the specific recommendations addressed primarily to non-profit organizations have been developed. Formation of independence will enhance the borders of safe and comfort life for northerners with special needs and disabilities in adverse climatic conditions. In the frame of implementation of the social engineering technique the creation of the "Arctic school of independence for northerners with special needs" is possible.

Keywords: *children with disabilities, independence, social engineering, northern living conditions*

Пребывание человека на Севере сопряжено с повышенной заболеваемостью, тенденциями к хронизации болезней, что связано с природно-климатическими факторами (в первую очередь, это дефицит тепла и солнечного света), приводящим к адаптационно-регуляторным сдвигам. Вышесказанное дополняется воздействием социально-экономических и социально-психологических факторов. Данные исследований подтверждают доминирующее влияние последних на уровень заболеваемости и инвалидизации детского населения [1, Нестерова И.В.]. Инвалидность в детском возрасте связывается, прежде всего, с социальной недостаточностью вследствие первоначального отсутствия функций органов или систем, проявляющейся не в утрате трудоспособности (как у взрослого инвалида), а в особых ограничениях жизнедеятельности — снижении способности к контролю над собой, игровой деятельности, общению в коллективе сверстников, обучению [2, Дьяченко В.Г.].

Среди спектра проблем, которые возникают в результате инвалидности, ярко выражена несамостоятельность взрослеющих детей с особыми потребностями и, как следствие, их неподготовленность к взрослой жизни. Степень научной разработанности проблемы мы оцениваем как крайне недостаточную ввиду отсутствия системы знаний касательно специфики становления самостоятельности у детей с особыми потребностями. Среди работ, акцентирующих внимание на этом вопросе, имеется лишь пособие «Подготовка детей-инвалидов к семейной и взрослой жизни», изданное под редакцией Е.Р. Ярской-Смирновой [3], где взрослая жизнь рассматривается как синоним семейной. Практические аспекты решения указанной проблемы также незначительны, известно лишь несколько примеров социальных проектов, реализованных в течение последних лет в Санкт-Петербурге, Москве, Вологодской области, Беларуси. При этом в своём большинстве они направлены лишь на работу с детьми с умственной отсталостью и тяжёлыми нарушениями интеллекта. Конкретных же методов и технологий подготовки детей с особыми потребностями к взрослой жизни нами не выявлено. Поражает тот факт, что проблема несамостоятельности взрослеющих детей с особыми потребностями констатируется как данность, не получая полноценного объяснения и адекватных путей решения как в научных кругах, так и в социуме.

Сразу отмечу важный момент: мною целенаправленно используется словосочетание «*дети с особыми потребностями*» (пусть достаточно дискуссионное), чтобы акцентировать внимание на необходимости работы как с детьми-инвалидами, так и с детьми с ограниченными возможностями, которым по каким-либо причинам не установлен официальный правовой статус «ребёнок-инвалид». Проблему неподготовленности детей-северян с особыми потребностями к взрослой жизни мы исследуем, опираясь на дефиницию самостоятельно-

сти, а возможное решение указанной проблемы усматриваем в реализации такой технологии социальной работы, как социальное проектирование, оценивая его потенциальные возможности в данном контексте.

***О феномене самостоятельности и особенностях становления
данного качества у детей с особыми потребностями***

На первых этапах исследования были проанализированы работы психолого-педагогической направленности, что продемонстрировало интегративную сущность самостоятельности и позволило определить этапы её формирования и становления. На этой основе рассмотрены особенности развития данного качества у детей с особыми потребностями, аргументированы причины их неподготовленности к взрослой жизни.

Самостоятельность — это скорее некое «оценочное» суждение, нежели чёткое рабочее определение. Известно множество работ, где данное качество рассматривается с совершенно разного угла зрения. Мы не будем останавливаться на представлении детальных итогов исследования всех подходов к самостоятельности, укажем лишь, что теоретические представления о самостоятельности как социальном феномене чрезвычайно многообразны, фрагментарны. Проведённый нами анализ подтвердил интегративную сущность самостоятельности как особой, целостной характеристики человека, противоположной симптомокомплексу личностной беспомощности [4, Циринг Д.А.], статичным качеством, не теряющим при этом потенциальную способность к динамике и изменению. Развитие и становление самостоятельности происходит постепенно, в процессе взросления и социально-личностного развития, детерминируется как внешними, так и внутренними факторами. Формирование самостоятельности способствует развитию личности ребёнка в целом, где под развитием понимается переход к более совершенному качественному состоянию, от простого к сложному, от низшего к высшему — к степени духовной и умственной зрелости, сознательности и культурности [5, Данилюк А.Я.]. Самостоятельность может быть как действительной, так и формальной, вызываться различными обстоятельствами или предоставляться взрослыми [6, Эльконин Д.Б.]. Самостоятельность — некий критерий взрослости: если репертуар самостоятельной деятельности ребёнка расширяется, значит, его развитие происходит по нормальной траектории.

Самостоятельность — особая социально-психологическая характеристика, определяющая сегодня успешность человека, в общем смысле под ней подразумевают готовность личности к осуществлению жизненных выборов. Применяя это понятие к группе людей с инвалидностью, отметим: она выступает важнейшим фактором их полноценной интеграции в

социум, недопущения дискриминации, социальной депривации и изолированности от общества при расширении поля декларируемых прав и гарантий, развитии инклюзии.

Априори становление самостоятельности с трудом происходит у взрослеющих *детей с особыми потребностями*, развитие которых «не вписывается» в обычные рамки, имеет иные аспекты, а жизнедеятельность значительно отличается от жизнедеятельности «обычных» детей вследствие негативного воздействия патологии — заболевания, дефекта, аномалии, травмы. Инвалидность ребёнка возникает в период формирования высших психических функций, усвоения ключевых знаний, умений, следовательно, оказывает сильнейшее влияние на социально-личностное развитие. Процесс становления самостоятельности существенно нарушается, при этом имеющиеся проблемы по мере взросления приобретают всё более насыщенную социальную окраску. Исследования подтверждают: даже при минимальной инвалидизирующей патологии нарушена социальная интеграция детей, и причина этого — отсутствие у них самостоятельности [7, Федосеева О.А.], основные этапы становления которой значительно деформированы. Готовность детей с особыми потребностями к интеграции в социум детерминирована в большей степени социальными, нежели биологическими факторами, например, у подростков с умственными ограничениями это условия развития и воспитания, удовлетворённость социально-экономических потребностей, сформированность социальных потребностей и конструктивных стратегий совладающего поведения [8, Коновалова Н.Л.].

Изолирующая среда, атмосфера гиперопеки ребёнка в семье приводят к особому психическому состоянию — депривации. Гиперопека выступает основной ошибкой взрослых в воспитании детской самостоятельности — подавляются даже «зачатки» становления данного качества, все попытки проявления независимости пресекаются [9, Явбатырова Б.Г., Махмурова Н.]. Ситуация усугубляется ещё и тем, что большинство семей не владеют специальными знаниями касательно воспитания самостоятельности особого ребёнка, не уделяют должного внимания вопросам его саморазвития и самоопределения [10, Миронова М.В.]. При этом происходит сосредоточение семьи на болезни, эмоциональная окраска будущего ребёнка чаще всего отрицательная [11, Кулик А.А.]. Знания детей о реальной жизни остаются поверхностными, представления о других людях — недостаточными и искажёнными. Впоследствии несамостоятельность детей с ограниченными возможностями и инвалидностью трансформируется в разные негативные установки личности, беспомощность, зависимость, инфантильность, иждивенчество, приспособленчество, социальную пассивность, неприспособленность к независимой жизни в социуме.

Феномен самостоятельности в условиях *Севера и Арктики* приобретает своё особое, уникальное звучание. Специфические региональные факторы, такие как проживание в тяжёлых эколого-климатических условиях, исторически сложившиеся социально-культурные особенности предъявляют дополнительные требования к человеку: чтобы вести полноценную жизнедеятельность на Севере и успешно функционировать в обществе необходимо быть сильной и самостоятельной личностью, обладать активностью и решительностью, навыками независимости и автономии, учитывать данный аспект при построении работы с детьми с ограниченными возможностями и их семьями.

Результаты исследования, показывающие возможности социального проектирования в аспекте подготовки особых детей-северян к взрослой жизни

До проведения исследования детально рассматривалась каждая технология социальной работы, с помощью которых возможно решение проблемы несамостоятельности детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями. Наиболее подходящей было признано *социальное проектирование*, и объясняется это следующим. Проектная деятельность всегда научно-теоретическая и предметно-практическая одновременно, она предполагает апробацию, внедрение инноваций: даже само слово «projectus» означает буквально в переводе с латинского «брошенный вперёд». Под данным понятием понимается процесс конструирования социальной деятельности, направленный на преодоление какой-либо проблемы, изменение или развитие социальных отношений [12, Плохова И.А.]. Социальное проектирование отличается от остальных технологий относительно быстрым способом получения научной и оперативной информации, обособленной и целостной сферой, гибким методом решения социальных проблем. Любой социальный проект — некая модель предлагаемых изменений в ближайшем социальном окружении.

Итак, положительные аспекты проектирования как одной из технологий социальной работы, приобретают особое значение в *системе подготовки* детей с ограниченными возможностями и инвалидностью к взрослой самостоятельной жизни: реализация проектов происходит через диалог, полноценное обсуждение проблемы с последующей выработкой решения, мониторингом результатов, оценкой дальнейших перспектив. Необходимость такого комплексного подхода уже аргументирована нами ранее [13, Мелкая Л.А., Рыбак Е.В., с. 13–19], подобная система должна включать в себя работу на пяти уровнях: федеральном, региональном, общественном, семейном, индивидуальном.

Перейдём далее к результатам исследования касательно возможностей применения технологии социального проектирования в указанном контексте. Несколько слов об общей

характеристике исследования. Эмпирическое исследование проведено в январе — мае 2016 г. в русле парадигмы с опорой на *метод экспертного опроса*. Базами исследования выступили САФУ имени М.В. Ломоносова и Региональная общественная организация родителей детей с инвалидностью «Благодея». Целью исследования было признано определение места и роли социального проектирования как технологии в системе подготовки детей с особыми потребностями к взрослой самостоятельной жизни, обоснование его возможностей в указанном контексте. Общая гипотеза исследования заключается в том, что социальное проектирование выступает наиболее перспективной технологией социальной работы в системе подготовки детей с особыми потребностями к взрослой самостоятельной жизни на данном этапе её становления. Экспертный (специализированный) опрос проведён с помощью специально разработанной анкеты. Группа экспертов (10 человек) была поделена на «теоретиков» (научные работники, проводящие разноплановые исследования в русле педагогики, психологии, социологии, теории и технологии социальной работы) и «практиков» (компетентные специалисты разного профиля, профессиональная деятельность которых связана с оказанием помощи и поддержки детям с особыми потребностями и их семьям). Стаж каждого эксперта в интересующем нас поле деятельности — более 10 лет. Концепция исследования заключалась в том, чтобы осмыслить и сопоставить точки зрения на акцентированную проблему с позиций *теории и практики*. Хотя подобный поход, учитывая неразрывную связь теории и практики в социальной работе, достаточно условен, в целом, он позволил выявить некоторые имеющие место противоречия.

Наличие информации о несамостоятельности детей с особыми потребностями эксперты оценивают как «скорее недостаточное» (60%) и «недостаточное» (30%), при этом степень разработанности исследуемого нами вопроса и его представления в научно-методологических и научно-методических работах, по мнению респондентов, незначительна. Если же говорить о причинах несамостоятельности, то эксперты-теоретики имеют более комплексное видение данной проблемы — их ответы более разноплановы, практики же акцентируют внимание на социальных аспектах. По общему результату лидируют такие показатели как «ограниченный набор социальных ролей, трудности в процессе социализации, дефицит опыта социальной жизни» (80% у практиков и 60% у теоретиков) и «личностные качества детей-инвалидов — неуверенность в себе, тревожность, чувство ущербности, переживания по поводу неполноценности, пассивность, низкая самооценка» (80% у практиков и 60% у теоретиков).

Мнения экспертных групп на вопрос необходимости специальной подготовки детей с особыми потребностями к взрослой самостоятельной жизни представлены на рис. 1.

Рисунок 1. Сравнительный анализ мнений экспертов на вопрос подготовки детей с особыми потребностями к взрослой самостоятельной жизни

Большинство экспертов (90%) подтверждает тезис о необходимости системной подготовки детей с особыми потребностями к взрослой самостоятельной жизни. При этом теоретики акцентируют внимание на необходимости работы с каждым особым ребёнком. Лучшим комментарием к рисунку может служить цитата респондента: «Сначала необходимо наладить инфраструктуру и специальную помощь, а уже потом работать с родителями, а потом с личностными качествами детей. Пока нет среды, бесполезно работать с личностью» (анкета эксперта-теоретика).

Среди структур, которые должны такую подготовку проводить, выделены семья (80% всех ответов), реабилитационные учреждения, центры помощи и поддержки (60%) и общество в целом (60%). Заметим, что эксперты не уделяют должного внимания некоммерческим организациям (НКО). По мнению респондентов, они не оказывают существенного влияния на улучшение жизнедеятельности инвалидов (40% всех ответов) или такое влияние незначительно (50% ответов). Более категоричны в этом вопросе практики. При осмыслении данных результатов складываются некоторые неоднозначные выводы. С одной стороны, некоммерческая организация — это наиболее «пластичная» структура, позволяющая апробировать и внедрять новые и эффективные формы работы с людьми с инвалидностью. Именно НКО разрабатывают и реализуют большинство социальных проектов, проводят общественные кампании, представляют интересы данной категории населения в процессе диалога с властными структурами. Подробная информация представлена в виде гистограммы на рис. 2.

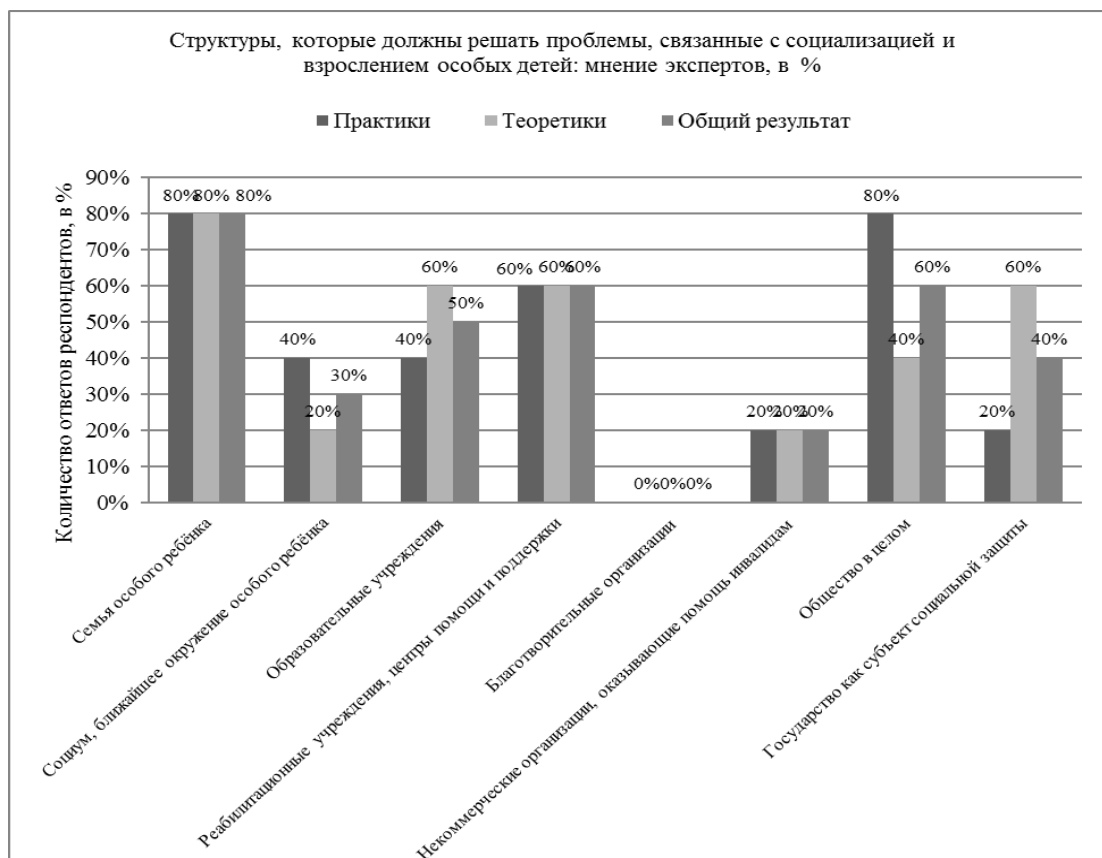

Рисунок 2. Сравнительный анализ мнений групп экспертов на основные структуры, призванные решать проблемы, связанные с взрослением и социализацией детей с особыми потребностями

Некоторый парадокс: потенциальные возможности социального проектирования экспертами отмечаются, а вот роль НКО Архангельска и области как основных исполнителей социальных проектов практически не принимается во внимание. По всей видимости, это связано с недооценкой деятельности некоммерческих организаций в социальной работе экспертами, их субъективными позициями, а также со сложностью оценки эффективности работы общественных организаций в нашем регионе. Подобные данные требуют дополнительного изучения и анализа ввиду того, что активность НКО в регионе, по нашим наблюдениям, в последнее время достаточно высока, и их влияние на социальную сферу не подвергается сомнениям. НКО — это сегодня тот социальный ресурс, который можно и нужно использовать в решении трудностей людей с ограниченными возможностями и инвалидностью.

При этом эксперты отмечали наличие ряда проблем социального проектирования в сфере работы по содействию развитию самостоятельности детей с особыми потребностями в Архангельской области: недостаточное финансирование проектов социальной сферы подобной направленности (70%), отсутствие крупномасштабных проектов, нацеленных на решение проблем детей-инвалидов (70%), отсутствие необходимого уровня освещения указанной проблемы (60%). Теоретики указывали на недостаточный учёт взаимосвязи цели, приоритетов помогающего процесса, интересов семьи и должной опоры на научные данные

(60%), практики почеркивали недостаток общественных инициатив по возможным решениям проблемы неподготовленности к взрослой жизни особых детей (60%). По мнению одного из экспертов, проблемность заключается в том, что «самостоятельность детей / людей, как научная категория, не входит в систему приоритетных направлений, которым посвящено проектирование, финансирование» (анкета эксперта из группы теоретиков).

Эксперты не приводили примеров социальных проектов, направленных на развитие самостоятельности детей с ограниченными возможностями и инвалидностью. Отмечены следующие организации, наиболее активные в городе Архангельске и Архангельской области: Архангельское региональное отделение Всероссийского общества глухих и Архангельская местная организация Всероссийского общества слепых, некоммерческая общественная организация «Мосты милосердия» (каждая из организаций указана в двух анкетах экспертов), РООРДИ «Благодея» (упоминается трижды). При этом условия для разработки и реализации социальных проектов (на примере Архангельской области), направленные на содействие развитию самостоятельности детей-северян с особыми потребностями, отмечены как скорее благоприятные (40% из числа всех ответов, при этом данный вариант чаще выбирают практики), хотя некоторые сложности подобной оценки имеют место.

Экспертами определены и наиболее актуальные направления подготовки детей с особыми потребностями в рамках социального проектирования. Прежде всего, это проекты, имеющие целью преодоление психолого-педагогической некомпетентности родителей особых детей (70% всех ответов). Данный вариант выбрали 80% практиков и 60% теоретиков. Наибольший процент у таких направлений, как социально-бытовая адаптация (60% из числа всех ответов) и развитие медико-социального и психолого-педагогического сопровождения (общий результат 60%). Существенных различий мнений теоретиков и практиков в данном вопросе практически не выявлено (см рис. 3).

Результаты подтверждают формулу, заложенную в концепции исследования: не нужно «навязывать» самостоятельности людям с ограниченными возможностями и инвалидностью, но важно создать наиболее благоприятные условия, способствующие развитию и максимальному проявлению данного качества. *«Самостоятельность нельзя развивать массово, иначе это уже не самостоятельность, а указание»*, — говорил один из экспертов. Какие социальные проекты в указанном аспекте будут особенно актуальны для Архангельского региона? Прежде всего, это те проекты, в центре которых система «Человек-Арктика», где внимание акцентируется на работе с людьми, проживающими в северных широтах с целью повышения их качества жизни и создания условий для осуществления комфортной и безопасной жизне-

деятельности. Учитывая климато-географические и экологические факторы, социально-культурные особенности, региональную специфику, можно строить работу более системно и комплексно.

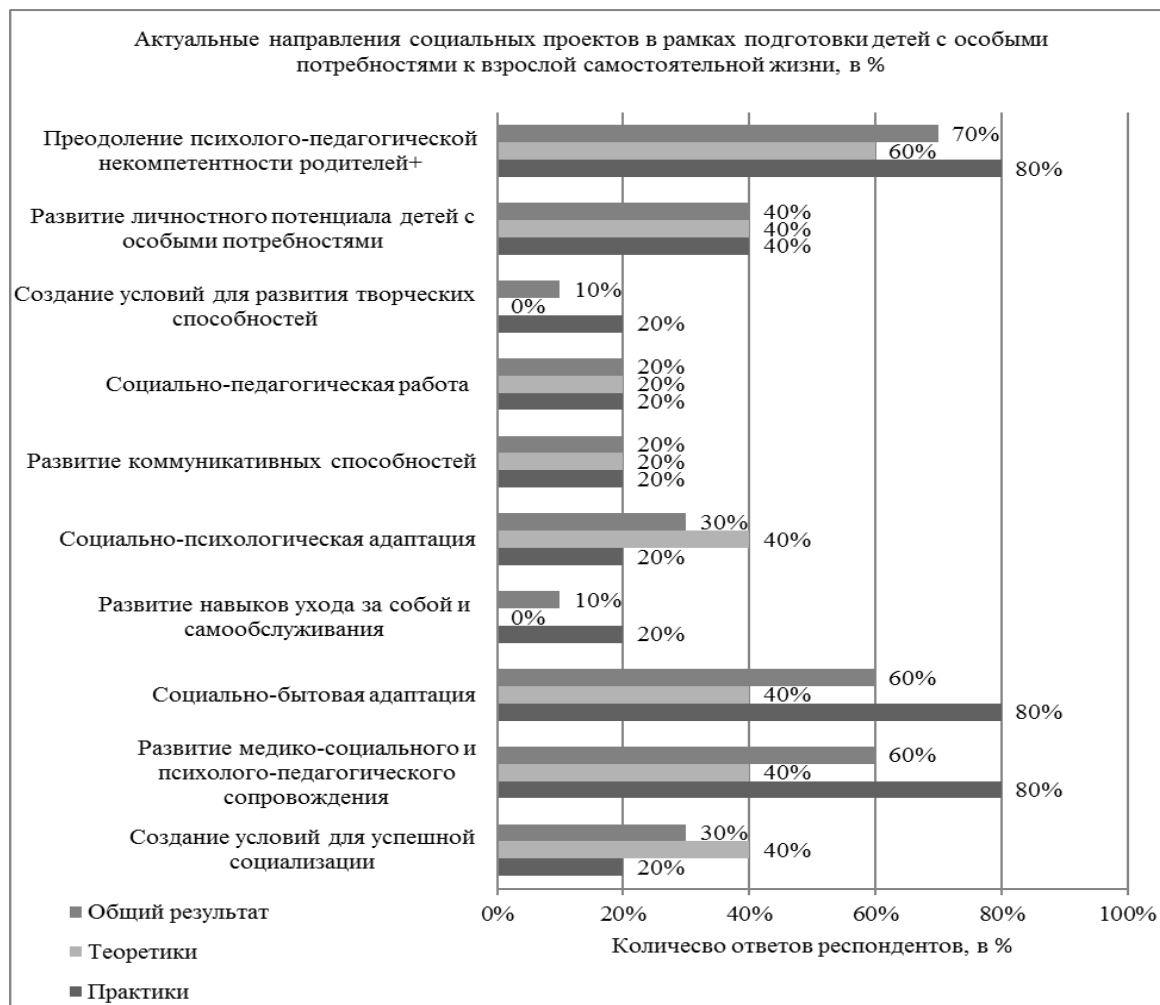

Рисунок 3. Сравнительный анализ мнений экспертов на актуальные направления социального проектирования в рамках подготовки детей с особыми потребностями к взрослой самостоятельной жизни

Нами также апробирована технология социального проектирования в рассматриваемом контексте — речь идёт о проекте «Школа самостоятельности для детей с инвалидностью на Севере», который поддержала мэрия города Архангельска для общественной организации «Благодея». Проект носил, главным образом, образовательные цели. В сентябре-октябре 2015 г. проведено три занятия — две интерактивных лекции и детско-родительская дискуссия / конференция, где мы обсуждали значимость самостоятельности для северянина, проблемы и пути развития данного качества у детей, имеющих ограничения жизнедеятельности [14, Мелкая Л.А.]. Одним из важнейших итогов реализации указанного социального проекта стало издание специально разработанных рекомендаций для родителей особых детей, педагогов и специалистов различного профиля, оказывающих помощь и поддержку детям с ограниченными возможностями и инвалидностью и их семьям [13, Мелкая Л.А., Е.В.

Рыбак Е.В.]. Книги направлены в социальные учреждения и организации города Архангельска и Архангельской области.

Методические рекомендации и перспективы исследования

Поставленную гипотезу можно считать частично доказанной. По итогам проведённого исследования разработаны специальные рекомендации, адресованные, главным образом, некоммерческим организациям. Вместе с результатами исследования в полном объёме они переданы РООРДИ «Благодея». Укажем некоторые моменты из рекомендаций. Разработка и реализация социальных проектов должна соотноситься с системой подготовки особых детей к взрослой жизни, учитывая возможности на государственном, региональном, общественном, семейном и индивидуальном уровнях. Структурам, реализующим деятельность в рамках проектов, следует выработать конкретные формы, направления работы в сфере подготовки детей с ограниченными возможностями и инвалидностью к самостоятельной жизни, которые должны быть *семейно-ориентированными*, то есть обеспечивать именно *содействие развитию самостоятельности* таких детей. Необходимо *создать условия*, чтобы семья могла эффективно выполнять свои функции (прежде всего — воспитательную) и развивать навыки самообслуживания особых детей, что создаст некий фундамент для построения других жизненных компетенций. Как мы уже отмечали, проекты, направленные на *повышение психолого-педагогической компетентности* родителей детей с особыми потребностями, здесь признаны наиболее приоритетными. Некоммерческим организациям важно обеспечить инвестирование социальных проектов, то есть проводить более активную работу по привлечению средств и ресурсов для их претворения в жизнь.

Реализовывать социальные проекты следует в тандеме с проведением *специальных исследований* различного плана, вписывающихся в указанную проблематику. В соответствии с этим, необходимо привлекать к проектной деятельности НКО учреждения высшего образования, что позволит прийти к более комплексному пониманию проблемы несамостоятельности детей с особыми потребностями и путей её решения как теоретиками, так и практиками. Публикационная активность деятелей общественных организаций (под чем мы понимаем как непосредственно само информирование о социальных проектах, итогов их реализации, так и издание научно-методологических и научно-методических работ) в этом плане будет способствовать доведению результатов до социума в целом и научного сообщества в частности. Достаточно широки *перспективы исследования*. Весьма интересными будет изучение несамостоятельности особых детей с опорой на категорию личностной беспомощности, позволяющее определить влияние травмирующих событий на развитие личности. Мож-

но также и применить дефиницию жизнестойкости, как интегральную характеристику, систему убеждений и способность личности к адаптации.

Для социальной работы особое значение будут иметь исследования, посвящённые рассмотрению самостоятельности детей-северян с особыми потребностями сквозь призму *социальной компетентности*. Такой подход позволит сформировать более чёткие теоретические позиции, выработать конкретные критерии оценки с соотносением с возрастными нормами. Особенно важно определить общие проблемные аспекты, а также частные — характерные непосредственно для того или иного вида патологии. Однако, подобные исследования могут быть проведены только в более масштабной плоскости — эта сфера исследования требует значительного вложения ресурсов, актуальна только для научного коллектива с привлечением специалистов различного профиля. *Северный контекст* здесь ни в коей мере не «притянут за уши»: учёт региональной специфики, северной ментальности играет в подготовке детей-северян с особыми потребностями к самостоятельной жизни если не ключевую, то весьма существенную роль.

Заключение

Таким образом, именно реализация технологии социального проектирования в современных реалиях весьма актуальна, обладает наибольшими возможностями и потенциалом в аспекте подготовки детей-северян с особыми потребностями к взрослой самостоятельной жизни. Социальные проекты — это те «первые ласточки», благодаря которым будет создано информационное поле, что позволит организовать дальнейшее изучение проблемы несамостоятельности детей с особыми потребностями и найти другие, более основательные, варианты её решения, организовать системную работу в этом ключе.

Социальная работа выступает здесь консолидирующим и координирующим звеном — накопление и осмысление опыта реализации специальных социальных проектов позволит далее совершенствовать работу в системе подготовки детей с особыми потребностями к взрослой самостоятельной жизни, которая на данном этапе проходит лишь стадию становления.

Арктика, северные условия проживания, дестабилизирующие процессы их взросления и социализации, напротив, могут стать *потенциальным фактором развития самостоятельности*, проявления автономии и независимости. Становление самостоятельности позволит расширить границы безопасного и комфортного осуществления жизнедеятельности северянами с ограниченными возможностями и инвалидностью. К примеру, в рамках реализации технологии социального проектирования можно создать «*Арктическую школу самостоятельности для северян с особыми потребностями*» — структуру, где можно прово-

дить специальные занятия, содействующие развитию самостоятельности и социальной компетентности особых детей, организовать специальные курсы для родителей на ту или иную тематику и так далее. Подобные проекты могут стать особенностью нашего региона, ведь люди с ограниченными возможностями и инвалидностью — составляющая человеческого капитала России, социальный ресурс, который особенно важен для Севера и Арктики.

Литература

1. Нестерова И.В. Медико-социальные аспекты инвалидизации детского населения на севере: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Волгоград, 2009. URL: <http://medical-diss.com/medicina/mediko-sotsialnye-aspekty-invalidizatsii-detskogo-naseleniya-na-severe> (дата обращения 09.07.2016).
2. Дьяченко В.Г. Руководство по социальной педиатрии / В.Г. Дьяченко, М.Ф. Рзынкина, Л.В. Солохина. Хабаровск: Издательство ГОУ ВПО Дальневосточный гос. мед. университет, 2010. 112 с.
3. Подготовка детей-инвалидов к семейной и взрослой жизни: пособие для родителей и специалистов / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой. Издание 2-е, дополненное. Саратов: ООО Издательство Научная книга, 2007. 188 с.
4. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: автореф. дис. ... докт. психол. наук. Томск, 2010. URL: <http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-01/dissertaciya-psihologiya-lichnostnoy-bespomoshch-nosti> (дата обращения 08.07.2016).
5. Данилюк А.Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. Рос. акад. образования. М.: Просвещение, 2009. 29 с.
6. Эльконин Д.Б. Взрослость, её содержание и формы проявления у подростков-пятиклассников // Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. С. 268–274.
7. Федосеева О.А. Социально-психологические особенности работы с семьёй, имеющей ребёнка-инвалида // Молодой учёный. 2013. № 2. С. 314–316.
8. Коновалова Н.Л. Изучение готовности подростков с умственной отсталостью к интеграции в социум // Ананьевские чтения — 2010. Современные прикладные направления и проблемы психологии: материалы научной конференции 19-21 октября 2010 г. Часть 2 / Отв. ред. Л.В. Цветкова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. С. 460–462.
9. Явбатырова Б.Г., Махмурова Н. Дети-инвалиды как объект социально-педагогической работы // VII Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум» — 2015. URL: <http://www.scienceforum.ru/2015/1219/12883> (дата обращения 07.07.2016).
10. Миронова М.В. Влияние семьи на жизненный путь ребёнка-инвалида: автореф. дис. ... канд. социол. наук; Екатеринбург, 2009. URL: <http://cheloveknauka.com/vliyanie-semi-na-zhiznennyy-put-rebenka-invalida> (дата обращения 09.07.2016).
11. Кулик А.А. Особенности временной перспективы семей, воспитывающих детей-инвалидов // Гуманитарный вектор. 2013. № 1 (33). С. 180–190.
12. Плохова И.А. Социальное проектирование: духовно-нравственный аспект // Казанский педагогический журнал. 2014. Т. 6. № 5. С. 178–183.
13. Особый самостоятельный ребёнок: рекомендации для педагогов и родителей / Авторы-составители Л.А. Мелкая, Е.В. Рыбак. Архангельск: Кира, 2015. 50 с.
14. Мелкая Л.А. Социальный проект «Школа самостоятельности» в системе работы по развитию самостоятельности у школьников с инвалидностью // Шаг навстречу: связь теории и практики социальной работы: Материалы научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 20-летию образования по направлению «Социальная работа» в ПГУ-САФУ имени М.В. Ломоносова (11 декабря 2015 г.) / Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова; Ин-т компл. без-ти, Каф. социал. раб. и социал. безоп.; [Отв. ред.: Н.В. Цихончик]. Архангельск [б.и.], 2016. М.: Издательство «Перо», 2016. С. 247–253.

References

1. Nesterova I.V. *Mediko-social'nye aspekty invalidizatsii detskogo naseleniya na severe*: avtoref. dis. ... kand. med. nauk, Volgograd, 2009. URL: <http://medical-diss.com/medicina/mediko-sotsialnye-aspekty-invalidizatsii-detskogo-naseleniya-na-severe> (Accessed: 09.07.2016).
2. D'yachenko V.G. *Rukovodstvo po social'noj pediatrii*, V.G. D'yachenko, M.F. Rzyankina, L.V. Solohina, Habarovsk: Izdatel'stvo GOU VPO Dal'nevostochnyj gos. med. universitet, 2010. 112 p.
3. *Podgotovka detej-invalidov k semejnoy i vzrosloy zhizni*: posobie dlya roditelej i specialistov / Pod red. E.R. YArskoj-Smirnovoj, izdanie 2-e, dopolnennoe, Saratov: OOO Izdatel'stvo Nauchnaya kniga, 2007. 188 p.
4. Ciring D.A. *Psihologiya lichnostnoj bespomoshchnosti*: avtoref. dis. ... dokt. psi-hol. nauk, Tomsk, 2010. URL: <http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-01/dissertaciya-psihologiya-lichnostnoj-bespomoshchnosti> (Accessed: 08.07.2016).
5. Danilyuk A.YA. *Koncepciya duhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii v sfere obshchego obrazovaniya*: proekt, A.Ya. Danilyuk, A.M. Kondakov, V.A. Tishkov. Ros. akad. Obrazovaniya, M., Prosveshchenie, 2009, 29 p.
6. Ehl'konin D.B. *Vzroslost', eyo sodержanie i formy proyavleniya u podrostkov-pyatiklassnikov, Izbrannye psihologicheskie trudy*, M.: Pedagogika, 1989, pp. 268–274.
7. Fedoseeva O.A. Social'no-psihologicheskie osobennosti raboty s sem'oy, imeyushchej rebyonka-invalida, *Molodoj uchyonyj*, 2013, № 2, pp. 314–316.
8. Konovalova N.L. Izuchenie gotovnosti podrostkov s umstvennoj otstalost'yu k integracii v socium. *Anan'evskie chteniya — 2010. Sovremennye prikladnye napravleniya i problemy psihologii: materialy nauchnoj konferencii 19-21 oktyabrya 2010 g. Chast' 2*, Otv. red. L.V. Cvetkova. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2010, pp. 460–462.
9. YAvbatyrova B.G., Mahmurova N. Deti-invalidy kak ob"ekt social'no-pedagogicheskoy raboty // *VII Mezhdunarodnaya studencheskaya ehlektronnaya nauchnaya konferenciya «Studencheskij nauchnyj forum» — 2015*. URL: <http://www.scienceforum.ru/2015/1219/12883> (Accessed: 07.07.2016).
10. Mironova M.V. *Vliyanie sem'i na zhiznennyj put' rebyonka-invalida*: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk; Ekaterinburg, 2009. URL: <http://cheloveknauka.com/vliyanie-semi-na-zhiznennyj-put-rebenka-invalida> (Accessed: 09.07.2016).
11. Kulik A.A. Osobennosti vremennoj perspektivy semej, vospityvayushchih detej-invalidov, *Gumanitarnyj vector*, 2013, № 1 (33), pp. 180–190.
12. Plohova I.A. Social'noe proektirovanie: duhovno-nravstvennyj aspekt, *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 2014, T. 6, № 5, pp. 178–183.
13. *Osobyj samostoyatel'nyj rebyonok: rekomendacii dlya pedagogov i roditelej*, Avtory-sostaviteli L.A. Melkaya, E.V. Rybak. Arhangel'sk: Kira, 2015, 50 p.
14. Melkaya L.A. Social'nyj proekt «SHkola samostoyatel'nosti» v sisteme raboty po razvitiyu samostoyatel'nosti u shkol'nikov s invalidnost'yu // *SHag navstrechu: svyaz' teorii i praktiki social'noj raboty: Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchyonnoj 20-letiyu obrazovaniya po napravleniyu «Social'naya rabota» v PGU-SAFU imeni M.V. Lomonosova (11 dekabrya 2015 g.)*, Sev. (Arkt.) feder. un-t im. M.V. Lomonosova; In-t kompl. bez-ti, Kaf. social. rab. i social. bezop.; [Otv. red.: N.V. Cihonchik]. Arhangel'sk [b.i.], 2016, M.: Izdatel'stvo «Pero», 2016, pp. 247–253.

УДК 323.1

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.137

Этнонациональная политика Республики Коми: нормативное и инфраструктурное обеспечение¹

© **Минчук Олег Викторович**, ассистент кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова. Тел. +7 921 246 55 85. E-mail: minchuk-oleg@rambler.ru

Аннотация. К Арктической зоне Российской Федерации в Республике Коми относится территория муниципального образования городского округа «Воркута». Говорить о некоей специфической «арктической» этнонациональной политике в этом муниципальном образовании,

отличной от модели республиканского масштаба, не приходится. Поэтому исследуется этнонациональная политика в целом всей республики, а затем раскрываются её особенности в МО ГО «Воркута», входящем в АЗРФ. Анализ перечня нормативных и стратегических документов, отражающих специфику данного вопроса, в совокупности с существующей разветвлённой инфраструктурой, позволяет сделать вывод о сформированности региональной модели этнополитики в Республике Коми. При этом отмечается несогласованность ряда документов друг с другом, отдельные несоответствия федеральным стандартам этнополитики. Этнополитика в МО ГО «Воркута» в целом осуществляется в рамках регионального тренда. Нормативное обеспечение включает в себя различные муниципальные программы и планы. Делается вывод о необходимости совершенствования концептуальных основ арктического вектора этнополитики.

Ключевые слова: Республика Коми, Воркута, этнонациональная политика

Ethnonational policy of the Komi Republic: normative and infrastructural support

© **Oleg V. Minchuk**, Assistant of the Department of Social Work and Social Security of Lomonosov Northern (Arctic) Federal University. Tel. +7 921 246 55 85. E-mail: minchuk-oleg@rambler.ru

Abstract. The territory of the municipality of the city district "Vorkuta" is referred to the Arctic zone of the Russian Federation in the Komi Republic. It is not necessary to talk about some specific "Arctic" ethnonational policy in that municipality, different from the model of the national scale. Therefore, ethnonational policy is analyzed in general for the whole Republic, and then its features are revealed in the municipality "Vorkuta," which is the part of the Russian Arctic. The analysis of the list of regulating and strategic documents reflecting the specifics of the matter, together with an extensive existing infrastructure, allows to conclude about the formation of a regional model of ethnic policy in the Komi Republic. In addition, the incoordination of a number of documents is noted, as well as some inconsistencies of ethno policy to federal standards. Ethno policy in municipality "Vorkuta" is generally carried out in the framework of a regional trend. Standard maintenance includes various municipal programs and plans. The conclusion about the need to improve the conceptual foundations of the Arctic vector of ethno policy has been made.

Keywords: Komi Republic, Vorkuta, ethnonational policy

В современных геополитических условиях, наряду с наращиванием силового присутствия и активизации промышленного освоения сухопутных и морских территорий Россий-

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда — проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов».

ской Арктики, одним из определяющих факторов успешности данных процессов становится фактор стабильности межнациональных отношений. Этнонациональная, или, согласно официальной терминологии, национальная политика в Российской Федерации (РФ) в конце 2012 г. обрела стратегию, срок действия которой обозначен до 2025 г.² В связи с этим на уровне субъектов РФ началась интенсивная нормотворческая деятельность по выработке различных стратегических планов, концепций и подобного рода документов, реализующих или обеспечивающих реализацию обозначенных в стратегии целей и задач. Это относится и к регионам Арктической зоны России, этнокультурный ландшафт которых на протяжении последних 20 лет продолжает стремительно меняться [1, Зайков К.С., Тамицкий А.М]. В связи с этим вопрос о качестве нормативного и инфраструктурного обеспечения этнонациональной политики в Арктике и на Севере России представляет теоретический и практический интерес.

В соответствии с указом Президента РФ от 02 мая 2014 г. № 296 к АЗРФ в Республике Коми (РК) относится территория муниципального образования городского округа «Воркута». Население МО ГО «Воркута» составляет 81 442 человек. Здесь проживают представители более 100 национальностей, среди которых русские — 66%, украинцы — 6,8%, татары — 2,5%, коми — 1,5%, белорусы — 1,3% и др.³ Несмотря на особый правовой статус городского округа «Воркута», говорить о некой специфической «арктической» этнонациональной политике, отличной от модели республиканского масштаба, не приходится. Поэтому сконцентрируем первоначально внимание на этнонациональной политике Республике Коми в целом.

Этнонациональная политика Республики Коми

За последние несколько лет этнонациональное строительство в РК пополнилось рядом программных документов. В декабре 2013 г. Правительство РК приняло региональную программу «Республика Коми — территория межнационального мира и согласия (2014-2020 гг.)» (далее — «Программа РК 2020»)⁴. В апреле 2015 г. распоряжением Правительства РК № 133-р была утверждена «Стратегия национальной политики в Республике Коми на период до 2025 года» (далее — «Стратегия РК 2025»)⁵. «Стратегия РК 2025» как концептуаль-

² Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 13.10.2016). — Примечание редакции журнала «Арктика и Север».

³ Реализация государственной национальной политики в Республике Коми: практики муниципальных образований. Информационный бюллетень, Ноябрь 2015. URL: <http://kultura.mouhta.ru/addinfo/nka/%D0%B8%D0%B1%20%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf> (дата обращения: 12.10.2016).

⁴ URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW096&n=122194&rnd=228224103737438&from=87939-0#0> (дата обращения: 13.10.2016). — Примечание редакции журнала «Арктика и Север».

⁵ Утверждена Стратегия национальной политики в Республике Коми на период до 2025 года // Новости. Официальный портал Республика Коми URL: <http://rkomi.ru/news/29131/> (дата обращения: 30.07.2016).

ный документ выполняет две основные функции: инструментальную и идеологическую, формирующую определённое качество этнонациональных отношений, «укрепление государственного единства и целостности РФ, формирование общероссийской гражданской идентичности многонационального по своему составу населения Республики Коми, развитие национальных языков и культур её народов»⁶. Тренд подобного функционального наполнения присущ большинству аналогичных документов, в основу которых заложен принцип «стыковок» или «совмещения», с одной стороны, общих конституционных принципов (соблюдение прав и свобод граждан, правовой характер государства, государственный суверенитет), с другой — необходимости решения конкретных политических и экономических задач, в том числе на региональном уровне.

Инструментальная функция выражается в решении таких задач, как совершенствование государственного управления в сфере государственной национальной политики и информационное обеспечение её реализации, а также совершенствование взаимодействия госорганов и органов местного самоуправления с институтами гражданского общества. Показательно, что и сама «Стратегия РК 2025», согласно официальным заявлениям, принималась в РК в процессе серьёзной и вдумчивой работы научного и экспертного сообщества и широкого общественного обсуждения. Это говорит либо о внимании власти к мнению непосредственных объектов национальной политики (национальные меньшинства, коренные народы, коми народ), либо является грамотным использованием политтехнологий манипулирования общественным мнением. Несмотря на простоту указанной дихотомии, первый случай также имеет свои подводные камни. В научной литературе существует мнение, что чрезмерное административное влияние этнических антрепренеров делают этнические организации органической частью политического дизайна российских регионов, а сама этнополитика вместо однозначной ориентации на интересы общества и государства (и, как следствие, на укрепление общероссийской идентичности) в большей мере ориентируется на удовлетворение интересов отдельных этнических групп и их лидеров (т. е., по существу, на усиленное воспроизводство культурной отличительности и ослабление интеграционных тенденций в российском обществе) [2, Шабает Ю.П., Садохин А.П.]. Другими словами, и тактика создания видимости общественного диалога с властью, и лоббирование этнических интересов по средствам административного ресурса является серьёзным риском проведения эф-

⁶ Стратегия национальной политики в Республике Коми на период до 2025 года. URL: <http://law.rkomi.ru/files/44/17501.pdf> (дата обращения: 13.10.2016). — Примечание редакции журнала «Арктика и Север».

фективной этнополитики в Республике Коми, учитывая особенности её этнонационального ландшафта и, что очень важно, правового статуса коми народа.

Формирующая функция «Стратегии РК 2025» осуществляется путём достижения следующих задач:

- ✓ обеспечение равноправия граждан, реализации их конституционных прав, обеспечению межнационального мира и согласия, гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений;
- ✓ сохранения и развитию этнокультурного многообразия народов, проживающих на территории Республики Коми;
- ✓ развития системы этнокультурного образования, гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения;
- ✓ обеспечение оптимальных условий для сохранения и развития государственных языков Республики Коми.

Совершенствование государственного управления в сфере государственной национальной политики — это задача, которая по своей сути является перманентной. Наиболее осязаемые в практическом плане формулировки касаются необходимости осуществления дополнительного профессионального образования государственных служащих, методического обеспечения деятельности специалистов в сфере национальной политики и, конечно же, проведения мониторинга межэтнических и межконфессиональных отношений. В РК уже сложилась традиция ежегодного мониторинга по «замеру» национальной напряжённости в регионе. Впервые такой «замер» был осуществлен в 2008 г. [3, Фаузер В.В.].

Основа национального колорита Республики Коми закреплена в её Конституции. В статье 3 указано, что «образование Республики Коми и её название связаны с исконным проживанием на её территории коми народа»⁷. Подобная норма-декларация является юридическим закреплением коллективного права на этническую идентичность, при этом являясь продолжением конституционных принципов РФ. Стоит отметить, что позитивное абстрагирование коми народа от других народов в законе свидетельствует о его важнейшей роли в историческом формировании территории Коми, а также неоспоримой претензии на этническое доминирование, что подтверждается и признанием коми языка, наряду с русским, государственным языком.

Данные задачи не выходят за рамки государственной национальной стратегии РФ. Есть несколько вполне ощутимых минусов в механизме их достижения. В целом в качестве инструмента реализации республиканской стратегии используются региональные програм-

⁷ Конституция Республики Коми. URL: <http://docs.cntd.ru/document/951600634> (дата обращения: 13.10.2016). — Примечание редакции журнала «Арктика и Север».

мы, мероприятия госпрограмм и муниципальных программ МО Республики Коми. Также существует «План мероприятий по реализации в 2016-2018 годах на территории Республики Коми Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года», утвержденный распоряжением Правительства РК № 117-р от 29 марта 2016 г.⁸. Из названия и содержания очевидно, что это «дорожная карта» государственной национальной политики РК, но этот план формально никак не связан со «Стратегией РК 2025», так как реализует не её, а стратегию государственной национальной политики РФ (ГНП РФ)⁹. Остаётся неясной и юридическая сущность «Стратегии РК 2025». По критериям, определённым федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в РФ», она не относится к документам стратегического планирования, а в стратегии ГНП РФ в качестве инструментов реализации на региональном и муниципальном уровнях предусматриваются региональные и муниципальные целевые программы.

Говоря о самом механизме реализации, который прослеживается в упомянутом плане мероприятий, то, например, равноправие граждан, реализация их конституционных прав в сфере государственной национальной политики обеспечивается только одним видом мероприятия, а именно мониторингом обращений граждан о фактах нарушений принципа равноправия независимо от расы, национальности, языка при приёме на работу, при замещении должностей государственной гражданской службы и муниципальной службы. То есть по логике авторов плана обеспечение прав граждан — это процесс пассивного наблюдения, что совершенно неприемлемо в правовом государстве. Возможным дополнением к механизму могли стать положения о создании условий в рамках законодательства РФ и РК, для обеспечения равноправия в рассматриваемой сфере или же разработаны и рекомендованы профилактические меры в этом отношении¹⁰.

В «Стратегии РК 2025» практически не были учтены некоторые моменты федеральной стратегии, а именно в задачах не упоминаются коренные малочисленные народы (упоминаются только в принципах) и миграционный аспект этнонациональной политики. Миграция является риском для межэтнических отношений. В 2014 г. на миграционный учёт в г. Воркута по

⁸ План мероприятий по реализации в 2016-2018 годах на территории Республики Коми Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/438845934> (дата обращения: 13.10.2016). — Примечание редакции журнала «Арктика и Север».

⁹ В пункте первом плана мероприятий определено: «Реализация региональной программы Республики Коми по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Коми — территория межнационального мира и согласия (2014-2020 годы)». URL: <http://docs.cntd.ru/document/438845934> (дата обращения: 13.10.2016). — Примечание редакции журнала «Арктика и Север».

¹⁰ План мероприятий включает 60 пунктов в XII разделах по совершенствованию государственного управления, обеспечению равноправия граждан, реализации их конституционных прав, содействию сохранению и развития этнокультурного многообразия и др. — Примечание редакции журнала «Арктика и Север».

данным УФМС России по Республике Коми поставлено 5 416 иностранных граждан и лиц без гражданства, в 2012 г. было 4 457, в 2013 г. — 4 504. Из них наибольшее количество — граждане Украины: в 2012 — 1 468, 2013 — 1 578, в 2014 — 2 926 чел.; Узбекистана: в 2012 — 1 096, 2013 — 669, 2014 — 338 чел.; Азербайджана: в 2012 — 647, 2013 — 656, 2014 — 554 чел.; Киргизии: в 2012 — 330, 2013 — 570, 2014 — 746 чел.¹¹. В плане предусмотрен ряд мероприятий, направленных на социальную и культурную адаптацию мигрантов. Среди них можно выделить правовое просвещение иностранных граждан, методическую поддержку и развитие сотрудничества с национально-культурными автономиями и общинами. Ключевым моментом является деятельность по легализации пребывания иностранных граждан на территории России. Речь здесь идёт об эффективной и оперативной организации деятельности по подготовке и проведению комплексного экзамена.

Вопрос о не включении в стратегию задачи по устойчивому развитию и поддержки коренных малочисленных народах Севера, проживающих на территории РК, вызывает недоумение. Так, согласно Конституции РК, в совместном ведении Российской Федерации и Республики Коми находится, в том числе, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей, к которым относятся проживающие на территории Коми ненцы, ханты, вепсы. В 2011 г. был принят закон «Об оленеводстве в Республике Коми», устанавливающий социальные и экономические меры поддержки оленеводов. К тому же одной из задач Министерства национальной политики Республики Коми является содействие сохранению исконной среды обитания и традиционного образа жизни, социально-культурному развитию представителей коренных малочисленных народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Коми.

Таким образом, можно утверждать, что «Стратегии 2025» не в полной мере отражает всю специфику этнонационального вопроса в РК и является своеобразным паллиативом в его нормативном обеспечении. Можно согласиться с мнением, что очевидна необходимость внести существенные коррективы как в концептуальные подходы, так и в механизмы реализации государственной национальной политики, реализуемой в Республике Коми, привести их в соответствие с целями и задачами, сформулированными в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [4, Рожкин Е.Н., Шабает Ю.П. С. 40].

¹¹ Справка УФМС России по Республике Коми. 18 сент.2015. — Примечание редакции журнала «Арктика и Север».

«Программа РК 2020», являясь полноценным документом стратегического планирования, постулирует такие задачи, как: обеспечение межнационального мира и согласия, гармонизации межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений; обеспечение этнокультурного и языкового развития коренных этносов и других народов, проживающих на территории Республики Коми. Различные аспекты национальной политики отражены ещё в 6 государственных программах, затрагивающих все сферы жизнедеятельности: «Культура Республики Коми», «Развитие образования», «Развитие системы государственного и муниципального управления», «Защита населения и территорий Республики Коми от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах», «Развитие экономики», «Развитие физической культуры и спорта». Комплекс представленных программ составляет структуру фондирования (финансового обеспечения) этнонациональной политики в РК. В перечне актов этнонационального строительства можно также указать «План мероприятий по реализации Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года в Республике Коми на 2015-2020 годы», утверждённый распоряжением Правительства РК от 12 августа 2015 г. и Комплекс мер по развитию традиционной культуры народов России в РК на 2015-2017 гг., утверждённый распоряжением Правительства РК от 29 декабря 2014 г.

Реализацией направлений этнонациональной политики осуществляется органами законодательной и исполнительной власти Республики Коми во взаимодействии с государственными органами, органами местного самоуправления, институтами гражданского общества. На совершенствование этого механизма направлена инструментальная функция, заложенная в «Стратегии 2025». Инфраструктура этнонациональной политики в Республике Коми включает в себя, прежде всего, Министерство национальной политики РК и подведомственные ему учреждения (ГБУ РК «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина», ГАУ РК «Дом дружбы народов Республики Коми»), а также Агентство Республики Коми по туризму, которое осуществляет функции и полномочия учредителя государственного автономного учреждения Республики Коми «Финно-угорский этнокультурный парк». В структуру Миннаца РК входят отдел анализа и прогнозирования национальных отношений, отдел государственных языков и отдел по работе с национально-культурными и религиозными объединениями. Основными задачами деятельности Министерства являются:

- ✓ обеспечение в пределах своих полномочий государственных гарантий равенства прав, свобод и законных интересов человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств;

- ✓ обеспечение условий для сохранения и развития национальной самобытности, языка и культуры коми народа, а также языков и культуры других народов, проживающих в Республике Коми;
- ✓ создание условий для поддержания этнических групп коми, проживающих за пределами Республики Коми, и поддержки соотечественников, проживающих за рубежом;
- ✓ обеспечение условий для развития этнокультурных, научных и деловых связей с регионами и странами финно-угорского мира и создания в Республике Коми целостной системы финно-угорского сотрудничества;
- ✓ содействие сохранению исконной среды обитания и традиционного образа жизни, социально-культурному развитию представителей коренных малочисленных народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Коми.

При министерстве образован общественный совет, главной функцией которого является общественный контроль и вовлечение некоммерческого/неправительственного сектора в процесс реализации национальной политики. Региональная этнокультурная инфраструктура включает двадцать три центра национальных культур во всех муниципалитетах республики.

Общественная этнонациональная политика представлена акторами различных форм организации. В основном это национально-культурные автономии и национально-культурные общественные объединения. На всей территории РК, по официальным данным, существует 51 общественное объединение. Анализ реестра зарегистрированных некоммерческих организаций на информационном портале Министерства юстиции РФ показал, что 32 объединения являются зарегистрированными, остальные 29 регистрации не имеют. Говоря о роли общественных акторов, стоит сказать, что по данным официальных отчётов известно, что представители этнообщественных организаций входят в составы общественных советов всех органов исполнительной власти РК, участвующих в реализации государственной национальной политики. При Общественной палате РК действует Комиссия по правовым вопросам, этике, межнациональным и межконфессиональным отношениям. Общественники активно привлекаются при разработке республиканских нормативно-правовых актов, отражающих сферу межнациональных отношений.

Таким образом, этнонациональная политика Республики Коми имеет солидный перечень нормативных и стратегических документов, в целом отражающих специфику данного вопроса в регионе, и в совокупности с разветвлённой инфраструктурой дают некоторым исследователям сделать вывод о сформированности региональной модели этнополитики [4, Рожкин Е.Н., Шабает Ю.П.]. Но в тоже время присутствуют такие проблемы, как несогласованность ряда документов друг с другом, а в некоторых частях и несоответствие федеральным стандартам этнополитики. На наш взгляд, саму модель нельзя охарактеризовать как-то

однозначно. С одной стороны, пусть и декларативно, но заложена тенденция к формированию общегражданской идентичности, с другой задачи, механизмы и практики этнополитики свидетельствуют о сохранении алармистского подхода¹². При оценке состояния этноконфессиональных отношений по итогам 2015 г., например, отмечалось, что в Республике Коми, несмотря на спокойную ситуацию, отсутствие фактов конфликтов на национальной почве, выявляются негативные проявления, присутствует латентная напряжённость¹³. Согласно последним официальным отчётам в сфере национальной политики, как в 2014, так и в 2015 г., в Республике Коми отмечается сохранение стабильной ситуации в сфере межнациональных отношений, низкий уровень межнациональной напряжённости и полное отсутствие конфликтов на национальной и религиозной почве. В тоже время, в материалах мониторинга, систематически приводящегося Институтом языка, литературы и истории Коми, научного центра Уральского отделения РАН, указывается, что латентная межэтническая конфликтность в Республике Коми существует. Данные разных социологических исследований показывают, что этнические предубеждения и интолерантные настроения, представляющие угрозу для позитивного межэтнического взаимодействия, свойственны значительной доле респондентов [4, Рожкин Е.Н., Шабает Ю.П.]. Подобное расхождение в оценках между различными субъектами этнополитических процессов (властные структуры и научное сообщество) лишь подтверждает мнение о том, что бюрократическая традиция заставляет не только «визуализировать» национальную политику, но и идеализировать характер межэтнических отношений в национальных республиках, что не помогает решать наиболее сложные проблемы реальной этнополитики [2, Шабает Ю.П., Садохин А.П.].

Особенности этнонациональной политики в Воркуте

Этнополитика в Воркуте в целом осуществляется в рамках регионального тренда. Нормативное обеспечение включает в себя различные муниципальные программы и планы. Среди них можно выделить программы «Обеспечение безопасности населения и территории муниципального образования городского округа «Воркута» 2015 г.; «Развитие социальной сферы» 2015 года; «Развитие культуры» 2013 г. и План мероприятий по реализации в 2014-2016 годах на территории МОГО «Воркута» Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. К особенностям этнонационального ландшафта относится: низкий процент коми народа (1,5%); территория проживания коренных малочисленных

¹² Алармистский — тревожный, отражающий ложную тревогу, боязни чего-либо в настоящем и будущем.

¹³ В Коми подвели итоги реализации Стратегии государственной национальной политики в 2015 г. URL: <http://finugor.ru/news/v-komi-podveli-itogi-realizacii-strategii-gosudarstvennoy-nacionalnoy-politiki-v-2015-godu> (дата обращения: 12.11.2016). — Примечание редакции журнала «Арктика и Север».

народов; незначительная доля численности иностранных граждан (3,4%); высокий уровень толерантности населения независимо от национальности и вероисповедания.

В рамках Региональной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Республики Коми на период до 2020 года» постулируется необходимость соблюдения интересов населения Арктической зоны РК. Задачи в рамках этнонациональной политики направлены на развитие традиционных отраслей хозяйствования, обеспечивающих укрепление занятости и самозанятости коренных малочисленных народов и других этнических общностей, проживающих в Арктической зоне Республики Коми, защита их исконной среды обитания и традиционного образа жизни. По официальным данным, в этих целях оказывается содействие в содержании и развитии факторий, повышения доступа к образовательным услугам, модернизируется социальная инфраструктура на территориях компактного проживания малочисленных народов ¹⁴.

В городе Воркуте действует санаторная школа-интернат № 1, которая является единственным в республике детским учреждением, создающим условия для адаптации к современным условиям жизни детей коренных малочисленных народов Севера (ненцев), сохраняя и развивая при этом их традиционный уклад жизни. Реализуются проекты, направленные на сохранение традиционных видов хозяйствования, промыслов и ремесел.

Вопросами национальной политики занимается отдел социальной политики администрации муниципального образования городского округа «Воркута». Какого-то профильного подразделения, в том числе по КМНС, не существует. Реализацией национальной политики в сфере сохранения, развития и изучения языков народов, проживающих в РК, традиционной и современной культуры народного творчества народов РК и зарубежья занимается муниципальное бюджетное учреждение культуры «Городской центр национальных культур и досуговой деятельности». В августе 2013 г. был сформирован оперативный штаб для анализа информации и оперативного реагирования на предотвращение возможности межнационального конфликта на территории городского округа «Воркута». К сожалению, следов его работы на данный момент обнаружить не удалось.

Анализ данных мониторинга в сфере межнациональных отношений в Республике Коми и, в частности в МО ГО «Воркута», позволяет говорить о их спокойном и стабильном характере, что в целом указывает на адекватность нормативного и инфраструктурного обеспе-

¹⁴ Информационный бюллетень «Реализация государственной национальной политики в Республике Коми: практики муниципальных образований». Ноябрь, 2015 год. URL: <http://minnats.rkomi.ru/page/13828/> (дата обращения: 30.07.2016)

чения данной сферы. В тоже время, среди рисков стоит выделить сложную экономическую (трудоустройство) и демографическую ситуацию (отрицательную миграцию).

Некоммерческий сектор представлен несколькими культурно-национальными объединениями (отделение МОД «Коми войтыр», еврейское общество «Шалом», татаро-башкирское общество «Чулпан», казачье братство «Спас», Воркутинская общественная организация «Украина», немецкое общество «Возрождение», общество «Дагестан», общество «Кэргэзстан»).

В **заключение** можно отметить, что опыт Республики Коми по нормативному и инфраструктурному обеспечению этнонациональной политики является одним из передовых как на Северо-Западе, так и в субъектах, территории которых включены в АЗРФ. Но в тоже время существует необходимость совершенствования концептуальных основ именно арктического вектора этнополитики.

Литература

1. Зайков К.С., Тамицкий А.М. Межнациональные отношения в Российской Арктике: состояние и перспективы // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2015. № 5 (604). С. 46–51.
2. Шабает Ю.П., Садохин А.П. Локальные проблемы реализации государственной национальной политики Российской Федерации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2014. Т. 10. № 1. С. 5–30.
3. Фаузер В.В. Мониторинг экономических и социальных процессов (на примере межнациональных отношений) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. №6 (24) С. 110–123. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-ekonomicheskikh-i-sotsialnyh-protsessov-na-primere-mezhnatsionalnyh-otnosheniy#ixzz4Gl4iaBtd> (дата обращения: 03.08.2016).
4. Рожкин Е.Н., Шабает Ю.П. Мониторинг ситуации в сфере межнациональных отношений в Республике Коми: информационный бюллетень. Спецвыпуск / Отв. ред. Е.Н. Рожкин. Сыктывкар, 2014. Вып. 5. 44 с.

References

1. Zajkov K.S., Tamickij A.M. Mezhnacionalnye otnosheniya v rossijskoj Arktike: sostoyanie i perspektivy, *Analiticheskij vestnik Soveta Federacii Federalnogo Sobraniya RF*, 2015, № 5 (604), pp. 46–51.
2. Shabaev Yu.P., Sadohin A.P. Lokalnye problemy realizacii gosudarstvennoj nacionalnoj politiki Rossijskoj Federacii, *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2014, T. 10, № 1, pp. 5–30.
3. Fauzer V.V. Monitoring ekonomicheskikh i socialnyh processov (na primere mezhnacionalnyh otnoshenij), *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 2012, №6 (24), pp. 110-123. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-ekonomicheskikh-i-sotsialnyh-protsessov-na-primere-mezhnatsionalnyh-otnosheniy#ixzz4Gl4iaBtd> (Accessed: 03 August 2016).
4. Rozhkin E.N., Shabaev Yu.P. *Monitoring situacii v sfere mezhnacionalnyh otnoshenij v Respublike Komi: informacionnyj byulleten. Specvypusk* / Отв. ред. Е.Н. Рожкин, Сыктывкар, 2014, вып. 5, 44 p.

УДК 338.2

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.148

Формирование опорных зон в Арктике: методология и практика

© **Смирнова Ольга Олеговна**, доктор экономических наук, руководитель Отделения макроэкономического прогнозирования, стратегического планирования и пространственного развития ФГБНИУ Совет по изучению производительных сил (СОПС) Минэкономразвития России. E-mail: 7823091@mail.ru

© **Липина Светлана Артуровна**, доктор экономических наук, заведующая научно-исследовательской лабораторией Высшей школы государственного управления РАНХиГС, Директор Центра стратегического управления и пространственного развития

ФГБНИУ СОПС Минэкономразвития России. E-mail: s.lipina@mail.ru

© **Кудряшова Елена Владимировна**, доктор философских наук, профессор, ректор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск. E-mail: e.kudryashova@narfu.ru

© **Крейденко Татьяна Федоровна**, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов, ведущий научный сотрудник Центра стратегического управления и пространственного развития ФГБНИУ СОПС Минэкономразвития России. E-mail: t.krejdenko@mail.ru

© **Богданова Юлия Николаевна**, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник Отделения макроэкономического прогнозирования, стратегического планирования и пространственного развития ФГБНИУ СОПС Минэкономразвития России. E-mail: nojuli@yandex.ru

Аннотация. Основой методологического подхода в формировании опорных зон является вектор развития территории как целостного проекта по принципу обеспечения взаимоувязки всех «отраслевых» мероприятий на этапах планирования, целеполагания, финансирования и реализации, что позволит сократить все виды затрат и издержек. Все проекты, входящие в эти опорные территории, должны быть нацелены на развитие арктического макрорегиона в целом, а не только на решение отдельных отраслевых задач. Формирование опорных зон направлено на достижение единой глобальной цели — повышение эффективности и диверсификации экономики Арктической зоны России, ориентированное на сохранение и развитие Северного морского пути.

Ключевые слова: Арктика, опорные зоны, стратегическое планирование, СМП, региональная экономика, пространственное развитие, национальная безопасность, государственная программа, развитие Северного морского пути

Creation of development zones in the Arctic: methodology and practice

© **Olga O. Smirnova**, Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of Macroeconomic Forecasting, Strategic Planning and Spatial Development of FPFRI of CSPF, Ministry of Economic Development of Russia. E-mail: 7823091@mail.ru

© **Svetlana A. Lipina**, Doctor of Economic Sciences, Head of scientific-research laboratory of the Higher School of the State Management of RANERA, Director of the Center of Strategic Management and Spatial Development of CSPF of The Ministry of Economic Development of Russia. E-mail: s.lipina@mail.ru

© **Elena V. Kudryashova**, Doctor of Philosophy, Professor, Rector of Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk. E-mail: e.kudryashova@narfu.ru

© **Tatyana F. Krejdenko**, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Geography, the Russian University of Peoples' Friendship, leading researcher of the Center for Strategic Management and Spatial Development of CSPF of The Ministry of Economic Development of Russia; Moscow. E-mail: t.krejdenko@mail.ru

© **Yulia N. Bogdanova**, Candidate of Technical Sciences, leading researcher of the Department of Macroeconomic Forecasting, Strategic Planning and Spatial Development of FPFSRI of CSPF, Ministry of Economic Development of Russia. Moscow. E-mail: nojuli@yandex.ru

Abstract. The article describes the basic principles and methodological bases of formation and development of the supporting areas of the Russian Arctic. The work emphasizes that the basis of the methodological approach in the formation of the supporting areas is a vector of development of the territory as an integral project on the principle of coordination of all "industrial" activities in the planning, goal-setting, financing and implementation, which will allow to reduce all kinds of costs and expenses, as well as all the projects included in the supporting areas should be aimed at the development of the macro-region as a whole, not just to solve individual tasks of the industry. The article underlines that the formation of the supporting areas is aimed at achieving a single global goal - to encourage efficiency and diversification of the economy of the Arctic zone, oriented to the preservation and development of the Northern Sea Route.

Keywords: *Arctic, supporting areas, strategic planning, the NSR, regional economics, spatial development, national security, the government program, the development of the Northern Sea Route*

Комплекс базовых стратегических документов Арктической зоны состоит из «Основ государственной политики в Арктике» (2008), «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» (2013), и государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» (2014). Однако, весь перечень инструментов достижения базовых стратегических целей в Арктике гораздо шире. Они отражены в стратегиях и программах федерального и регионального уровня, в стратегиях развития отраслей экономики и социальной сферы и федеральных округов. Комплекс вопросов в рамках стратегического планирования включает вопросы бюджетирования и мониторинга, взаимодействия средне- и долгосрочного планирования, реализации принципов сбалансированности, согласованности [1, Смирнова О.О.]. В связи с этим было бы целесообразно провести анализ не только стратегических документов министерств, ведомств, федеральных округов и субъектов РФ на предмет единства стратегических целей развития АЗРФ, но и анализ всех средств, выделяемых через федеральные и региональные программы на развитие территорий арктической зоны, реестр финансируемых из бюджетов разных уровней объектов капитального строительства, социальных программ и др. [1, Смирнова О.О.]. Это позволит консолидировать усилия на конкретных приоритетных направлениях, создавая мультипликативный эффект развития без дополнительных расходов средств федерального бюджета.

та, сконцентрировать усилия на отдельных точках роста в Российской Арктике, реализуя проектный подход.

На сентябрь 2016 г. в Правительстве РФ находился актуализированный проект Плана мероприятий по реализации Стратегии, в котором определены ответственные исполнители, сроки реализации и мероприятия по выполнению ключевых положений Стратегии. Как результат, установленные государством приоритеты получили своё конкретное выражение в этом документе. Завершается разработка федерального закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации». Таким образом, Арктика выделена в качестве приоритета государственной политики, а деятельность государственных органов на арктическом направлении практически встраивается в рамки, определённые стратегическими и нормативными документами.

***Новая редакция Госпрограммы «Социально-экономическое развитие
Арктической зоны Российской Федерации» на период до 2030 года***

Ключевым инструментом в реализации комплексного развития Арктической зоны призвана на практике стать новая редакция Государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». Проект данной госпрограммы отличается от предыдущей, которая носила исключительно аналитический характер. В рамках новой редакции ГП планируется предусмотреть выделение финансирования, будут определены целевые показатели, которые позволят осуществлять мониторинг её эффективности. Резко актуализируется проблематика, связанная с уточнением перечня приоритетных комплексных инвестиционных проектов, обладающих значительных мультипликативным эффектом и способных стать «драйверами» комплексного социально-экономического развития макрорегиона, их увязкой с общегосударственными, отраслевыми и корпоративными стратегиями, программами и планами.

В новую редакцию госпрограммы РФ предполагается включить в числе 5-ти подпрограмм: «Сбалансированное социально-экономическое развитие и обеспечение национальной безопасности. Формирование опорных зон развития Арктики и обеспечение их функционирования» [2, Смирнова О.О.]. В части финансирования госпрограммы необходимо отметить специфику арктической зоны. Деятельность крупных компаний на территории создаваемых опорных зон определяет структуру финансирования в рамках госпрограммы, где подавляющее большинство средств составляют внебюджетные средства. Полноправными участниками проектов при создании опорных зон развития в рамках ГП становятся регионы и

бизнес, работающий в Арктике. Речь идёт о проектах, на реализацию которых должны быть направлены усилия всех «интересантов»: государства (в лице как федеральных, так и региональных органов власти), бизнеса и населения. Базовым отличием формирующейся госпрограммы о социально-экономическом развитии АЗРФ стал новый, комплексный подход к развитию конкретных территорий в Арктике. Исходя из существующего административно-территориального деления, функционирования транспортных узлов, включая Северный морской путь, и ресурсной базы, Минэкономразвития России на заседании президиума Госкомиссии в марте 2016 г. был предложен новый механизм регионального развития — «опорные зоны».

Восемь опорных зон Российской Арктики

В настоящее время определены восемь «опорных зон» в 8 субъектах АЗРФ. Эти зоны указаны на карте АЗРФ (рис. 1).

Рисунок 1. Карта опорных зон АЗРФ.

1. *Кольская опорная зона.* Преимуществами данной «опорной зоны» выступает выгодное географическое положение, незамерзающие круглогодичные порты, наличие запасов полезных ископаемых, а также относительно развитая транспортная, энергетическая, промышленная, научная и образовательная инфраструктура.

2. *Архангельская опорная зона* характеризуется выгодным географическим положением, связанным с хорошо развитой железнодорожной инфраструктурой и круглогодичным портом (ноябрь — март только для судов ледового класса или с ледокольной проводкой).

3. *Ненецкая опорная зона* включает в себя ряд перспективных направлений развития экономики, в первую очередь связанных с развитием Северного морского пути и добычи полезных ископаемых.

4. *Воркутинская опорная зона* включает в себя муниципальное образование городской округ «Воркута» (МО ГО Воркута) Республики Коми.

5. *Ямало-Ненецкая опорная зона* является одной из наиболее перспективных и способна обеспечить стабильным грузопотоком порты Севморпути.

6. *Таймыро-Туруханская опорная зона* на территории Красноярского края имеет ресурсодобывающую и промышленную направленности. В её состав входит крупная агломерация в Арктике — Норильский промышленный район (с центром в г. Норильск).

7. *Северо-Якутская опорная зона* в Республике Саха (Якутия) центром которой является одна из ключевых точек восточной части Северного морского пути — порт Тикси.

8. *Чукотская опорная зона*, на её территории расположен ряд системообразующих для Чукотского автономного округа объектов транспортной инфраструктуры, которые могут стать основными точками роста в восточном секторе Северного морского пути и Арктической зоне Российской Федерации¹.

Формирование «опорных зон развития Арктики» предусматривает подход к развитию территории как целостного проекта по принципу обеспечения взаимоувязки всех «отраслевых» мероприятий на этапах планирования, целеполагания, финансирования и реализации, что позволит сократить все виды затрат и издержек. Это будут проекты федерального значения, так как в первую очередь они должны быть нацелены на развитие арктического макрорегиона в целом, а не только решение отдельных отраслевых задач. Опорные зоны будут влиять и на развитие «тяготеющих территорий», хозяйственная деятельность которых напрямую зависит от состояния АЗРФ и её инфраструктуры. Ориентация опорных зон на морские порты Северного морского пути позволит активизировать деятельность судостроительных и судоремонтных предприятий как арктической зоны, так и в других субъектах РФ. Комплексные проекты обеспечивают взаимоувязку мероприятий по созданию арктической транспортной системы, развитие энергетической инфраструктуры, объектов промышленности, синхронное взаимоувязанное применение действующих инструментов территориального развития и механизмов поддержки реализации инвестиционных проектов. Каждый про-

¹ Улюкаев А.В., выступая на совещании с членами Правительства в Кремле 07.09.2016, отметил: «Для сопряжения проектов, для того, чтобы использовать синергию, которая здесь может возникать, принята концепция опорных зон развития Арктического региона. Это *Кольская, Чукотская, Северо-Якутская, Ямальская, Таймырская, Ненецкая*, в которых возможно развитие проектов на основе общих инфраструктур, что существенно экономит первоначальные финансовые затраты».

ект — это вклад в вопросы как развития опорной зоны, так и Северного морского пути » [2, Смирнова О.О.].

Такой комплексный подход на практике очень сложен не столько финансово, сколько с точки зрения обеспечения координации всех участников процесса с тем, чтобы не упустить из виду ни одной детали. Поэтому основная задача при формировании госпрограммы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» — синхронизация мероприятий по срокам для получения комплексных и межрегиональных эффектов при реализации программы.

Арктические проекты в опорных зонах

В настоящее время определяются т.н. «якорные проекты», источники и объёмы финансирования. На основании предложений органов власти и управления на федеральном и региональном уровнях, а также ОАО «РЖД», ПАО «ГМК «Норильский Никель», АК «АЛРОСА», ПАО «Газпром», ПАО «Лукойл», ПАО «НОВАТЭК» был сформирован перечень реализуемых или запланированных к реализации на территории АЗРФ, состоящий из 145 проектов по следующим направлениям: добыча и переработка полезных ископаемых — 38,9%; транспорт — 18%; добыча и переработка алмазов — более 15%; геологоразведка — 7%; промышленность — 5%; энергетика — 5%; рыбная промышленность и сельское хозяйство — более 4%; экология — 2%; телекоммуникации — 1,5%; туризм — менее 1%; социальная сфера — менее 1%; прочее — 2% ².

Из 145 проектов выделено 17 приоритетных: создание «Северного широтного хода», комплексное развитие Мурманского транспортного узла и строительство морского порта в п. Сабетта, «Ямал СПГ», освоение нефтяного месторождения «Приразломное» и др. В то же время, проекты строительства железнодорожной магистрали «Белкомур» и глубоководного района морского порта Архангельск, создания глубоководного морского порта Индига и железной дороги к нему, хотя и были включены в Транспортную стратегию, Стратегию социально-экономического развития СЗФО, но не имели необходимых обоснований и точных расчётов по ним, поэтому окончательные решения об их реализации не приняты ³.

В арктическом проектном менеджменте предполагается по заявлению Д.О. Рогозина 13.10.2016: «Создание проектных офисов в рамках каждого арктического субъекта, увязан-

² О перечне приоритетных проектов, реализуемых на территории Арктической зоны Российской Федерации. 19.05.2016. URL: <http://arctic.gov.ru/FilePreview/9053275b-7821-e611-80cc-e672fe4e8e4e?nodeId=7a70427c-ea71-e511-80bf-e14c6e493e30> (дата обращения: 21.10.2016). — Примечание редакции журнала «Арктика и Север».

³ Там же.

ных между собой единой системой управления, а также экономической, транспортной и социальной инфраструктурой»⁴.

Национальный арктический образовательный консорциум

Внешние и внутренние вызовы, создание опорных зон, комплексное развитие Российской Арктики ставит новые задачи и перед наукой, требует современных, инновационных технологий для эффективного хозяйствования в экстремальных условиях. Роль кадрового обеспечения в контексте проектного подхода к социально-экономическому развитию Арктической зоны России становится определяющей в судьбе того или иного проекта, арктические проекты фактически формируют заказ на кадры, предполагается создавать условия для развития в первую очередь тех территорий, которые обладают кадровым потенциалом [3, Цыбульский А.В., Фишкин Д.О., с.43].

Консолидирующей силой для научного и кадрового освоения Арктики является «Национальный арктический образовательный консорциум», создаваемый на базе САФУ им. М.В.Ломоносова [4, Кудряшова Е.В., с. 25]. Деятельность Консорциума направлена на создание условий для межведомственной координации образовательных, научных, производственных организаций, сотрудничество с органами власти, бизнес-сообществом в Арктике, объединение имеющихся ресурсов всех заинтересованных организаций [5, Кудряшова Е.В., Тюкина С.Л., с. 179].

Данный проект имеет все основания и возможности войти в число приоритетных мегапроектов в рамках новой редакции Госпрограммы по социально-экономическому развитию АЗРФ на всех трёх этапах её развития: 2017–2020 гг., 2021–2025 гг., 2026–2030 гг.

Севморпуть — ключевой национальный мегапроект

Одним из масштабных национальных проектов в Арктике, ключевым связующим элементом всех восьми создаваемых опорных зон, безусловно, является Северный морской путь и основные морские порты на его трассе.

О его значимости В.В. Путин говорил, выступая ещё в 2011 г. на Международном Арктическом форуме в Архангельске: «Северный морской путь... мы намерены превратить в один из ключевых торговых маршрутов, причём глобального значения и глобального масштаба. ... В целом считаю, что именно транспорт — создание новых морских, воздушных ко-

⁴ Rogozin: В Арктике будут созданы «проектные офисы». URL: <http://ru.arctic.ru/infrastructure/20161013/464888.html> (дата обращения: 21.10.2016).

ридоров — способен стать одним из прорывных проектов, объединяющих арктические государства»⁵.

В июне 2015 г. Правительством РФ был одобрен комплексный проект развития СМП, предусматривающий самый широкий набор мероприятий: от развития портовой инфраструктуры и навигационного обеспечения до аварийно-спасательных мер и строительства современной морской техники⁶.

Минвостокразвития России при участии аналитического центра при Правительстве РФ разработал в 2016 г. финансово-экономическую модель Севморпути (ФЭМ СМП) в качестве конкурентного транспортного коридора глобального значения, в том числе для контейнерных перевозок. Эта модель обсуждалась в рамках 2-го Восточного экономического форума во Владивостоке. Инвестиционные затраты на реализацию только основной части проекта превращения Севморпути в транспортный коридор глобального значения составят 114,5 млрд рублей⁷. ФЭМ СМП была передана Японскому банку для международного развития (JBIC), что позволит по мнению Минвостокразвития перейти к принятию конкретных инвестиционных решений.

Модернизация и реконструкция всей системы СМП, как главной широтной транспортной магистрали в Арктике, связующего звена между российским Дальним Востоком и западными районами страны, безусловно направлена и на осуществление эффективных межконтинентальных транспортных связей между Европой, Азией и Америкой. Одним из вызовов проекта инновационного развития Севморпути становится разработка комплексной арктической геоинформационной системы, где главной составляющей становится модернизация навигационной, в том числе и военно-пограничной инфраструктуры двойного назначения [6, Липина С.А., с. 72].

Заключение

Комплексный подход, балансировка отраслевого и территориального подходов призваны обеспечить синергетический эффект как развития северных территорий (опорных зон АЗРФ), так и активизацию деятельности на СМП, особенно в его восточном секторе. Решая поставленные задачи, уже сегодня «опорные зоны» и развитие СМП необходимо рассмат-

⁵ Председатель Правительства РФ В.В. Путин принял участие во втором международном арктическом форуме «Арктика – территория диалога». URL: <http://archive.government.ru/docs/16536/print/> (дата обращения: 21.10. 2016).

⁶ Справка о Комплексном проекте развития Северного морского пути. 8 июня 2015. URL: <http://government.ru/orders/selection/405/18405/> (дата обращения: 21.10.2016).

⁷ Севморпуть как транспортный коридор глобального значения. URL: <http://oko-planet.su/finances/financescrisis/335006-sevmorput-kak-transportnyy-koridor-globalnogo-znacheniya.html> (дата обращения: 21.10. 2016).

ривать как звенья одной цепи, потому что рост объём перевалки грузов и рост транзита через СМП предполагает использование возможностей портов в бассейне СЛО.

Исключительно важно партнерство бизнеса и органов государственного и муниципального управления, согласование планов крупных компаний, корпораций и иных стратегических документов федерального и регионального уровня в социально-экономическом развитии АЗРФ в связи с тем, что инвестиции направляются на реализацию приоритетных проектов в опорных зонах.

При разработке перспективных углеводородных проектов в опорных зонах, особенно связанных с добычей углеводородов на континентальном шельфе Арктики, сегодня необходимо учитывать, что поступательное развитие мировой энергетики сопровождается структурной перестройкой топливно-энергетического баланса, изменением роли и значения отдельных энергоносителей. Себестоимость товаров и услуг, производимых в условиях высоких широт, значительно выше, что создает определенные сложности в их конкурентоспособности [7, Липина С.А., Смирнова О.О.]. Нельзя сбрасывать со счетов социально-экономические последствия глобального изменения климата, уменьшение площади льда и изменения в условиях судоходства в акватории морей Северного Ледовитого океана.

Литература

1. Смирнова О.О. Вопросы реализации комплексного подхода по стратегированию, бюджетированию, мониторингу на территории Арктической зоны Российской Федерации // *Novainfo.Ru* 2016 г. Т.1. № 43. С. 185–187. URL: <http://novainfo.ru/article/5059> (дата обращения: 21.10.2016).
2. Смирнова О.О. Опорные зоны Арктики: проекты и перспективы / форум «Арктические проекты — сегодня и завтра». 19 окт. 2016, г. Архангельск.
3. Цибульский А.В., Фишкин Д.О. Роль кадрового обеспечения в контексте проектного подхода к социально-экономическому развитию Арктической зоны России. // *Арктика — национальный мегапроект: кадровое обеспечение и научное сопровождение* / отв. ред. Е.В. Кудряшова. Архангельск: САФУ, 2016. С. 42–43.
4. Кудряшова Е.В. Всероссийская научно-практическая конференция «Арктика — национальный мегапроект: кадровое обеспечение и научное сопровождение»: предпосылки, содержание, основные результаты // *Арктика — национальный мегапроект: кадровое обеспечение и научное сопровождение* / отв. Ред. Е.В. Кудряшова. Архангельск: САФУ, 2016. С. 14–41.
5. Кудряшова Е.В., Тюкина С.Л. Создание Национального арктического научно-образовательного консорциума для обеспечения устойчивого развития территорий АЗРФ: сущность и содержание // *Арктика — национальный мегапроект: кадровое обеспечение и научное сопровождение* / отв. Ред. Е.В. Кудряшова. Архангельск: САФУ, 2016. С. 178–180.
6. Липина С.А. Инновационный вектор развития прибрежных территорий Российской Арктики // *Арктика и Север*. 2016. № 22. С. 66–74. URL: http://narfu.ru/upload/iblock/dd7/04_lipina.pdf (дата обращения: 21.10.2016).
7. Липина С.А., Смирнова О.О. Высокотехнологичные проекты в арктической зоне — ключевые аспекты современного геополитического партнёрства // «*European science*». № 3 (13). 2016 С. 54–57.

References

1. Smirnova O.O. Voprosy realizacii kompleksnogo podhoda po strategirovaniju, bjudzheti-rovaniju, monitoringu na territorii Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii, *Novainfo.Ru*, 2016, T.1. № 43, pp. 185-187. URL: <http://novainfo.ru/article/5059> (Accessed: 21.10.2016).
2. Smirnova O.O. *Opornye zony Arktiki: proekty i perspektivy*, forum «Arkticheskie proekty — segodnja i zavtra», 19 okt. 2016, g. Arhangel'sk.
3. Tsibul'skij A.V., Fishkin D.O. Rol' kadrovogo obespechenija v kontekste proektnogo podhoda k social'no-jekonomicheskomu razvitiyu Arkticheskoy zony Rossii, *Arktika — nacional'nyj megaproekt: kadrovoe obespechenie i nauchnoe soprovozhdenie* / otv. red. E.V. Kudrjashova. Arhangel'sk: SAFU, 2016, pp. 42–43.
4. Kudrjashova E.V. Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Arktika — nacional'nyj megaproekt: kadrovoe obespechenie i nauchnoe soprovozhdenie»: predposylki, sodержание, osnovnye rezul'taty, *Arktika — nacional'nyj megaproekt: kadrovoe obespechenie i nauchnoe soprovozhdenie* / otv. Red. E.V. Kudrjashova, Arhangel'sk: SAFU, 2016, pp. 14–41.
5. Kudrjashova E.V., Tjukina S.L. Sozdanie Nacional'nogo arkticheskogo nauchno-obrazovatel'nogo konsorciuma dlja obespechenija ustojchivogo razvitiya territorij AZRF: sushhnost' i sodержание, *Arktika — nacional'nyj megaproekt: kadrovoe obespechenie i nauchnoe soprovozhdenie* / otv. Red. E.V. Kudrjashova, Arhangel'sk: SAFU, 2016, pp. 178–180.
6. Lipina S.A. Innovacionnyj vektor razvitiya pribrezhnyh territorij Rossijskoj Arktiki, *Arktika i Sever*, 2016, № 22, pp. 66–74. URL: http://narfu.ru/upload/iblock/dd7/04_lipina.pdf (Accessed: 21.10.2016).
7. Lipina S.A., Smirnova O.O. Vysokotehnologichnye proekty v arkticheskoy zone — ključevye aspekty sovremennogo geopoliticheskogo partnjorstva, «*European science*», № 3 (13), 2016, pp. 54–57.

УДК 325.1

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.158

Миграционные процессы в Российской Арктике¹

© Соколова Флера Харисовна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: flera@atnet.ru

Аннотация. В статье на основе анализа и обобщения официальных статистических данных раскрывается динамика миграционных процессов в Российской Арктике в XXI в., что актуально в условиях интенсификации процессов перемещения населения в стране и мире, значимо в контексте защиты национальных интересов страны в Арктике и укрепления человеческого потенциала в регионе в целях обеспечения его устойчивого инновационного соци-

ально-экономического развития. Отмечается, что на протяжении всей истории освоения Арктики миграция являлась одним из важнейших факторов её социально-экономического и культурного развития. XX в. был ознаменован интенсивным миграционным притоком населения, что способствовало превращению малозаселённых территорий в промышленно и культурно развитый регион. Динамика миграционных процессов в начале XXI в. свидетельствует о противоположной тенденции. Миграционный отток населения, который несколько замедлился в первое десятилетие XXI в. (по сравнению с 1990-ми гг.), в последние годы вновь начал набирать темпы. В арктических субъектах стремительно сокращается численность населения, наблюдается тенденция оттока молодёжи и высококвалифицированных кадров. Имеющийся состав населения и трудовых иммигрантов не позволяет полностью удовлетворить потребность рынка труда в кадрах соответствующей квалификации. Регион испытывает острую потребность в государственной поддержке и чётко продуманной политике по закреплению и привлечению населения.

Ключевые слова: Российская Арктика, XXI век, народонаселение, миграция, миграционные процессы

Migration processes in the Russian Arctic

© Flera H. Sokolova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Studies, International Relations and Political Science, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University. E-mail: flera@atnet.ru

Abstract. On the basis of analyzing and summarizing of official statistics, the article reveals the dynamics of migration processes in the Russian Arctic in XXI century, which is important in conditions of intensification of population movements in the country and the world, and is significant in the context of defending the country's national interests in the Arctic and strengthening the human potential in the region in order to ensure its sustainable innovative economic and social development. It is noted that throughout the history of Arctic exploration, migration has been a major factor in its socio-economic and cultural development. XX century was marked by intensive migration of the population influx, which contributed to the transformation of sparsely populated areas into an industrially and culturally developed region. The dynamics of migration processes in the beginning of the XXI century shows the opposite trend. The migration outflow of the population, which has slowed down in the first decade of the XXI century (compared to the 1990s), in recent years has once again started to gain pace. The regions of the Arctic have a rapidly declining population, there is a trend of outflow of young and highly qualified personnel. The existing structure of the popu-

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда (проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»)

lation and labor migrants does not fully meet the labor market demand for suitably qualified personnel. The region is experiencing an acute need for government support and well-thought-out policy to consolidate and attract population.

Keywords: *the Russian Arctic, XXI century, population, migration, migration processes*

Со времён появления человечества мировое земное пространство осваивалось за счет миграций. Однако лишь на рубеже II–III тысячелетий территориальные перемещения индивидов или групп людей приобрели глобальный характер и превратились в мировую тенденцию. Согласно данным статистики глобальной миграции ООН, в 2013 г. в мире насчитывалось 232 млн мигрантов, проживающих за пределами своих стран (3,2% мирового населения), тогда как в 1990 г. их численность не превышала 154 млн чел.²

Как справедливо отмечает известный специалист в области демографии и миграционных процессов Л.Л. Рыбаковский, «интенсивность, направленность и состав миграционных потоков, её социальные, экономические и демографические последствия существенно различаются не только в разные исторические эпохи, но в странах с разным уровнем экономического развития, различными природно-географическими условиями и структурами населения» [1]. Однако в начале XXI в. очевидна масштабность и всеохватность миграционных процессов, они оказывают существенное влияние не только на конкретные страны и регионы, но и всю мировую цивилизацию в целом. С одной стороны, миграция населения ускоряет процессы глобализации, т.е. способствуют становлению целостного и взаимозависимого мира, межкультурному взаимодействию и взаимообогащению народов, формированию единой мировой экономики, более равномерному распределению трудовых ресурсов, с другой — культурные, ментальные и конфессиональные различия людей при отсутствии должной толерантности, являются благодарной почвой для межкультурных столкновений, этнокультурных и этнополитических конфликтов. Прозрачность государственных границ облегчает возможность для проникновения международного терроризма и преступности, создавая угрозу безопасности для всех стран и континентов. Знание и понимание миграционной ситуации в мире и отдельно взятой стране, регионе является основой для эффективного регулирования этих процессов.

В контексте реализации «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года»³, особую значи-

² Пресс релиз ООН по данным глобальной статистики миграции. 2013. URL: http://www.un.org/ru/ga/68/meetings/migration/pdf/internationalmigrantsworldwide_totals2013.pdf (дата обращения: 07.07.2016)

³ «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 года», утвержденная Президентом Российской Федерации 8 февраля 2013 года № Пр-232. URL: www.consultant.ru/law/review/1729879.html. <http://government.ru/info/18360/> (дата обращения: 07.07.2016)

мость приобретает проблема укрепления конкурентных преимуществ России в Арктике и защиты приграничных территорий от проникновения международного терроризма, который особенно активизировался в последние годы в контексте событий в Сирии и массовой миграции населения из зон боевых действий. В свою очередь необходимость реализации Государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года»⁴, которая ставит целью повышение уровня социально-экономического развития АЗРФ в условиях невысокого уровня рождаемости и дефицита трудовых ресурсов, актуализирует проблему наращивания человеческих ресурсов, в том числе за счёт мигрантов.

Тематика миграции и демографии населения Крайнего Севера и его регионов, включая АЗРФ, в настоящее время не обделена вниманием исследователей. Значительный интерес в этом плане представляют научные разработки Кудрявцева В.А. и Ефремова И.А. В диссертационном исследовании Кудрявцева В.А. представлен анализ демографических и миграционных процессов на Европейском Севере России в 2000–2004 гг. [2] Возрастные особенности миграционных процессов на Крайнем Севере России рассмотрены в работе Ефремова А.Г. [3, с. 54–62]. Вместе с тем, в современной историографии миграционная ситуация в арктических субъектах РФ лишь косвенно затрагивается в контексте анализа демографических процессов, факторов формирования и состояния человеческого потенциала региона [4, Сушко О.П.; 5, Шелыгин К.В.]. Наблюдается территориальная и временная ограниченность исследований. Преобладающая часть публикаций посвящена анализу миграционных процессов в конкретных северных субъектах РФ и хронологически ограничена 2010 г. [6, Константинов А.С.; 7, Назарова И.Г.; 8, Мажаров В.Ф., Григорьев Ю.А., Плотников Н.Ю., Баран О.И.; 9, Верещагин И.Ф.; 10, Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н.]. В настоящее время в научной мысли отсутствует целостное видение и понимание масштабов и динамики миграционного прироста/ оттока населения, основных путей их перемещения, сфер деятельности трудовых иммигрантов, степени соответствия их уровня образования и квалификации потребностям региона, что актуализирует настоящее исследование. Несомненно, в ограниченных рамках статьи чрезвычайно сложно рассмотреть весь комплекс поставленных проблем. Миграция населения — многомерное общественное явление. Не претендуя на полноту освещения, ав-

⁴ Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 21 апреля 2014 года № 366. URL: <http://arctic.labourmarket.ru/official-docs> (дата обращения: 07.07.2016)

тор попытается представить динамику миграционных процессов в Российской Арктике⁵ в начале XXI в., базируясь на исторических экскурсах. Концепты «Арктическая зона Российской Федерации» (АЗРФ), Российская Арктика, Арктический регион употребляются при этом как однопорядковые. К числу арктических субъектов в исследовании относятся субъекты РФ, которые входят в состав сухопутных территорий АЗРФ полностью или частично: Республики Коми и Саха (Якутии), Красноярский край, Архангельская и Мурманские области, Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Чукотский автономные округа.

Теоретическую основу исследования составили труды видных учёных в области миграции населения Денисенко М.Б., Ионцева В.А., Рыбаковского Л.Л. и др., которые признают сложность и многомерность исследуемого объекта, многообразие его видов, и под миграцией населения в широком смысле этого слова понимают любые межпоселенческие перемещения людей (внутри региона, межрегиональные, межгосударственные), а в узком значении — как законченный вид территориального перемещения, завершающийся переселением и сменой постоянного места жительства [1, Рыбаковский Л.Л.; 11, Денисенко М.Б.; 12, Ионцев В.А.].

Источниковая база исследования представлена законодательными документами, материалами Всесоюзных/Всероссийских переписей за 1989–2010 гг.; ежегодными статистическими сборниками: «Регионы России: социально-экономические показатели», «Труд и занятость в России» за 2000–2015 гг.; периодически издаваемыми статистическими бюллетенями: «Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000–2014 годах», «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 году», извлечёнными с официального сайта Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации⁶. Ценная информация о численности международных иммигрантов, целях их въезда и странах исхода за период 2012–2014 гг. была получена по официальному запросу в рамках реализации гранта от территориальных органов Федеральной миграционной службы, осуществляющих текущий учёт иностранных граждан, въехавших в регион. Данные выборочного обследования об использовании труда мигрантов в России, проведенные в 2014 г., материалы социологического опроса ведущих компаний-работодателей, осуществляющих деятельность на территории Арктической зоны РФ, позволили выявить сферы применения труда мигрантов, степень соответствия их качественного состава (квалификации и образования) запросам работодателей.

⁵ Концепты «Арктическая зона Российской Федерации» (АЗРФ), Российская Арктика, Арктический регион употребляются как однопорядковые.

⁶ Федеральная служба гос. статистики: сайт. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 14.10.2016).

Автор решал поставленные задачи, руководствуясь общенаучными, историческими и статистическими методами исследования. Использование метода сравнительного анализа, принципов непротиворечивости и взаимодополняемости источников позволяли обеспечить их репрезентативность и достоверность. В целом вся совокупность материалов, вовлеченных в научный оборот, позволила решить поставленную задачу.

Динамика миграционных процессов в XXI в.

Российская Арктика изначально, начиная с IX века её европейская часть, с XVI–XVII вв. — восточные территории, осваивалась преимущественно за счёт мигрантов. В историко-политической ретроспективе можно выделить ряд миграционных тенденций, оказавших влияние на формирование картины народонаселения исследуемой территории. *Во-первых*, вплоть до начала 1990-х гг. иммиграция в Арктический регион преобладала над эмиграцией. Наблюдалось систематическое наращивание человеческого потенциала как за счёт положительной динамики естественного прироста, так и путем добровольных, принудительных и вынужденных миграций. Добровольная личностно-мотивированная миграция присутствовала на всем историческом промежутке освоения Арктики. Одновременно на протяжении XX в. была чётко выражена государственная политика поощрительной иммиграции в регион. Это — программа переселения крестьян в Сибирь и Дальний Восток в рамках реализации столыпинской аграрной реформы; поощрение советским государством системой льгот и преференций притока населения в северные циркумполярные территории в целях освоения её природных ресурсов.

Во-вторых, миграционный фон Российской Арктики в значительной мере определяла принудительная миграция. Как в дореволюционный период, так и в советские годы арктические регионы были местом политической ссылки. Переселение, как казалось власти, не вполне лояльных власти людей, приобрело значительные масштабы в 1930–1950-х гг. Массовое переселение на Север раскулаченных крестьян в период коллективизации, создание разветвлённой сети лагерей ГУЛАГа при всей трагичности социальных последствий способствовали экономическому освоению региона. Согласно данным, представленным в публикации В.В. Фаузера, только в Коми АССР на начало 1941 г. было размещено 11,2 тыс. ссыльных, 37,8 тыс. спецпереселенцев и 249,3 тыс. заключённых, всего — 298,3 тыс. человек подневольного труда [10, с. 156]. Вынужденные миграции были не столь масштабны, но особенно проявлялись в годы Первой и Второй мировых войн, когда из зоны активных боевых действий на Крайний Север уехало население приграничных территорий, а также в годы гражданской войны и иностранной интервенции.

В-третьих, очевидна неравномерность миграционных процессов во временном и территориальном пространстве. В 1930–1960-х гг. миграционные процессы более интенсивно проявлялись в Европейской части Российской Арктики (Архангельская, Мурманская области, Республика Коми), начиная с 1970–1980-х гг. и особенно в XXI в. вектор миграции повернул на северо-восточные территории, особенно в Ямало-Ненецкий АО. Существенное влияние на направленность и масштабы миграционных процессов в арктическом регионе оказала экспортно-сырьевая экономическая парадигма государства. В первой половине XX в. интенсивно за счёт мигрантов осваивались востребованные на мировых рынках ресурсы Европейского Севера России лес, каменный уголь, металлы и минералы. С 70-х гг. XX в. интерес государства к нефтегазодобывающим отраслям, добыче золота, алмазов, цветных металлов Северо-Восточной части страны предопределил смену вектора миграции.

На протяжении XX в. наблюдался систематический миграционный прирост населения в Арктический регион. Начиная с 1990-х гг. наметилась обратная тенденция, которая не преодолена в настоящее время. Несмотря на то, что в 2011–2012 гг. в большинстве субъектов АЗРФ наметилась положительная демографическая динамика, стремительно сокращается численность населения. Так, за период 1989–2002 гг. общая численность населения здесь сократилась с 9,4 млн. чел. до 7,8 млн. чел., за 2002–2014 годы ещё на 3 млн. чел.⁷. Эмиграция из региона существенно возобладала над иммиграцией. В 2000 г. в арктические субъекты прибыло 114 514 чел., выбыло 154 906 чел., в 2014 г. соответственно прибыло 186 649 чел., выбыло 250 352 чел. Исключением является Ненецкий АО, где с 2009 г. наблюдается незначительная, но устойчивая динамика миграционного прироста населения. Только за период 2008–2014 гг. чистая миграционная убыль населения составила 293,7 тыс. чел. Правда, в 2000–2010 гг. во всех субъектах АЗРФ сокращается численность лиц, вовлеченных в территориальные перемещения, что было обусловлено экономическим кризисом в стране, однако с 2011 гг. масштабы миграции начинают нарастать вновь. К примеру, в 2010 г. в исследуемый регион прибыло 78 014 чел. (68% от уровня 2000 г.), выбыло 97 893 (63,2% от уровня 2000 г.). За период 2011–2014 гг. число прибывших по сравнению с 2010 г. возросло на 239,3%, выбывших — на 255,7%⁸.

⁷ Подсчитано автором по: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу. Демоскоп №651-652, 24 августа - 6 сентября 2015 г. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 10.09.2015); Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000–2014 годах. Оценка численности постоянного населения. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_22/Main.htm (дата обращения: 18.07.2016).

⁸ Подсчитано автором по: Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000–2014 годах. Общие итоги миграции населения. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_22/Main.htm (дата обращения: 18.07.2016)

Специфика арктического региона — высокая миграционная активность населения. Среди территорий Крайнего Севера арктические субъекты⁹ являются лидерами по количеству лиц, вовлеченных в территориальные перемещения. Так, за период 2000–2014 гг. в Республику Саха (Якутия) въехало 222 493 чел. (23% населения), в 2014 г. выехало 289 593 (30% населения); в Ненецкий АО прибыло 12 178 чел. (28% населения), выбыло 12 433 (28,6% населения), в Ямало-Ненецком АО — прибыло 236 331 чел. (43,7% населения), выбыло 257 655 чел (47,7% населения)¹⁰.

Интенсивность миграционного обмена обусловлена рядом факторов. Среди них: внутрирегиональная миграция (сельского населения в города, переезд населения в более благополучные территории субъекта, кочевая миграция коренных малочисленных народов и др.); отток молодёжи в перспективные регионы страны; выезд лиц, пенсионного возраста в благоприятные климатические зоны, вахтовый метод трудовой деятельности. По официальным данным, в Арктической зоне РФ вахтовым методом трудится 14% списочного состава работников организаций, в Ямало-Ненецком округе их численность достигает 46%, в Ненецком АО — 25%, в Республике Саха (Якутия) — 20%¹¹.

Выезду из арктического региона способствует и современная политика государства, направленная на поддержку граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. Настоящая политическая практика стартовала в 2002 г. с принятием Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей», с некоторыми изменениями и дополнениями она продолжает реализовываться в настоящее время¹².

Анализ распределения числа прибывших/выбывших по направлениям передвижения по арктическим субъектам чрезвычайно разнообразен и обусловлен спецификой экономического развития территории, уровнем и качеством жизни населения, особенностями трудовой деятельности. В Республике Саха (Якутия) и Красноярском крае, имеющих обширные, неравномерно развитые территории, преобладают внутрирегиональные перемещения населения, в Республике Коми и Архангельской области более выражены внутрирегиональная иммиграция сельского населения в города и межрегиональная эмиграция из депрессив-

⁹ Все субъекты АЗРФ входят в состав районов Крайнего Севера.

¹⁰ Подсчитано автором по: Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000-2014 годах. Общие итоги миграции населения. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_22/Main.htm (дата обращения: 18.07.2016)

¹¹ Кадровое обеспечение для развития Арктической зоны России. URL: <http://arctic.labourmarket.ru/interview/results> (дата обращения: 19.07.2016)

¹² «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей». ФЗ РФ №125 от 25.10.2002. URL: <https://rg.ru/2002/10/31/subs-dok.html> (дата обращения 19.07.2016)

ных регионов. Для Мурманской области, Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Чукотского АО, где развит вахтовый метод работы, характерна межрегиональная миграция¹³.

Международные миграции в арктическом регионе в целом незначительны и ниже общероссийских показателей. Так, в РФ удельный вес международных эмигрантов от общего числа выехавших составил в 2014 г. 7,1%, удельный вес прибывших из-за рубежа в РФ — 12,5%. В среднем по арктическому региону 4,3% и 9,3% соответственно. Исключением является Ямало-Ненецкий АО, где удельный вес международных мигрантов существенно выше общероссийских значений: 18,5% и 28,4% соответственно, что обусловлено интенсивным въездом и выездом зарубежных специалистов для работы на совместных нефтегазодобывающих предприятиях¹⁴.

Международные перемещения населения в стране и регионе в исследуемый период носили волнообразный характер и были обусловлены общей политической и экономической ситуацией на постсоветском пространстве, стране и регионах. В 1990-х гг. в связи с падением железного занавеса, распадом СССР, либерализацией всех сфер общественной жизни их интенсивность существенно возрастает. Наблюдается возвращение соотечественников из стран ближнего зарубежья, в свою очередь нарастает тенденция оттока из России и её регионов выходцев из стран дальнего зарубежья (немцы, евреи и др.) и бывших союзных республик. В 2000-х гг. в связи со стабилизацией социально-экономической ситуации в стране масштабы международной миграции существенно сокращаются, но в последние годы в связи с событиями на Украине и нарастанием кризисных явлений в экономике вновь набирают темпы. Так, в 2000 г. в целом по стране удельный вес иммигрантов от общего числа прибывших составлял 13,5%, в 2005 — 8,5%, в 2010 — 9,1%, в 2014 — 12,5%. Удельный вес эмигрантов среди общего числа выбывших: 2000 — 6,0%, 2011 — 1,2%, 2014 — 7,1%¹⁵. Аналогичная тенденция наблюдается в арктических субъектах РФ. В среднем по региону удельный вес международных иммигрантов от общего числа прибывших в регион в 2000 г. составил 10,8%, в 2010

¹³ Выявлено автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели 2015. Распределение числа прибывших и выбывших по направлениям передвижения. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm (дата обращения: 18.07.2016)

¹⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели 2015. Распределение числа прибывших и выбывших по направлениям передвижения. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm (дата обращения: 18.07.2016)

¹⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011 год. Распределение числа мигрантов по направлениям передвижения. (в процентах от общего числа прибывших и выбывших). URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/03-13.htm (дата обращения 18.07.2016). Регионы России. Социально-экономические показатели 2015. Распределение числа прибывших и выбывших по направлениям передвижения. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm (дата обращения: 18.07.2016)

— 7,5% в 2010 — 9,3%. Удельный вес международных эмигрантов об общего числа выбывших соответственно в 2000 — 7,1%, в 2010 — 1,5%, в 2014 — 4,3%¹⁶.

По странам исхода, в арктическом регионе, как и в целом по России, преобладает эмиграция из стран ближнего зарубежья, хотя в приграничных арктических регионах значителен удельный вес лиц из дальнего зарубежья. Так, в Архангельской области от общего числа мигрантов, поставленных на учёт в 2012 г., 38,4% являлись выходцами из стран дальнего зарубежья, в Мурманской области 58,6%. Основные страны исхода эмигрантов: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Республика Молдова, Украина. В 2014 г. в связи событиями на Украине поток выходцев из Украины в регион возрос в 1,5–2 раза¹⁷.

Анализ возрастного состава лиц, вовлечённых в миграционные процессы позволяет констатировать что более мобильной частью населения являются лица трудоспособного возраста. Так, по РФ 73,6% мигрантов — лица трудоспособного возраста. Удельный вес лиц трудоспособного возраста среди мигрантов Арктического региона превышает средние российские значения лишь в Республике Коми (75,8%), Саха (Якутия) — 81%, Ямало-Ненецком (76,7%) и Чукотском (77,8%) АО, что связано с прибытием трудоспособного населения в нефтегазодобывающие регионы, вахтовым методом работы и оттоком лиц пенсионного возраста в более благоприятные климатические регионы. В свою очередь в Архангельской области этот показатель составляет 72%, что в значительное мере обусловлено высоким уровнем безработицы, который за период 2011–2014 гг. возрос с 5,8% до 7,3%¹⁸. Однако в отличие от РФ в целом, где наблюдается миграционный приток трудоспособного населения, в арктических субъектах, за исключением Ненецкого АО и Красноярского края, очевиден отток. Только в 2014 г. чистая миграционная убыль трудоспособного населения составила 32 816 чел.¹⁹. Специфика Арктического региона — активный выезд из суровой климатической зоны лиц пенсионного возраста. Удельный вес лиц старше трудоспособного населения среди выбывающих существенно выше, чем в среднем по стране: 10,6% по региону против 9,6%

¹⁶ Подсчитано автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011 год. Распределение числа мигрантов по направлениям передвижения (в процентах от общего числа прибывших и выбывших). URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/03-13.htm (дата обращения: 18.07.2016). Регионы России. Социально-экономические показатели 2015. Распределение числа прибывших и выбывших по направлениям передвижения. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm (дата обращения: 18.07.2016).

¹⁷ Официальные данные территориальных органов Федеральной миграционной службы России за 2012–2014 гг.

¹⁸ Возрастной состав мигрантов по субъектам Российской Федерации в 2015 году. Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 году»: URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm. (дата обращения 18.07.2016). Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации 2015. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14s/Main.htm (дата обращения: 18.07.2016).

¹⁹ Там же.

по РФ²⁰. В исследуемых субъектах АЗРФ заметен отток молодёжи. Чистая миграционная убыль лиц моложе трудоспособного возраста в 2014 г. составила 4 035 чел. Однако эта тенденция в большей степени характерна для Республик Коми и Саха (Якутия), Архангельской области. В других регионах наметилась положительная миграционная динамика. Так, в Мурманской области в 2014 г. приток лиц моложе трудоспособного возраста превысил отток на 587 чел.²¹.

По целям миграция в Арктическом регионе представлена всеми её видами: трудовой, коммерческой, учебной, туристической. В регионе, где проживает значительное число коренных малочисленных народов, присутствует кочевая миграция. Трудовая международная иммиграция в регион варьируется в пределах 20-50% от общего числа прибывших в зависимости от субъекта. Так в 2014 г. 40,3% иностранных граждан, въехавших в Архангельскую область, имели целью трудовую деятельность, в Ненецкий АО — 50%, в Мурманскую область — 21,2%, в г. Воркута (Республику Коми) — 20,3%, Красноярский край — около 30%²².

В исследуемый период практически во всех арктических субъектах РФ наблюдается тенденция неуклонного увеличения числа межрегиональных трудовых мигрантов. Так, в 2005 г. в арктические субъекты РФ в целях осуществления трудовой деятельности прибыло 24,9 тыс. чел, а в 2014 г. уже 140,3 тыс. чел. В абсолютных значениях лидером по привлекательности внутрироссийских трудовых мигрантов является Ямало-Ненецкий АО, куда только в 2014 г. на работу из других регионов въехало 70,8 тыс. чел. или 50% от общей численности трудовых иммигрантов в Российскую Арктику²³.

В целом въезд трудовых иммигрантов превышает выезд из Арктического региона в несколько раз. Так, в 2005 г. выехало из арктических субъектов в другие регионы страны 4,9 тыс. трудовых мигрантов, въехало 71,9 тыс. чел. В 2014 г., соответственно 22,4 тыс. чел. и 140,3 тыс. чел. Исключением является Архангельская область, где численность выезжающих на работу в другие регионы страны превышает въезд в несколько раз, что обусловлено малой социально-экономической привлекательностью региона, высоким уровнем безработицы, сравнительно низкими заработными платами²⁴. Средняя номинальная начисленная заработная плата работников организаций в Архангельской области самая маленькая в АЗРФ, в 2014 г. она едва превышала 36 тыс. руб., а уровень безработицы максимальный — 7,3%. В

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Официальные данные территориальных органов Федеральной миграционной службы России за 2012-2014 гг.

²³ Межрегиональная трудовая миграция в Российской Федерации. // Труд и занятость в России. 2015. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_36/Main.htm (дата обращения: 18.07.2016)

²⁴ Там же.

свою очередь, чрезвычайно низок удельный вес выезжающих трудовых мигрантов из Ненецкого, Ямало-Ненецкого, Чукотского АО, где уровень заработной платы в 2 раза выше, шире возможности для трудоустройства, уровень безработицы минимален, 3–5%²⁵.

Анализ образовательного уровня мигрантов позволяет констатировать, что для Российской Арктики в целом типична одна из негативных тенденций миграции — отток высокообразованных и квалифицированных кадров, так называемая «утечка мозгов», наблюдаемая практически во всех субъектах. Только в 2014 г. чистая миграционная убыль лиц с высшим и неполным высшим образованием составила почти 13 тыс. чел., со средним профессиональным образованием — более 11 тыс. чел., с начальным профессиональным образованием — более 1 тыс. чел. Подобная тенденция чревата негативными последствиями, так как замедляет темпы инновационного социально-экономического развития АЗРФ. В свою очередь в РФ наблюдается абсолютный миграционный прирост лиц с образованием. В 2014 г. интеллектуальный потенциал страны пополнился 76 тыс. чел., имеющими высшее и неполное высшее образование, 68,6 тыс. лиц со средним профессиональным образованием²⁶.

Сферы профессиональной деятельности межрегиональных трудовых мигрантов не получили достойного отражения в официальной статистике. Имеются лишь данные выборочного обследования 2014 г. об использовании труда мигрантов предпринимателями. Они свидетельствуют, что предприниматели страны предпочитают использовать труд своих соотечественников из других регионов в сфере оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств и бытового оборудования (36,4%), в осуществлении операций с недвижимым имуществом, аренде и предоставлении услуг (18,5%), в системе услуг транспорта и связи (12,2%), обрабатывающем производстве (8,2%), строительстве (7,6%). В арктических субъектах численность российских трудовых мигрантов, привлекаемых предпринимателями чрезвычайно мала — 7,5 тыс. чел. и они преимущественно используются в сфере транспорта и связи. 76% внутрироссийских трудовых мигрантов, привлекаемых предпринимателями,

²⁵ Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000-2014 годах. Средняя номинальная начисленная заработная плата работников организаций. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_22/Main.htm (дата обращения: 18.07.2016); Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации - 2015 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14s/Main.htm (дата обращения: 18.07.2016).

²⁶ Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по уровню образования субъектам Российской Федерации в 2015 году. Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 году»: URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm (дата обращения: 18.07.2016).

работают в Ямало-Ненецком АО. Соотношение сфер деятельности применения их труда аналогично общероссийским данным²⁷.

Иностранные граждане, получившие разрешение на работу, используются в России преимущественно в сфере добычи полезных ископаемых и строительстве (27%), в качестве неквалифицированной рабочей силы во всех отраслях экономики (20,8%), специалистов среднего уровня квалификации физических и инженерных направлений деятельности (10,2%). В арктических субъектах РФ удельный вес лиц, используемых на работах по добыче полезных ископаемых и строительстве, существенно превышает средние российские значения и в целом составляет 43,5%. В конкретно-региональном срезе картина дифференцируется: Чукотский АО — 29,9%, Мурманская область — 32,3%, Ямало-Ненецкий АО — 36,9%, Ненецкий АО — 42,8%, Республика Саха (Якутия) — 65,6%, Архангельская область — 72%. Далее приоритеты работодателей в части использования труда международных иммигрантов распределяются следующим образом: водители и машинисты подвижного оборудования — 10,7%, рабочие металлообрабатывающих и машиностроительных предприятий — 9,3%, операторы, аппаратчики и машинисты промышленных установок — 5,5%, руководители учреждений, организаций, предприятий и их структурных подразделений — 4,2%, специалисты среднего уровня квалификации физических и инженерных направлений деятельности — 4%, специалисты в области естественных и инженерных наук, операторы, аппаратчики, машинисты и слесари-сборщики стационарного оборудования — по 3,8% соответственно. Следует признать, что в арктических субъектах труд неквалифицированных рабочих менее востребован. Лишь 3,5% международных иммигрантов занимаются этим видом деятельности²⁸.

Согласно официальным данным использование труда мигрантов в целом соответствует запросам рынка труда Арктической зоны РФ, иностранные граждане используются преимущественно в тех сферах, где ощущается острый дефицит кадров²⁹. По результатам опроса ведущих компаний-работодателей, осуществляющих деятельность на территории Арктической зоны РФ, в ближайшие три года в регионе будут востребованы прежде всего квалифицированные рабочие и специалисты среднего звена в следующих сферах экономической деятельности: добыча топливно-энергетических полезных ископаемых, особенно в

²⁷ Численность российских трудовых мигрантов, привлекавшихся на работу предпринимателями по видам экономической деятельности и субъектам РФ. По данным выборочного обследования об использовании труда мигрантов в 2014 г.) URL.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/imigr/index.html (дата обращения: 18.07.2016).

²⁸ Численность иностранных граждан, имеющих действующее разрешение на работу по профессиональным группам в 2014 году. По данным выборочного обследования об использовании труда мигрантов в 2014 г.) URL.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/imigr/index.html (дата обращения: 18.07.2016).

²⁹ Востребованные профессии АЗРФ. Топ 25. Кадровое обеспечение для развития Арктической зоны России. URL. <http://arctic.labourmarket.ru/prof/index> (дата обращения: 18.07.2016).

Ненецком АО и Красноярском крае, добыча полезных ископаемых кроме топливно-энергетических; металлургическое производство и производство транспортных средств и оборудования, преимущественно в Мурманской области³⁰. Успешное разрешение существующей проблемы будет возможно двумя путями: через подготовку специалистов внутри региона и путем привлечения мигрантов соответствующей квалификации.

Заключение

Подводя итоги, в целом следует отметить, что на протяжении всего исследуемого периода одним из важнейших факторов заселения и освоения территорий Крайнего Севера и Арктики являлась миграция, которая была представлена всеми её видами.

Заметное место в формировании картины народонаселения региона сыграли государственная принудительная и поощрительная миграции. Принудительные методы перемещения населения практиковались в 1930–1950-е гг., когда в арктические регионы сотнями тысяч чел. ссылались так называемые «раскулаченные крестьяне» и политические заключенные. Одновременно в 1930–1980-е гг. привлечение населения в регион осуществлялось через развитую систему льгот и социальных гарантий для лиц, проживающих и работающих в суровых северных климатических условиях.

Векторы миграции (приток/отток населения), их интенсивность напрямую зависели от государственной политики освоения циркумполярных регионов. Советская концепция базировалась на понимании необходимости комплексного социально-экономического, культурного развития и благоустройства территорий, создания соответствующих условий для лиц, живущих и работающих в регионе. Социально-экономическая привлекательность региона, высокий уровень заработной платы стимулировали приток мигрантов. Соответственно численность населения в регионе неуклонно возрастала за счет положительной демографической динамики и притока мигрантов. Начиная с 1990-х гг. в государственных кругах возобладала теория вахтового метода освоения природных ресурсов, прежде всего северо-восточных регионов, соответственно постоянное население, особенно в «старых» центрах индустриализации, оказалось брошенным на произвол судьбы. Как следствие началось стремительное сокращение населения, обусловленное отрицательной демографической и миграционной динамикой, которая не преодолена по сей день. За период 1989–2014 гг. численность населения Российской Арктики сократилась практически вдвое.

³⁰ Результаты опроса работодателей. Кадровое обеспечение для развития Арктической зоны России. URL: <http://arctic.labourmarket.ru/interview/results> (дата обращения: 18.07.2016).

Как отмечалось выше, в Арктической зоне РФ вахтовым методом трудится 14% списочного состава работников организаций, в ряде районов этот показатель превышает отметку в 40%. Несомненно, этот метод освоения ресурсов территорий обусловлен тяжелым социально-экономическим положением в стране и недостаточностью средств для комплексного развития страны и региона. Однако предпочтение вахтового метода освоения природных ресурсов без должного внимания к проблемам старожильческого населения может иметь значительные негативные последствия: обезлюдение территорий, дальнейший развал экономической и социально-культурной инфраструктуры, хищническое отношение к окружающей среде. Временно пребывающее на территории население вряд ли будет обеспокоено историческими судьбами региона.

Ситуация усугубляется оттоком из региона самой креативной и инновационной части населения, лиц с высоким уровнем образования и квалификации, что вряд ли будет способствовать укреплению позиций страны в Арктике, заметно осложнит реализацию стратегической цели — повышение уровня социально-экономического развития АЗРФ, обозначенной в Государственной программе «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года».

Трудовая иммиграция соотечественников и иностранных граждан в регион по-прежнему присутствует, что позволяет частично решать проблему дефицита трудовых ресурсов. Она более существенна в арктических субъектах нефтегазодобывающей ориентации. Регион ощущает острую потребность в государственной поддержке, без которой устойчивое социально-экономическое развитие и укрепление конкурентных преимуществ страны в Российской Арктике затруднительно. Необходима чётко продуманная политика, направленная на сохранение и закрепление населения в Арктическом регионе и одновременно привлечение мигрантов соответствующей квалификации и уровня образования.

Литература

1. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Вопросы теории. М. 2003. URL: <http://rybakovsky.ru/migracia2.html> (дата обращения: 04.08.2016)
2. Кудрявцев В.А. Миграционные процессы в районах Европейского Севера России // автореф. дисс. канд. экон. наук, М.; 2003, 22 с.
3. Ефремов И.А. Возрастные особенности миграционных процессов на Крайнем Севере России // Демоскоп Weekly. 2014. № 581-582. С. 54–62.
4. Сушко О.П. Трудовой потенциал Российской Арктики // Арктика и Север. 2014. №16. С. 72–83.
5. Шелыгин К.В. Демографические процессы на Европейском Севере России на рубеже XX-XXI веков. // Экология человека. 2010. №2. С. 54–61.
6. Константинов А.С. Социальный состав населения и миграционные процессы на Архангельском Севере по материалам переписей // Арктика и Север. 2016. № 22. С. 112–129.

7. Назарова И.Г. Российский Север: миграционные процессы и трудовой потенциал. Анализ взаимосвязи миграционных процессов и трудового потенциала Республики Коми // Российское предпринимательство. 2012. № 5. С. 172–176.
8. Мажаров В.Ф., Григорьев Ю.А., Плотников Н.Ю., Баран О.И. Динамика численности и структуры населения в социально-экономических зонах Красноярского края // Социальные аспекты здоровья населения. 2014. Т. 39. № 5. С. 1–16.
9. Верещагин И.Ф. Долговременные факторы внутрирегиональной миграции на территории Архангельской области в XX веке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2015. № 1. С. 5–14.
10. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2015. № 3. С. 151–168.
11. Денисенко, М. Б. Миграциология / М. Б. Денисенко, В. А. Ионцев, Б. С. Хорев. М.: Изд-во МГУ, 1989. 96 с.
12. Ионцев, В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ, 1999. 370 с.

References

1. Rybakovskij L.L. *Migracija naselenija. Voprosy teorii*, M.: 2003. URL: <http://rybakovsky.ru/migracia2.html> (Accessed: 04.08.2016)
2. Kudrjavcev V.A. *Migracionnye processy v rajonah Evropejskogo Severa Rossii*, avtoref. diss. kand. jekon. nauk, M.; 2003, 22 p.
3. Efremov I.A. Vozrastnye osobennosti migracionnyh processov na Krajnem Severe Rossii, *Demoskop Weekly*, 2014, № 581-582, pp. 54–62.
4. Sushko O.P. Trudovoj potencial Rossijskoj Arktiki, *Arktika i Sever*, 2014, № 16, pp. 72–83.
5. Shelygin K.V. Demograficheskie processy na Evropejskom Severe Rossii na rubezhe XX-XXI vekov, *Ekologija cheloveka*, 2010, № 2, pp. 54–61.
6. Konstantinov A.S. Social'nyj sostav naselenija i migracionnye processy na Arhangel'-skom Severe po materialam perepisej, *Arktika i Sever*, 2016, № 22, pp. 112–129.
7. Nazarova I.G. Rossijskij Sever: migracionnye processy i trudovoj potencial. Analiz vzaaimosvjazi migracionnyh processov i trudovogo potenciala Respubliki Komi, *Rossijskoe predprinimatel'stvo*, 2012, № 5, pp. 172-176.
8. Mazharov V.F., Grigor'ev Ju.A., Plotnikov N.Ju., Baran O.I. Dinamika chislennosti i struktury naselenija v social'no-jekonomicheskikh zonah Krasnojarskogo kraja, *Social'nye aspekty zdorov'ja naselenija*, 2014, T. 39, № 5, pp. 1–16.
9. Vereshhagin I.F. Dolgovremennye faktory vnutriregeional'noj migracii na territorii Arhangel'skoj oblasti v XX veke, *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija «Gumanitarnye i social'nye nauki»*, 2015, № 1, pp. 5–14.
10. Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. Gosudarstvennoe upravlenie migraciej naselenija: ot prinu-zhdenija k pooshhreniju, *Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie jekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravlenija i venchurnogo investirovanija Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, № 3, pp. 151–168.
11. Denisenko, M. B. *Migraciologija* / M. B. Denisenko, V. A. Ioncev, B. S. Horev, M.: Izd-vo MGU, 1989. 96 p.
12. Ioncev, V. A. *Mezhdunarodnaja migracija naselenija: teorija i istorija izuchenija*, M.: Dialog-MGU, 1999. 370 p.

УДК 338.1 (985)

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.173

Стратегическое позиционирование арктического региона как объекта территориального развития (на примере Хатангско-Анабарского региона)¹

© **Шишацкий Николай Георгиевич**, к.э.н., заведующий отделом экономического прогнозирования Красноярского края Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук. E-mail: nik@ksc.krasn.ru

© **Брюханова Елена Анатольевна**, научный сотрудник отдела экономического прогнозирования Красноярского края Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (ИЭОПП СО РАН). E-mail: eab@ksc.krasn.ru

© **Ефимов Валерий Сергеевич**, к.ф.м.н, директор Центра стратегических исследований и разработок Сибирского федерального университета. E-mail: efimov.val@gmail.com

© **Матвеев Александр Макарович**, научный сотрудник отдела экономического прогнозирования Красноярского края Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук. E-mail: mak-ar@ksc.krasn.ru

Аннотация. Анализируются современное состояние и проблемы социально-экономического развития региона, расположенного в арктической зоне Восточной Сибири на территории двух субъектов Российской Федерации (Красноярского края и Республики Саха (Якутия)), в бассейнах рек Хатанга и Анабар, впадающих в море Лаптевых Северного Ледовитого океана. Рассмотрены возможности, ограничения и перспективы реализации приоритетных инвестиционных проектов освоения минерально-сырьевых ресурсов региона. Показана целесообразность формирования акваториально-производственного комплекса (АТПК), основанного на использовании интегрированной транспортной логистики Северного морского пути и рациональных схем энергоснабжения в регионе. Рассмотрены научно-методические и организационно-экономические задачи по разработке стратегии формирования Хатангско-Анабарского АТПК.

Ключевые слова: стратегическое позиционирование, стратегический потенциал развития региона, приоритетные инвестиционные проекты, транспортно-энергетическая инфраструктура, Северный морской путь, акваториально-производственный комплекс (АТПК), стратегия формирования АТПК

Strategic positioning of the Arctic region as an object of territorial development (on the example of the Hatangsko-Anabarsky region)

© **Nikolay G. Shishatsky**, Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of economic forecasting of Krasnoyarsk Region, Institute of Economy and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: nik@ksc.krasn.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках научно-исследовательского проекта «Разработка долгосрочных сценариев и организационно-экономических механизмов развития Арктической зоны Красноярского края и оценка их влияния на социально-экономическое состояние и динамику Красноярского края» (проект №16-12-24007).

© **Elena A. Bryukhanova**, Research Associate of the Department of economic forecasting of Krasnoyarsk Region, Institute of economy and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: eab@ksc.krasn.ru

© **Valery S. Efimov**, Candidate of Physics and Mathematics, Director of the Center of strategic research and development of the Siberian federal university. E-mail: efimov.val@gmail.com

© **Alexander M. Matveev**, Research Associate of the Department of economic forecasting of Krasnoyarsk Region, Institute of Economy and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: makar@ksc.krasn.ru

Abstract. The paper analyzes the current state and problems of social and economic development of the region located in the Arctic zone of Eastern Siberia at the territory of two entities of the Russian Federation (Krasnoyarsk region and Republic of Sakha (Yakutia), in the catchment of rivers Khatanga and Anabar, running into Laptev Sea of the Arctic Ocean. The possibilities, restrictions and prospects of implementation of priority investment projects of development of mineral raw material resources of the region are considered. Feasibility of forming of the aqua-territorial industrial complex (ATIC) based on the use of the integrated transport logistics of the Northern Sea Route and rational schemes of power supply in the region is shown. Scientific, methodical, organizational, economic tasks on development of strategy of forming of Khatanga-Anabar ATIC are considered.

Keywords: *strategic positioning, strategic potential of development of the region, priority investment projects, transport and energy infrastructure, the Northern Sea Route, aqua-territorial industrial complex (ATIC), strategy of forming of ATIC*

Освоение арктических территорий имеет важнейшее значение для устойчивого развития России, обеспечения её геополитических интересов, обороноспособности и экологической безопасности и является одной из важнейших и сложнейших задач для России в XXI веке. Всё это делает необходимым стратегическое позиционирование Российской Арктики, позволяющее определить карту перспективных проектов освоения и развития арктических регионов. В предлагаемой статье обсуждаются возможности стратегического позиционирования одного из перспективных арктических регионов страны — Хатангско-Анабарского региона, расположенного на арктической окраине Красноярского края и Республики Саха (Якутия).

Стратегическое позиционирование региона заключается в определении возможностей и ограничений его стратегического потенциала. В рамках стратегического позиционирования необходимо определить возможности использования имеющихся природных ресурсов для формирования современных высокотехнологичных производств, определить механизмы организации процессов освоения, включая механизм государственно-частного партнёрства. Процесс стратегического позиционирования можно разделить на следующие основные этапы: 1) оценка современного социально-экономического состояния региона; 2) выявление стратегического потенциала развития и приоритетных направлений отраслевой специализации региона во внешнеэкономическом пространстве; 3) формирование рациональных кооперационных производственных и социально-экономических связей, внутроре-

гиональной и межрегиональной инфраструктуры; 4) определение организационно-экономических мер, направленных на эффективное использование стратегического потенциала региона.

**Оценка современного социально-экономического состояния
Хатангско-Анабарского региона**

Экономико-географическое положение и административно-территориальное деление. Хатангско-Анабарский регион расположен в арктической зоне Восточной Сибири. Его территория включает бассейны рек Хатанга и Анабар, впадающих в море Лаптевых Северного Ледовитого океана. Перспективная специализация и возможности интегрированного развития хозяйства территорий, тяготеющих к Северному морскому пути в западной акватории моря Лаптевых, определили общность их ресурсного потенциала, предпосылок развития, социально-экономических проблем и путей их решения. Эти же факторы обусловили целесообразность рассмотрения названных территорий в качестве единого экономико-географического региона и предопределили его название — Хатангско-Анабарский регион. Общая площадь Хатангско-Анабарского региона составляет 482 тыс. кв. км, а численность населения на 01.01.2016 г. насчитывала 8 902 человек, в том числе 6 919 представителей коренных малочисленных народов Севера (КМНС). В границах региона находятся один муниципальный район Республики Саха (Якутия) (Анабарский улус) и два сельских поселения — сельское поселение Хатанга Таймырского муниципального района Красноярского края и Жилиндинский наслег Оленекского улуса Республики Саха (Якутия) (таб. 1) ².

Таблица 1

*Административно-территориальное деление и численность населения
Хатангско-Анабарского региона (на 01.01.2016)*

Административно-территориальные единицы	Административный центр	Количество населённых пунктов	Площадь, тыс. кв. км	Численность населения, чел.
<u>Красноярский край</u>				
Сельское поселение Хатанга Таймырского муниципального района	Хатанга	9	336,4	4788
<u>Республика Саха (Якутия)</u>				
Анабарский улус	Саскылах	2	55,6	3430
Жилиндинский наслег Оленекского улуса	Жилинда	1	90,0	684
Всего		12	482,0	8902

Географическое положение Хатангско-Анабарского региона характеризуется отдалённостью от промышленных центров и рынков сбыта для выпускаемой продукции (таб. 2).

² Здесь и далее: в качестве статистической базы исследования использованы данные Федеральной службы государственной статистики РФ, в том числе Базы данных показателей муниципальных образований URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 16.08.2016)

Таблица 2

Таблица расстояний (км по карте)

	Красноярск	Якутск	Санкт-Петербург	Мурманск	Владивосток
Хатанга	1 914	1 551	3 300	2 475	3 597
Саскылах	2 046	1 265	3 696	2 838	3 366
Жилинда	1 914	1 155	3 729	2 904	3 234

Для региона свойственны крайне высокая территориальная разобщённость и труднодоступность населённых пунктов, удалённость от административных центров поселений. Между поселениями и населёнными пунктами в пределах поселений нет постоянных автодорог, межпоселенческих и внутрипоселенческих инфраструктурных связей, затруднено межселенное социальное и культурно-бытовое обслуживание населения.

Территории Хатангско-Анабарского региона являются оторванными от значимых транспортных коммуникаций. Регион не имеет круглогодичной связи с ближайшими железнодорожными терминалами (Якутск, Усть-Кут, Красноярск (Лесосибирск)), отсутствует круглогодичное воднотранспортное сообщение, нет надёжного автотранспортного сообщения между населёнными пунктами. Возможности морского транспорта практически не используются из-за неразвитости перевозок по Северному морскому пути и ограничений существующих морских портов Восточной Арктики.

Перспективы включения экономики региона в глобальный мир связаны, прежде всего, с развитием Северного морского пути (СМП) и созданием в регионе ориентированного на СМП транспортно-логистического узла. В более отдаленной перспективе развитие региона может идти на основе формирования наземных путей сообщения круглогодичного действия.

Расселение и демография. В структуре постоянного населения (резидентов) региона можно условно выделить две контрастных группы, существенно различающиеся характером демографического и расселенческого поведения: 1) пришлое (некоренное) население (социальные мигранты, к которым, прежде всего, можно отнести русское и якутское население, а также представителей ряда других значимых национальностей регионов Сибири и Российской Федерации в целом); 2) коренное население (малочисленные народы Севера (КМНС)), занимающееся преимущественно традиционными видами хозяйственной деятельности.

К населённым пунктам первого типа в Хатангско-Анабарском регионе можно отнести село Хатанга и два посёлка Каяк и Эбелях (ныне ликвидированные). К населённым пунктам второго типа — 8 сёл в Хатанском сельском поселении (Жданиха, Катырык, Кресты, Новая, Новорыбная, Попигай, Сындасско, Хета), 2 села в Анабарском улусе (Саскылах и Юрюнг-Хая) и село Жилинда в Оленекском улусе. В таб. 3 отражена динамика численности постоянного населения Хатангско-Анабарского региона за период 2002–2014 гг.

Таблица 3

*Изменение численности постоянного населения Хатангско-Анабарского региона
за период 2002-2014 гг. (оценка)*

	2002 г. (на начало года)	2015 г. (на начало года)	Изменение за период 2002-2014 гг.
Населённые пункты с преобладанием пришлого населения			
(Хатанга, Каяк, Эбелях)			
- численность, чел.	4750	1649	Снижение в 2,9 раза
-доля КМНС, %	19,3	49,2	
Населённые пункты с преобладанием КМНС			
(Жданиха, Катырык, Кресты, Новая, Новорыбная, Попигай, Сындасско, Хета, Саскылах, Юрюнг-Хая, Жилинда)			
- численность, чел.	6953	7253	+4,3%
-доля КМНС, %	85,4	84,2	
Все населённые пункты Хатангско-Анабарского региона			
- численность, чел.	11703	8902	-23,9%
-доля КМНС, %	58,6	77,7	

Анализ данных о численности и составе населения Хатангско-Анабарского региона за период 2002–2014 гг. позволяет сделать следующие выводы.

1. Происходит устойчивое снижение общей численности постоянного населения региона, прежде всего за счёт резкого уменьшения пришлого населения. Численность КМНС остаётся относительно стабильной. Село Хатанга резко уменьшило численность проживающего в нем населения в результате существенного понижения административного статуса (с районного центра на центр сельского поселения) и общей экономической стагнации прилегающих территорий. Общая численность села за рассматриваемый период уменьшилась более чем в два раза — с 3 450 человек в 2002 г. до 1 649 человек в 2015 г. При этом доля коренного населения в численности населения выросла с 23,2% в 2002 г. до 49,2% в 2015 г. В ликвидированном ныне посёлке Каяк в начале 2000-х гг. проживало около 300 человек. С 1947 по 2009 г. здесь, на шахте «Котуй», осуществлялась добыча каменного угля для нужд посёлка Хатанга. В ликвидированном посёлке Эбелях с 1999 по 2007 гг. действовал Анабарский горно-обогатительный комбинат АК «Алроса» и проживало в начале 2000-х гг. около 1 000 человек. В отличие от населённых пунктов с пришлым населением, пункты второго типа (места компактного проживания КМНС) демонстрируют относительную демографическую устойчивость. Общая численность населения населённых пунктов с преобладанием КМНС выросла за рассматриваемый период на 4,3%: с 6 953 человек в 2002 г. до 7 253 человек в 2015 г.

2. Самым многочисленным этносом среди КМНС региона являются долганы. На их долю приходится 76,3% общей численности КМНС и около 60% всей численности населения Хатангско-Анабарского региона. Расселение долган в Хатангско-Анабарском регионе отражено в таб. 4.

Таблица 4

Расселение долган в Хатангско-Анабарском регионе (человек, на 01.01.2015)

	Численность	Доля в общей численности долган региона, %
Сельское поселение Хатанга	3 789	71,8
Анабарский улус	1 489	28,2
Всего долган	5 278	100,0

Другими значимыми этносами КМНС в регионе являются эвенки и эвены (1 521 человек, 22% всех КМНС), специализирующиеся на домашнем оленеводстве и проживающие в наслегах Саскылах и Жилинда. На долю остальных представителей (нганасаны, энцы, ненцы) приходится менее 2% численности КМНС.

Текущая ситуация в экономике. Экстремальные климатические условия (продолжительность отопительного сезона в регионе колеблется от 296 дней (Жилинда) до 325 дней (Юрюнг-Хая, Новорыбная, Сындасско)), низкая плотность населения, высокая ресурсоемкость, очаговый характер промышленно-хозяйственного освоения, использование децентрализованной системы электро- и теплообеспечения, значительная удаленность от крупных хозяйственных центров и зависимость жизнедеятельности от северного завоза обуславливают существенное удорожание социально-экономического развития Хатангско-Анабарского региона.

Ситуация усугубляется тем, что за годы рыночных реформ произошло серьезное обветшание, физический и моральный износ основных фондов всех отраслей жизнеобеспечения территорий региона: транспорта, энергетики, социальной инфраструктуры и ЖКХ.

В настоящее время уровень бюджетных расходов на 1-го жителя составляет в регионе 200–220 тыс. руб. в год. Это на порядок выше, чем в среднем в муниципальных образованиях европейской части страны (20–25 тыс. руб.), Сибирского федерального округа (28,1 тыс.руб.) и в несколько раз выше, чем в субъектах Уральского (53,0 тыс. руб.) и Дальневосточного (84,5 тыс. руб.) федеральных округов.

Доходы в основных видах экономической деятельности региона (промысловая деятельность (охота на диких оленей, рыболовство, пушной промысел) и домашнее северное оленеводство) не способны обеспечить требуемый уровень бюджетных расходов. Среднегодовой доход на одного занятого в отрасли не превышает 8-10 тыс.руб. в месяц при величине установленного прожиточного минимума за 1 квартал 2016 года в Хатангском сельском поселении 26,7 тыс.руб.³, а в Анабарском и Оленекском улусах — 18,4 тыс.руб.⁴.

³ Постановление Правительства Красноярского края № 179-п от 19.04.2016 г.

⁴ Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) № 166 от 24.05.2016 г.

Определённым подспорьем для населения и местных бюджетов Анабарского и Оленекского улусов является деятельность по добыче россыпных алмазов, которую на территории этих районов ведет компания «Алмазы Анабара» (дочернее предприятие АК «АЛРОСА»). Объёмы реализации продукции компании «Алмазы Анабара» (15 489,4 млн. руб.) соответствуют уровню 600 крупнейших компаний России, а размер чистой прибыли (1 697,4 млн. руб.) уровню 200 крупнейших компаний России^{5, 6}.

Вместе с тем, на долю улусов (налоги в местные бюджеты и на выплату заработной платы работникам из числа местных жителей) приходится не более 2-3% формируемых в регионе доходов алмазодобывающей компании, остальные распределяются в федеральный и республиканский бюджеты, на выплату заработной платы работникам — резидентам других районов республики, а также на реализацию инвестиционных программ компании.

Регион относится к зоне вахтового освоения. Численность непостоянного населения (работающих в регионе на вахтовой основе) существенно меняется в течение года из-за сезонного характера занятости. Так, например, общая среднегодовая численность вахтовиков компании «Алмазы Анабара», задействованных на территории Анабарского и Оленекского улусов, составляет около 1,2–1,4 тыс. человек (колеблется в течение года от 1 тыс. человек до 3 тыс. человек). При этом доля местного населения в этой численности не превышает 20–30%, а остальная часть вахтовых работников компании «Алмазы Анабара» формируется за счет жителей других районов Республики Саха (Якутия).

В этих условиях главным источником финансирования сферы жизнедеятельности региона являются бюджетные субсидии и дотации. Доходы местных бюджетов на 35–40% формируются за счёт дотаций, а доля собственных налоговых и неналоговых доходов не превышает 20–25%.

Стратегический потенциал развития и приоритетные направления отраслевой специализации региона во внешнеэкономическом пространстве

Перспективы развития Хатангско-Анабарского региона связаны с разработкой значительных запасов твёрдых полезных ископаемых и углеводородных ресурсов, часть из которых имеет федеральное значение. Среди первоочередных объектов освоения выделяются: Томторское месторождение редкоземельных металлов (РЗМ); освоение шельфа моря Лаптевых и прибрежных акваторий Хатангского и Анабарского заливов; освоение месторожде-

⁵ Рейтинг 600 крупнейших компаний России. URL: <http://raexpert.ru/> (дата обращения: 16.08.2016)

⁶ Годовой отчет компании «Алмазы Анабара» за 2015 год. URL: http://alanab.ykt.ru/uploads/files/2016/07/otchet_2015.pdf (дата обращения: 16.08.2016)

ния россыпных алмазов Эбелях-Гусиный; разработка Котуйского угольного месторождения; освоение Попигайского месторождения импактных алмазов (рис. 1).

Рисунок 1. Обзорная схема проектов освоения минерально-сырьевых ресурсов Хатангско-Анабарского региона.

Условные обозначения:

- ★ – редкоземельные элементы ★ – россыпные алмазы ★ – импактные алмазы
- ★ – нефть и газ ⚙ – когенерационные энергетические установки — – автозимники
- – водные пути 🚢 – порты (речные и морские)

Освоение Томторского месторождения редкоземельных металлов (РЗМ)

Целесообразность и возможность освоения. Освоение Томторского месторождения является одним из главных элементов программы развития добычи и переработки РЗМ до 2020 г. (в рамках Государственной программы РФ «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности на период до 2020 года», утверждённой Постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 328)⁷. Запасы только одного участка Буранный (включающие около трети всех ресурсов месторождения) могут обеспечить внутреннее и экспортные потребности России, намеченные Программой, на сотни лет вперед. При этом руды месторождения (с учетом соотношения мировых цен на редкие элементы)

⁷ Государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (подпрограмма 15. Развитие промышленности редких и редкоземельных металлов). URL: <http://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/17> (дата обращения: 16.08.2016)

являются наиболее привлекательными среди всех российских месторождений и существенно (более чем в 2 раза) превосходят по этому параметру руды крупнейшего в мире редкоземельного месторождения Баюнь Обо (Китай) ⁸.

Технологическая и транспортная схема освоения. Для отработки месторождения в СО РАН (Институт геологии и минералогии (ИГМ), Институт химии и химической технологии (ИХХТ) и Институт экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП)) предложена трехзвенная производственная цепочка: 1) добыча руды (на первом этапе до 100–200 тыс. т, на втором этапе до 500–1000 тыс. т); 2) переработка исходной руды с получением коллективного карбоната редкоземельных элементов (РЗЭ или индивидуальных оксидов редкоземельных элементов; 3) разделение оксидов и индивидуальных РЗМ по цепочкам и получение более ценной конечной продукции [1, Похиленко Н.П., Крюков В.А., Толстов А.В., Самсонов Н.Ю., с. 22–35]. Первичная переработка томторской руды может производиться на Железногорском ГХК (транспортировка руды Томтор — Железногорск автозимником до причала Юрюнг-Хая и далее морскими судами класса «река-море»), конечная переработка — на предприятии по производству редких металлов (Новосибирск или Красноярск) [2, Яценко В.А., с. 26–30]. Выбор конкретных технологических схем глубокой и комплексной переработки первичных концентратов, а также создание необходимых мощностей для получения конечной продукции, требует дополнительных исследований.

Перспективы реализации проекта. В настоящее время совместное предприятие «ТриАрк Майнинг» (под эгидой Госкорпорации Ростех и группы ИСТ) приступило к освоению самого богатого участка месторождения Томтор — «Буранный». Проект стоимостью около 1 млрд. долларов, рассчитанный на период до 2021–2023 гг., предусматривает создание в Томторе горнодобывающего производства мощностью 100 тыс. тонн руды, отработку отходов монацита в Красноуфимске (Свердловская область) и создание гидрометаллургического завода (место размещения не определено) мощностью 4,5 тыс. тонн феррониобия и 10 тыс. тонн оксидов РЗМ (РЗО) в год ⁹.

Слабые стороны и риски проекта. Томторские руды радиоактивны, что обусловлено наличием урана и тория. Это обуславливает необходимость соблюдения соответствующих мер предосторожности при работе с ними и требует дополнительных затрат на утилизацию

⁸ Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2014 году» (Редкоземельные металлы с. 239–246). URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=143955> (дата обращения: 16.08.2016)

⁹ Группа Ист и «Ростех» имеют виды на Томтор (25.04.2013). URL: <http://www.yktimes.ru/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/gruppa-ist-i-rosteh-imeyut-vidyi-na-tomtor/> (дата обращения: 16.08.2016)

радиоактивных отходов. Появление новых зарубежных конкурентов в странах Юго-Восточной Азии (КНДР, Япония), развитие ими собственных высокотехнологичных производств РЗМ и изделий с их использованием, создает в перспективе для Томторского проекта дополнительные конкурентные проблемы. Цены на РЗМ подвержены значительным колебаниям. Высокая волатильность цен на РЗМ создает дополнительные трудности при привлечении инвестиций в этот проект. Недостаточный уровень развития высокотехнологичных производств, формирующих спрос на РЗМ на внутреннем рынке, повышает риски низкой ликвидности получаемой товарной продукции.

***Нефтегазодобывающий комплекс (освоение шельфа моря Лаптевых
и прибрежных акваторий Хатангского и Анабарского заливов)***

Целесообразность и возможности формирования. По оценкам Геологической службы США Северо-Западный и Восточный шельф моря Лаптевых входят в число 25 крупнейших по запасам углеводородов арктических провинций мира, занимая среди них, соответственно, 20-е и 8-е место по ресурсному потенциалу. Их прогнозные запасы составляют 1 425 млн. т. нефтяного эквивалента (2,5% суммарных углеводородных ресурсов Арктики)¹⁰. С учётом имеющихся запасов ресурсов (при коэффициенте извлечения 0,3–0,4), в регионе в перспективе возможно создание крупного нефтегазового комплекса (с пиковой добычей 5–6 млн тонн углеводородов в год), обеспечивающего свое непрерывное устойчивое функционирование в течение нескольких десятилетий. Расположение шельфа моря Лаптевых в районе прохождения Северного морского пути и в зоне транспортной доступности прибрежной инфраструктуры Хатангско-Анабарского региона (порты Хатанга, Юрюнг Хая) обеспечивает необходимые условия для стабильной и конкурентоспособной добычи и транспортировки нефти в районы потребления.

Технологическая и транспортная схема. Для обустройства нефтегазовых месторождений в акватории моря Лаптевых может использоваться технологическая схема разработки месторождения Приразломное в Печорском море на основе морской ледостойкой стационарной платформы (МЛСП)^{11, 12}. МЛСП (производительность до 6 млн т нефти в год) рассчитана на круглогодичную эксплуатацию в течение 25 лет в экстремальных природных климатических условиях при циклических нагрузках дрейфующих льдов. Транспортная схема про-

¹⁰ Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle, 2008 URL: <http://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/fs2008-3049.pdf> (дата обращения: 16.08.2016)

¹¹ Разработка месторождения Приразломное URL: <http://shelf-neft.gazprom.ru/d/blockonthemainpage/04/4/prezentatsiya-proekta-prirazlomnoe.pdf> (дата обращения: 16.08.2016)

¹² Транспортная схема освоения Приразломного месторождения URL: http://ru.rfwiki.org/wiki/Файл:Транспортная_схема_освоения_Приразломного_месторождения.jpg (дата обращения: 16.08.2016)

екта предусматривает использование многофункциональных ледокольных судов и двух челночных танкеров. Для оперативного управления производством и для доставки вахтового персонала и грузов на платформу создана береговая инфраструктура. В её состав входят перевалочная база с вахтовым поселком Варандей для временного размещения персонала, база снабжения и база производственного обслуживания в Мурманске.

Перспективы реализации проекта. Ряд отечественных компаний уже обозначили свой интерес к геологическому изучению и освоению недр шельфа моря Лаптевых. «Роснефть» и «ЛУКОЙЛ» в конце 2015 г. поделили между собой Восточно-Таймырское месторождение в Хатангском заливе. Компания «Роснефть» получила морской участок месторождения (Хатангский участок) с прогнозными ресурсами 82,8 млн. тонн нефти и 228,2 млрд. кубометров газа. «ЛУКОЙЛ» приобрёл лицензию на геологоразведку и освоение прибрежного (Восточно-Таймырского) участка. Ресурсы участка — 4,5 млн. тонн нефти, 9,3 млрд. кубометров газа, 0,5 млн. тонн конденсата^{13, 14}. Дальнейшее развитие событий будет зависеть от скорости подтверждения и объёма нефтяного потенциала приобретенных участков, а также конъюнктуры рынка углеводородов. Учитывая срок от доразведки до принятия инвестиционного решения, а также продолжительность разработки и согласования проектов, строительства и монтажа платформы, танкерного и ледокольного флота, подготовки необходимой морской и береговой инфраструктуры, начало эксплуатации месторождения и добыча первых тонн нефти в самом оптимистичном сценарии ожидается не ранее 2025 г.

Слабые стороны и риски проекта. Углеводородный потенциал шельфа восточной Арктики практически не изучен. Потенциальные нефтегазовые акватории моря Лаптевых очень слабо исследованы в геологическом отношении. Плотность сейсморазведки моря Лаптевых (0,08 пог. км/кв. км) значительно ниже, чем в морях западной Арктики (в Карском море — 0,21 пог. км/кв. км, в Баренцевом и Печорском морях — 0,5 пог. км/кв. км), а также в норвежской части Баренцева моря (1,01 пог. км/кв. км) [3, Конопляник А., Бузовский В., Попова Ю., Трошина Н.]. Выход хотя бы на уровень изученности акваторий Баренцева и Печорского морей будет существенно затруднён в силу природно-климатических факторов и приведёт к существенному удорожанию затрат на разработку выявленных месторождений.

Более сложными (по сравнению с месторождением «Приразломное» в Печорском море) являются транспортные условия функционирования нефтяной платформы в море Лап-

¹³ «ЛУКОЙЛ» начинает разработку нефтяного месторождения в Красноярском крае URL: <http://fedpress.ru/news/econom/industry/1450160746-lukoil-nachinaet-razrabotku-neftyanogo-mestorozhdeniya-v-krasnoyarskom-krae> (дата обращения: 16.08.2016)

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ от 17.12.2015 «О передаче участка недр федерального значения в пользование ОАО «НК «Роснефть»» URL: <http://government.ru/docs/21193/> (дата обращения: 16.08.2016)

тевых. Чтобы организовать круглогодичную проводку судов в этом районе, потребуются суда усиленного ледового класса (Arc7 и выше). Однако атомные ледоколы подобного класса не смогут войти в неглубокое устье реки Хатанга из-за своей осадки. Поэтому для использования порта Хатанга в круглогодичном режиме, потребуется построить специальный флот.

Неблагоприятной остается ценовая конъюнктура на рынке нефти. Рентабельность проекта разработки месторождения «Приразломное» обосновывалась при цене нефти 100 долларов за баррель, в то время как в 2015–2016 гг. она не превышала 50 долларов за баррель.

Освоение месторождения россыпных алмазов Эбелях-Гусиный

Долговременная стратегия развития ведущей российской и мировой алмазодобывающей компании «Алроса», в том числе и её дочерней компании «Алмазы Анабара», основана на приоритетной разработке подготовленных для промышленного освоения крупных месторождений алмазов. Россыпное месторождение на реке Эбелях и ручье Гусиный (далее Эбелях-Гусиный) является крупнейшим в России месторождением россыпных алмазов с разведанными запасами 25,6 млн. карат (2,1% всех балансовых запасов алмазов РФ). По качеству и содержанию алмазов россыпи месторождения Эбелях-Гусиный (1,43 карат/куб. м) превосходят активно разрабатываемые россыпные объекты Ганы (1 карат/куб. м) и Гвинеи (0,7 карат/куб. м)¹⁵. Освоение этого месторождения позволит компании «Алроса» (и компании «Алмазы Анабара») ещё на несколько лет сохранить и укрепить свои позиции на рынке алмазов.

Технологическая и транспортная схема. Технологическая и транспортная схема проекта разработки месторождения Эбелях-Гусиный основана на фактическом опыте промышленной эксплуатации компанией «Алмазы Анабара» сходных россыпных месторождений алмазов в Оленекском и Анабарском улусах (россыпей рек Моргогор, Маят, Кула, Олом, Курунг-Юрях). Разработка россыпных месторождений компанией «Алмазы Анабара» основана на использовании трехэтапной схемы: 1) проведение вскрышных работ с извлечением алмазосодержащих песков; 2) транспортировка и первичная переработка песков в концентрат на площадках передвижных сортировочно-обогачительных комплексов; 3) транспортировка и окончательное извлечение алмазов в цехах сезонной обогачительной фабрики (СОФ) (Удачинский ГОК). Эта технология доказала свою экономическую эффективность и экологическую безопасность¹⁶.

¹⁵ Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2014 году» (Алмазы с. 221-230) URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=143955> (дата обращения: 16.08.2016)

¹⁶ Годовой отчет компании «Алмазы Анабара» за 2015 год URL: http://alanab.ykt.ru/uploads/files/2016/07/otchet_2015.pdf (дата обращения: 16.08.2016)

Перспективы реализации проекта. Реализация проекта идет по плану. Участок Эбелях-Гусиный уже в 2014 г. вышел на проектные показатели отработки алмазосодержащих песков — 1,6–1,8 млн. куб. м в год (2,2–2,5 млн. карат алмазов). Суммарный объем извлекаемых алмазов за период эксплуатации месторождения в 2014–2021 гг. составит 16,7 млн. карат (2,3 млн. карат в год), в том числе на реке Эбелях 13,4 млн. карат (1,7 млн. карат в год) и на ручье Гусиный 3,3 млн. карат (600 тыс. карат в год). При отработке месторождений в соответствии с календарным планом проекта запасы месторождения ручья Гусиный будут исчерпаны к 2019 г. Отработка месторождения реки Эбелях может быть продолжена до 2027 г.¹⁷ *Слабые стороны и риски проекта.* Угрозы проекту связаны с общими тенденциями развития алмазного рынка и долгосрочными тенденциями снижения средних цен на природные алмазы. Согласно некоторым прогнозам природные алмазы (и ювелирные в том числе) через 15–20 лет полностью уступят свое место на рынке синтетическим алмазам¹⁸. Существуют общие риски, связанные с защитой окружающей среды, охраной труда и промышленной безопасностью в районе отработки месторождений реки Эбелях и ручья Гусиный.

Разработка Котуйского угольного месторождения

Целесообразность и возможности. Общая потребность в угле на отопительные нужды Хатангского сельского поселения составляет 40–50 тыс. т каменного угля в год. Завоз такого количества угля в условиях неразвитой транспортной инфраструктуры и удалённости от угледобывающих районов (Норильский промрайон; Саха (Якутия), Кемеровская область, Мурманск и др.) создаёт высокие риски для жизнеобеспечения местного населения и стоит очень дорого. Вместе с тем территория Хатангского сельского поселения располагает значительными запасами собственных каменных углей. Разработка этих запасов позволит снизить затраты на обеспечение углем и повысит надёжность теплоснабжения экономики и населения района. Запасы Котуйского месторождения каменного угля (в 40 км от Хатанги) составляют более 320 млн. тонн и позволяют обеспечить надёжное долгосрочное снабжение каменным углём населения и предприятий Хатангского сельского поселения¹⁹.

¹⁷ Отчёт независимых экспертов о запасах и ресурсах месторождений алмазов группы компаний «АЛРОСА», гл.11 «Экономический анализ», п. 11.8 «Отработка месторождения реки Эбелях и ручья Гусиный» URL: http://www.alrosa.ru/wp-content/uploads/2013/11/Alrosa_Independent_Expert_Report-2013.pdf (дата обращения: 16.08.2016)

¹⁸ Искусственные алмазы оставят Якутию без денег (интервью с экспертом алмазной отрасли Юрием Даниловым). URL: <http://yakutia.com/diamond/558/> (дата обращения: 16.08.2016)

¹⁹ Долгосрочная целевая программа «Строительство шахтного участка №2 Каякского каменноугольного месторождения» (решение Думы Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района от 12.12.2008 г. №02-0017). URL: <http://zakon-region3.ru/4/147741/> (дата обращения: 16.08.2016)

Перспективы реализации проекта. Несмотря на приемлемую экономическую и высокую социальную эффективность, проект строительства шахты Каяк-2 до настоящего времени не реализован и его реализация не предусматривается в планах заинтересованных участников. Основная причина этого в том, что главный выгодополучатель проекта — региональный и местный бюджеты не могут выступить инвестором из-за дефицита (ограниченности) своих финансовых возможностей. Для частного инвестора данный проект не представляет большого интереса из-за того, что экономия бюджетных средств на «северный завоз», связанная с реализацией проекта, находится вне его «кошелька». Проблема финансирования проекта может быть успешно решена при создании действенного механизма государственно-частного партнёрства.

Освоение Попигайского месторождения импактных алмазов

Целесообразность и возможности. В настоящее время мировой объём продаж алмазов технического назначения (15,7 млрд. долл.) в 1,5 раза превосходит объём продаж ювелирных алмазов и развивается гораздо более высокими темпами. Согласно имеющимся прогнозам, в период 2016–2023 гг. рынок технических алмазов будет расти со среднегодовым темпом 7%²⁰. Эти обстоятельства актуализируют решение вопросов, связанных с освоением уникального Попигайского месторождения импактных алмазов. В пределах месторождения заключены гигантские запасы алмазов технического качества (алмазы импактного типа). Предполагаемое общее количество алмазов, содержащихся в Попигайском метеоритном кратере, — несколько триллионов карат. Этих объёмов хватит для удовлетворения современных потребностей мирового рынка технических алмазов (10 млрд. карат в год) на сотни лет.

Технологическая и транспортная схема. Разработка месторождения Попигай не представляет собой технических и технологических сложностей. Для этого может использоваться технологическая и организационная схема, которая на протяжении многих лет успешно применяется на месторождениях россыпных алмазов в Анабарском и Оленекском улусах. Первоочередными объектами для освоения могут стать два разведанных участка — Скальный и Ударный (0,5% общей площади месторождения). Их суммарные запасы (А+В+С1 и С2) достигают почти 268 млрд. карат, а средние содержания алмазов в рудах уникальны (в 2–3 раза выше, чем максимальные концентрации кимберлитовых алмазных трубок) — 18,47 ка-

²⁰ Synthetic Diamond Market — Global Industry Analysis, Size, Share, Growth, Trends and Forecast 2015–2023 URL: <http://www.transparencymarketresearch.com/synthetic-diamond-market.html> (дата обращения: 16.08.2016)

рат/т и 7,13 карат/т соответственно²¹. Учитывая такую высокую концентрацию алмазов, себестоимость их добычи может составить 2,5–3 долл./карат. Учитывая небольшую грузоёмкость продукции Попигайского месторождения, наиболее предпочтительным для её транспортировки является авиатранспорт. В зависимости от места конечной переработки получаемого алмазного концентрата, могут выбираться разные варианты маршрутов: Саскылах — Удачный (Мирный) — Новосибирск или Саскылах — Хатанга — Красноярск [4, Крюков В.А., Самсонов Н.Ю., Крюков Я.В., с. 51–66].

Перспективы реализации. Предварительные оценки показывают, что применение импактных алмазов Попигайского месторождения может стать основой формирования рынка технических алмазов нового поколения и продуктов на их основе. Формирование такого рынка требует разработки долговременной системной стратегии и проведения широкого круга научных и комплексных технологических исследований. Концепция подобной стратегии предложена учёными СО РАН. Завершающим этапом её реализации может стать создание на базе научно-технического комплекса СО РАН, предприятий республики Саха (Якутия) и Красноярского края технологической платформы по переработке и применению алмазов с целью технического и научно-прикладного применения природных микро-, нанополикристаллических алмазов [5, Похиленко Н.П., Крюков В.А., с. 30–35].

Формирование рациональных кооперационных производственных и социально-экономических связей, внутрирегиональной и межрегиональной инфраструктуры

Особенности современного социально-экономического положения, а также сложность задач, связанных с реализацией проектов освоения ресурсов Хатангско-Анбарского региона, обуславливают необходимость рассмотрения стратегии его развития на основе использования программно-целевого подхода и концепции акваторриально-производственного комплексов (АТПК), ориентированных на реализацию программ (стратегий) освоения территорий морского побережья [6, Бакланов П.Я., 1979; 7, Бакланов П.Я., 1987; 8, Бондаренко Л.А., Ионова В.Д., Малов В.Ю., Тарасова О.В.].

Объективными предпосылками формирования АТПК в Хатангско-Анабарском регионе являются следующие факторы: 1) объекты отраслей специализации региона функционируют на берегу и на акватории морей; 2) в структуре хозяйственной деятельности чётко выделяются два блока: территориально фиксированный (производственная деятельность на берегу) и акваторриально мигрирующий (подвижная производственная деятельность на аква-

²¹ Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2014 году» (Алмазы с. 221-230) URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=143955> (дата обращения: 16.08.2016)

тории); 3) связь блоков в единое целое обеспечивается морским транспортом. В общем случае АТПК включает морские (и речные, доступные для судов «река — море») порты, производственные предприятия, прибрежные поселения; 4) соблюдается ключевое требование к формированию производственной структуры АТПК: объекты морского транспорта, нефте- и газодобычи на шельфе и на суше, горнодобывающие предприятия не просто сосуществуют на территории, но и взаимодействуют; 5) эффективность взаимодействия проявляется не только в повышении уровня технического и технологического потенциала хозяйственной деятельности, но и в укреплении доходной части бюджета регионов, в которых будет формироваться АТПК (Красноярский край и Республика Саха (Якутия)); 6) значительная роль в экономике региона отводится внешнеэкономическим связям.

Главными преимуществами реализации проектов развития региона в формате АТПК является комплексный подход, обеспечивающий расширение кооперационных связей и эффективного взаимодействия участников за счёт интеграции (в рациональных масштабах) производственной (транспортной, энергетической) и социальной инфраструктуры. Благодаря этому может быть обеспечено удешевление реализуемых проектов, повышение добавленной стоимости и в конечном итоге — увеличение доходной части бюджетов административных образований. Как следствие, это может создать улучшенные условия для решения дополнительных экономических, социальных и экологических задач. Не менее важным результатом следует рассматривать появление реальных предпосылок для создания и улучшения инвестиционного климата, способствующего привлечению инвестиций, в том числе иностранных.

Транспортная инфраструктура. Ключевым фактором эффективной реализации проектов освоения ресурсов и развития экономики Хатангско-Анабарского региона является создание интенсивных и надежных транспортных связей с важнейшими российскими и мировыми товарными рынками. Несмотря на известные сложности своего экономико-географического положения, Хатангско-Анабарский регион имеет хорошие возможности для решения этой задачи. Перспективы выхода региона во внешнеэкономическое пространство связаны с развитием транспортного коридора «Северный морской путь», включением в него портов Хатанга и Юрюнг-Хая и формированием соответствующей портовой и прибрежной инфраструктуры. В настоящее время морской порт Хатанга (рис. 2) характеризуется низким уровнем развития — адекватным уровнем социально-экономического развития обслуживаемых им территорий сельского поселения Хатанга. В порту перерабатываются продовольственные и рефрижераторные, различные генеральные грузы для арктических населенных пунктов, лесные, навалочные (уголь, песчано-гравийная смесь), нефтеналивные грузы.

Порт также обслуживает регулярные пассажирские перевозки по реке Хатанга и её притокам в населенные пункты Хатангского сельского поселения. Порт функционирует только в период летней навигации (с середины июня до конца сентября). Его могут посещать суда с осадкой до 4,6 м. Перегрузка с морских судов на речные производится на мысе Косистый. Мощность порта составляет 95 тыс. тонн в год (максимальный грузооборот 350 тыс. тонн зафиксирован в 1976 г.)²².

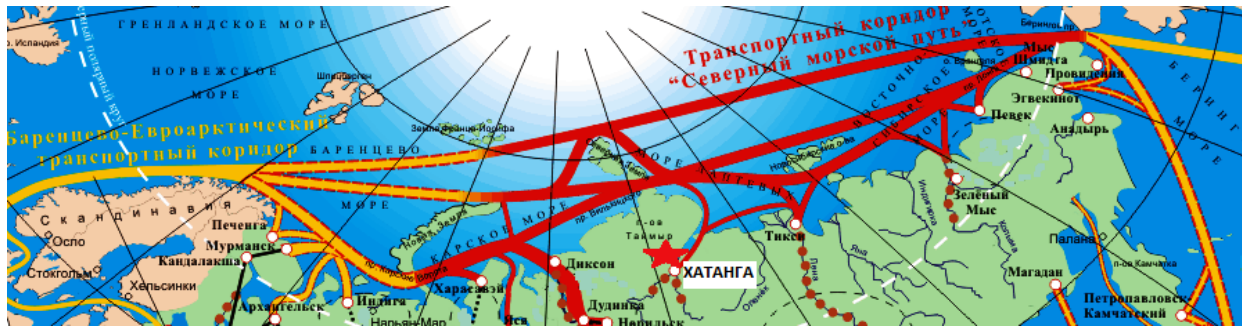

Рисунок 2. Порт Хатанга в системе российских транспортных коридоров в Северном Ледовитом океане [9, Пересыпкин В., Яковлев А.]

Освоение нефтегазовых месторождений на территории сельского поселения Хатанга и на Лаптевоморском шельфе будет сопровождаться увеличением объёмов и интенсивности грузовых и пассажирских перевозок, потребует существенной реконструкции и увеличения мощности порта и создания на его основе крупного транспортно-логистического узла (рис. 3). Перспективы создания транспортно-логистического узла на базе морского порта Хатанги предусматривают²³: 1) реконструкцию портового комплекса с учетом требований Морской доктрины по унификации инфраструктуры для военных и хозяйственных нужд, модернизацию и увеличение мощности морского порта; 2) расширение судоходства на малых реках; 3) развитие систем оповещения и связи по Северному морскому пути и всем водным маршрутам в зоне его влияния: а) строительство станций цифрового радиовещания; б) модернизацию, реконструкцию и техническое оснащение объектов аэронавигационной инфраструктуры, внедрение системы «ГЛОНАСС/GPS»; в) расширение сети аэрологических станций; г) обновление гидрографических карт акватории Хатангского залива и подхода к морскому порту Хатанга, реконструкцию зданий и сооружений гидрографической базы; 4) реконструкцию и включение аэропорта Хатанга в перечень запасных аэродромов для обеспечения безопасности полетов по кроссполярным маршрутам и по организуемой региональной воздушной линии.

²² Морской порт Хатанга URL: <http://polartrans.ru/information/morskoj-port-xatanga.html> (дата обращения: 16.08.2016)

²³ Схема территориального планирования Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района (Том 3) (проектные предложения Водный, воздушный и автомобильный транспорт) //ФГУП Российский государственный научно-исследовательский и проектный институт «Урбанистика». - Санкт-Петербург, 2012 //ФГИС ТП URL: <http://fgis.economy.gov.ru/fgis/> (дата обращения: 16.08.2016)

Рисунок 3. Развитие перевозок и сервисного обслуживания в Хатангском сельском поселении при освоении углеводородных месторождений шельфа

Темпы развития Хатангского транспортно-логистического центра будут определяться сроками и масштабами освоения нефтяных месторождений. Учитывая, что практическая реализация нефтяного проекта ожидается не ранее 2020–2025 гг., создание транспортно-логистического узла Хатанга целесообразно разделить на два этапа: на первом (до 2020–2025 гг.) обеспечить реконструкцию и модернизацию существующей инфраструктуры, на втором (после 2025 г.) приступить к увеличению её мощностей и расширению состава — формированию ремонтно-эксплуатационной базы торгового и специализированного флота; базы формирования и обеспечения высокоширотных экспедиций; организации туристических маршрутов с развитием соответствующей инфраструктуры.

Наряду с портом Хатанга, внешние транспортные связи будут обеспечиваться также через другой морской порт региона — Юрюнг-Хая, который получит соответствующее развитие как перегрузочная база для разработки Эбеляхского месторождения россыпных алмазов, Томторского месторождения редкоземельных металлов, Попигайского месторождения импактных алмазов и предприятий местного АПК²⁴.

²⁴ Схема территориального планирования муниципального района МО «Анабарский национальный (Долгано-Эвенкийский) улус (район) Республики Саха (Якутия)», том II. Материалы по обоснованию схемы (раздел Транс-

Межмуниципальные транспортные связи будут развиваться в зимний период по магистральным автозимникам Дудинка-Норильск-Хатанга (750 км), Хатанга-Попигай-Сысскылах (400 км) и Оленек-Сысскылах-Юрюнг-Хая (730 км), а также по примыкающим автозимникам локального значения, в короткий период летней навигации — по рекам Хатанга и Анабара и их притокам. В *воздушном транспорте* требуются реконструкция и строительство аэродромов, взлетно-посадочных полос и других объектов аэродромной инфраструктуры, формирование парка современных воздушных судов, расширение применения новых типов воздушных судов (гидросамолётов-амфибий, экранопланов-амфибий, самолётов с шасси на воздушной подушке, аэростатических аппаратов).

Энергетическая инфраструктура. В связи со строительством и вводом в действие крупных горнодобывающих предприятий в регионе прогнозируется существенный прирост потребления электро- и тепловой энергии [10, Мельников Н.Н., Конухин В.П., Наумов В.А., Гусак С.А., с. 198–208]. Суммарная нагрузка действующих и новых потребителей в регионе оценивается в 70–80 МВт (без учёта потребностей нефтедобычи на морском шельфе, обеспечиваемых собственной автономной энергетической установкой), в том числе в Хатангском узле 10–15 МВт, в Попигай-Анабаро-Жилиндинском — 60–70 МВт. Для обеспечения надёжного и эффективного энергоснабжения новых предприятий региона, необходимо реконструировать существующие и строить новые генерирующие и электросетевые объекты²⁵. Прежде всего, должен быть решен вопрос о выборе рациональной схемы электроснабжения. Среди основных факторов, влияющих на выбор, выступают, с одной стороны, удалённость от точек возможного подключения и ограничения на присоединение в энергоузле, с другой — наличие транспортной инфраструктуры, возможность и стоимость доставки топлива [11, Иванова И.Ю., Тугузова Т.Ф., Ижбулдин А.К., Симоненко А.Н., с. 187–199]. При этом в первом случае, как правило, требуется реконструкция существующих или строительство новых генерирующих и энергосетевых объектов, во втором — строительство новых автодорог (рис. 4).

порт) // Открытое общество Сахапроект – Якутск, 2012 //ФГИС ТП URL: <http://fgis.economy.gov.ru/fgis/> (дата обращения: 16.08.2016)

²⁵ Отчёт по научно-исследовательской работе «Разработка Схемы и программа развития электроэнергетики Республики Саха (Якутия) на 2014-2018 гг.» //ФГБУН Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН. Иркутск. 2014. 195 с. URL: <https://www.sakha.gov.ru/files/front/download/id/1186981> (дата обращения: 16.08.2016)

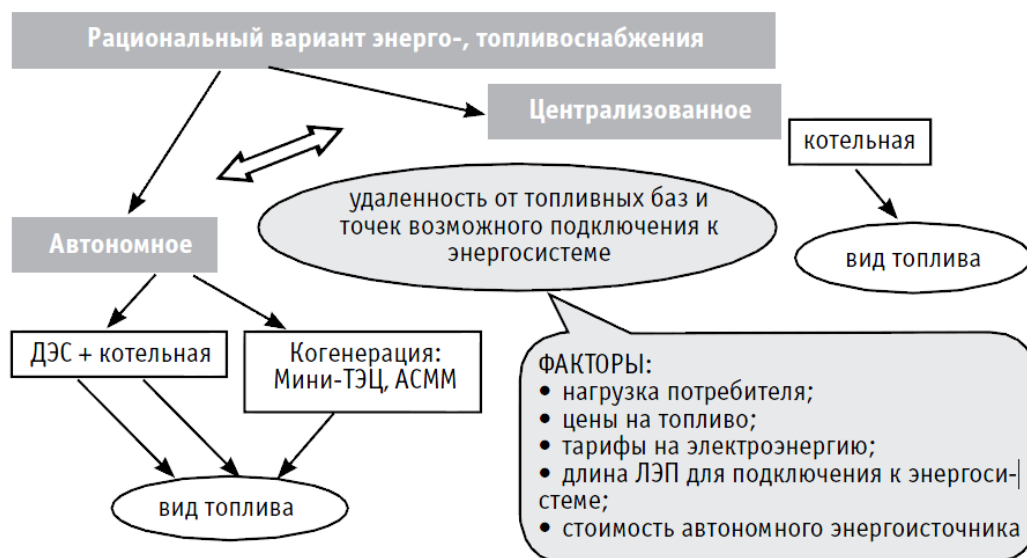

Рисунок 4. Альтернативные варианты энергоснабжения [11]

Предварительные оценки показывают целесообразность формирования двух автономных энергоузлов — Хатангского на базе угольной генерации и Анабарского на базе атомной станции малой мощности (АСММ). В первом случае потребуется строительство мини-ТЭЦ мощностью 10–15 МВт в Хатанге, во втором — размещение АТЭС на базе плавучего энергоблока (ПЭБ) с реакторными установками КЛТ-40С (рис. 5).

Рисунок 5. Плавучая атомная теплоэлектростанция (ПАТЭС) в порту Юрюнг-Хая

Параллельно с этим будет происходить поэтапный вывод из эксплуатации существующих котельных и строительство когенерирующих источников в других населенных пунктах районов.

Организационно-экономические меры, направленные на эффективное использование стратегического потенциала региона

Масштабность, комплексность и сложность реализации пакета проектов, формирующих ядро Хатангско-Анабарского АТПК, требуют адекватного научного сопровождения, а также долгосрочных и скоординированных организационных решений и мер, позволяющих эффективно использовать мультипликативные эффекты обсуждаемых проектов. Для создания Хатангско-Анабарского АТПК необходимо найти эффективные институциональные решения, позволяющие обеспечить многоуровневые, многоаспектные взаимодействия, включающие большое число участников. Поэтому одной из важных задач становится поиск механизмов таких взаимодействий. Создаваемый Хатангско-Анабарского АТПК расположен на территории двух субъектов Российской Федерации (Красноярский край и Республика Саха (Якутия), с одной стороны, имеющих собственное видение будущего, с другой стороны, ограниченных в возможности инвестиционного обеспечения создаваемого экономического комплекса. Перспективные инвестиционные проекты, образующие Хатангско-Анабарский АТПК, будут реализовываться различными экономическими субъектами, что усложняет процесс создания интегральной транспортно-логистической, энергетической и социальной инфраструктуры.

Для преодоления возможных противоречий, организации комплексного освоения территории и снижения непродуктивных издержек необходимо рассмотреть возможность включения Хатангско-Анабарского АТПК в Программу освоения северных и арктических территорий РФ (новую редакцию государственной программы социально-экономического развития АЗРФ на период до 2020 года и дальнейшую перспективу). Ответственным за дальнейшую проработку проекта целесообразно определить федеральную структуру на уровне Государственной комиссии по вопросам развития Арктики (созданной Постановлением от 14 марта 2015 года №228, распоряжением от 14 марта 2015 года №431-р для организации взаимодействия федеральных, региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, других государственных органов и организаций при решении социально-экономических задач развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности). Экономическая активность на территории, расположенной

на сотни километров восточнее существующего Норильского промышленного района, станет подтверждением возможности России по освоению северных и арктических территорий.

Для формирования научно обоснованных организационно-управленческих, социально-экономических и производственно-технологических решений необходимо: 1) разработать и начать реализацию программы научных исследований, включая геологические изыскания, экономические и социально-экономические исследования, разработку стратегии комплексного развития Хатангско-Анабарского АТПК, оценку возможных экологических и социокультурных последствий; 2) начать разработку технологических схем, регламентов и стратегий реализаций инвестиционных проектов на территории Хатангско-Анабарского АТПК; 3) разработать и приступить к реализации федеральной программы по использованию добываемых природных ресурсов (РЗМ, импактные алмазы и др.) для создания новых высокотехнологичных инновационных производств; 4) создать эффективный организационно-экономический механизм по повышению эффектов и расширения возможностей от использования новых природных материалов в экономике страны.

Литература

1. Похиленко Н.П., Крюков В.А., Толстов А.В., Самсонов Н.Ю. Томтор как приоритетный инвестиционный проект обеспечения России собственным источником редкоземельных элементов // Российский экономический журнал «ЭКО». 2014. №2. С. 22–35.
2. Яценко В.А. Оценка приоритетности направлений транспортировки руды ниобий-редкоземельного месторождения Томтор на потенциальные предприятия её обогащения // Международная научная конференция «Экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока. Экономика природопользования, землеустройство, лесоустройство, управление недвижимостью», Сборник материалов. т.1. С. 26–30
3. Конопляник А., Бузовский В., Попова Ю., Трошина Н. Возможности и развилки Арктического шельфа // Нефть России. 2016. № 1-2. С. 12–17
4. Крюков В.А., Самсонов Н.Ю., Крюков Я.В. Межрегиональные технологические цепочки в освоении Попигайского месторождения алмаз-лонсдейлитового сырья // Российский экономический журнал «ЭКО». 2016. № 8. С. 51–66
5. Похиленко Н.П., Крюков В.А. Стратегическое позиционирование Попигайского месторождения лонсдейлитов // Российский экономический журнал «ЭКО». 2012. № 12. С. 30–35
6. Бакланов П.Я. Территориально-акваториальные экономические районы // Социальные и гуманитарные науки: Тихоокеанский XIV науч. Конгресс (Хабаровск, 1979, август). М., 1979. С. 108–110.
7. Бакланов П.Я. Формирование акватерриториальных комплексов и районов на Дальнем Востоке // Приморские регионы: географические и социально-экономические проблемы развития. Сб. науч. тр. Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. С. 84–93.
8. Бондаренко Л.А., Ионова В.Д., Малов В.Ю. Тарасова О.В. Возможности формирования акватерриториально-производственных комплексов (АТПК) в зоне влияния Северного морского пути // В кн. Азиатская часть России: моделирование экономического развития в контексте опыта истории (отв. редакторы Ламин В.А. Малов В.Ю.). Новосибирск. Изд-во СО РАН. 2012. гл. 11. С. 219–242
9. Пересыпкин В., Яковлев А. Северный морской путь в проблеме международных транспортных коридоров. Транспорт Российской Федерации. 2006. №3. с. 17. URL: <http://www.rostransport.com/transportrf/pdf/3/05.pdf> (дата обращения: 16.08.2016)

10. Мельников Н.Н., Конухин В.П., Наумов В.А., Гусак С.А. Реакторные установки для энергоснабжения удаленных и труднодоступных регионов: проблема выбора // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2015. Т. 18. № 2. С. 198–208.
11. Иванова И.Ю., Тугузова Т.Ф., Ижбулдин А.К., Симоненко А.Н. Освоение минерально-сырьевых ресурсов Севера: варианты энергоснабжения // Регион. 2011. № 4. С. 187–199

References

1. Pohilenko N.P., Kryukov V.A., Tolstov A.V., Samsonov N.YU. Tomtor kak prioritetnyi investicionnyi proekt obespechenija Rossii sobstvennym istochnikom redkozemel'nyh elementov, *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal «EKO»*, 2014, № 2, pp. 22–35.
2. Jacenko V.A. Ocenka prioritetnosti napravlenii transportirovki rudy niobii-redkozemel'nogo mestorozhdenija Tomtor na potencial'nye predprijatija ee obogashenija, *Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Ekonomicheskoe razvitie Sibiri i Dal'nego Vostoka. Ekonomika prirodopol'zovanija, zemleustroistvo, lesoustroistvo, upravlenie nedvizhimost'yu»*, *Sbornik materialov*, t.1, pp. 26-30
3. Konopljanik A., Buzovskii V., Popova YU., Troshina N. Vozmozhnosti i razvilki Arkticheskogo shel'fa, *Neft' Rossii*. 2016, №1-2, pp. 12–17
4. Kryukov V.A., Samsonov N.Y., Kryukov Y.V. Mezhhregional'nye tehnologicheskie tsepochki v osvoenii Popigaiskogo mestorozhdenijaalmaz-lonsdeilitovogo syr'ja, *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal «EKO»*, 2016, №8, pp. 51–66
5. Pohilenko N.P., Kryukov V.A. Strategicheskoe pozicionirovanie Popigaiskogo mestorozhdenija lonsdeilitov, *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal «EKO»*, 2012, №12, pp. 30–35
6. Baklanov P.Y. Territorial'no-akvatorial'nye yekonomicheskie raiony, *Social'nye i gumanitarnye nauki: Tihoookeanskii XIV nauch. Kongress (Habarovsk, 1979, avgust)*, M., 1979, pp. 108–110.
7. Baklanov P.Ja. Formirovanie akvateritorial'nyh kompleksov i raionov na Dal'nem Vostoke, *Primorskie regiony: geograficheskie i social'no-ekonomicheskie problemy razvitija. Sb. nauch. tr.*, Vladivostok: DVO AN SSSR, 1987, pp. 84–93.
8. Bondarenko L.A., Ionova V.D., Malov V.YU. Tarasova O.V. Vozmozhnosti formirovaniia akvateritorial'no-proizvodstvennyh kompleksov (ATPK) v zone vlijanija Severnogo morskogo puti, *Aziatskaja chast' Rossii: modelirovanie yekonomicheskogo razvitija v kontekste opyta istorii* (otv. redaktory Lamin V.A. Malov V.Y.), Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 2012, gl. 11, pp. 219–242
9. Peresypkin V., Jakovlev A. Severnyi morskoi put' v probleme mezhdunarodnyh transportnyh koridorov, *Transport Rossiiskoi Federacii*, 2006, № 3, p. 17. URL: <http://www.rostransport.com/transportrf/pdf/3/05.pdf> (Accessed: 16.08.2016)
10. Mel'nikov N.N., Konuhin V.P., Naumov V.A., Gusak S.A. Reaktornye ustanovki dlja energosnabzhenija udalennyh i trudnodostupnyh regionov: problema vybora, *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta*, 2015, T. 18, № 2, pp. 198–208.
11. Ivanova I.YU., Tuguzova T.F., Izhbuidin A.K., Simonenko A.N. Osvoenie mineral'no-syr'evykh resursov Severa: varianty energosnabzhenija, *Region*, 2011, № 4, pp. 187–199.

ОБЗОРЫ. REVIEWS

УДК 639.2

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.196

О состоянии рыболовства в арктических акваториях

© Горнова Анна Михайловна с 2009 г. специализируется в морской и рыбной аналитике. В 2014-2016 гг. — заместитель главного редактора на ведущем отраслевом портале Fishnet. Советник по рыбохозяйственному комплексу депутата Государственной Думы РФ Ледкова Г.П. (VI созыв), член Рабочей группы по совершенствованию законодательства о рыболовстве при Министерстве сельского хозяйства РФ. Руководит московским представительством Фонда восстановления и развития отечественного тунцового промысла «Марлин» (URL: <http://www.fund-marlin.ru/>). Ведёт проект «Морские порты Информ-24» (URL: <http://inform-24.com/port/>). Телефон +7 (903) 719 77 42. E-mail: arabellasea@gmail.com

Аннотация. В настоящее время анклав центральной части Северного Ледовитого океана закрыт льдами для любой промышленной деятельности. Однако в случае продолжения процесса потепления у стран есть реальная перспектива для развития в данном регионе масштабной хозяйственной деятельности, в том числе и промышленного рыболовства. В обзоре дан срез основных мероприятий за 2015 г., направленных на создание международной многосторонней конвенции по управлению рыбными запасами, а также научных рыбохозяйственных исследований в арктическом регионе. Рассмотрено сотрудничество стран, входящих в Арктический Совет, в сфере рыбного промысла в рамках действующих международных соглашений. Также показан видовой состав рыб арктических морей.

Ключевые слова: Арктика, Северный Ледовитый океан, анклав центральной части, рыбный потенциал, рыболовство

Review of fishing in Arctic waters

© Anna M. Gornova since 2009 has specialized in the marine and fisheries analytics. In 2014—2016 Deputy editor at the leading Fishnet industry portal. She is an advisor for Fishery of the Russian Federation State Duma deputy Ledkov G.P. (VI convocation), member of the Working Group on the improvement of legislation on fisheries under the Ministry of Agriculture of the Russian Federation. Supervises the Moscow Representative of the Fund of reconstruction and development of national tuna fishery "Marlin" (URL: <http://www.fund-marlin.ru/>). Leads the project "Seaports Inform-24" (URL: <http://inform-24.com/port/>). E-mail: arabellasea@gmail.com. Phone: +7 (903) 719 77 42.

Abstract. Today the enclave of the central part of the Arctic Ocean is closed by ice for any industrial activity. However, if process of warming goes on, countries have a real prospect for development of large-scale economic activities in the area, including commercial fishing. The article offer cross-section of the major activities in 2015 aimed at the establishment of an international multilateral convention on fishery management and scientific fishery research in the Arctic region. The cooperation of the Arctic Council countries in the field of fisheries in the framework of international agreements is considered, as well as the species composition of fish of the Arctic seas is given.

Keywords: Arctic, the Arctic Ocean, enclave of the central part, fishing potential, fishery

Актуальность исследования определяется возрастающей значимостью международного сотрудничества в сфере рыболовства в северных морях, особенно в центральной части

Северного Ледовитого океана (СЛО) в связи с происходящими изменениями климата и интенсивным таянием льдов в Арктике. Сфера рыболовства в акватории морей СЛО в настоящее время регулируется рядом международных конвенций (договоров, соглашений, комиссий, организаций), в большинстве своём не имеющих непосредственного отношения ко всей акватории СЛО. В их числе: НАФО (англ.: NAFO, Northwest Atlantic Fisheries Organization) — организация по рыболовству в северо-западной части Атлантического океана; НЕАФК (англ.: NEAFC, North-East Atlantic Fisheries Commission), регулирующая рыболовство в Северо-Восточной Атлантике; международные договоры по регулированию промысла морских млекопитающих. Частично промысла в арктическом регионе касается и тихоокеанская конвенция СЗТО (Северо-западной части Тихого океана, включающей Берингово, Охотское и др. моря). Комиссия по анадромным рыбам северной части Тихого океана (НПАФК, англ. NPAFC — North Pacific Anadromous Fish Commission), регулирует изучение и управление запасами лосося, форели. Страны-участницы Конвенции по сохранению запасов анадромных рыб в Северной части Тихого океана — Канада, Япония, Республика Корея, РФ и США. Необходимо иметь в виду, что международные рыболовные конвенции регулируют те анклавы и морские районы промысла, которые не входят в особые экономические зоны (ОЭЗ) прибрежных стран. Соответственно, именно прибрежные страны разрабатывают «правила игры». Другие государства, желающие вести промысел в районах действия международных конвенций, обязаны выполнять эти правила.

В конвенционном районе НЕАФК России выделяются квоты¹ на атлантическую сельдь, океанический окунь, скумбрию. Хорошие перспективы для России имеет здесь развитие промысла путассу и глубоководных рыб. В НАФО Россия входит в число стран-членов, имеющих приоритет в получении наибольших квот вылова. Россия является членом НПАФК, так как лосось у нас обитает на Чукотке и заходит оттуда в море Лаптевых и другие российские акватории. Благодаря членству в НПАФК, Россия с учётом исследований других стран (Канады, США и Японии) формирует для своих рыбаков прогнозы подходов лососей. За годы работы НПАФК улучшилось состояние запасов лососей, в первую очередь — горбуши и нерки [1, Оханов А.А., с. 16].

В 2015 г. в соответствии с международными договорами в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов (ВБР) России были выделены квоты добычи (вылова) ВБР в исключительных экономических зонах иностранных государств (далее — ИЭЗ иностранных

¹ Квота (лат. quota) — норма, доля или часть чего-либо допускаемого в рамках возможных соглашений и договоров. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Квота> (дата обращения: 16.10.2016).

государств) — 354,1 тыс. тонн и в конвенционных районах — 297,2 тыс. тонн. Вылов же российскими судами в 2015 г. в ИЭЗ иностранных государств составил 457,9 тыс. тонн ВБР, в конвенционных районах — 254,6 тыс. тонн, что суммарно составило 712,5 тыс. тонн². Осуществляется также взаимный двухсторонний обмен квотами между странами, входящими в Арктический совет. На рыбохозяйственный комплекс Арктической зоны России приходится до 15% от общих объёмов уловов водных биоресурсов и производимой рыбной продукции в РФ [2, Ю.В. Кочемасов, Б.А. Моргунов, В.И. Соломатин].

Сотрудничество России со странами Арктического Совета в сфере рыболовства

Сотрудничества России со странами Арктического Совета в разрезе взаимного обмена квотами в сфере рыболовства на данный момент выглядит неоднородно. Так, у России с США, с Канадой, с Финляндией, Швецией нет активного обмена рыбными ресурсами, общих квот, но осуществляется сотрудничество по их сохранению, совместным исследованиям ВБР (водных биологических ресурсов), заключению международной конвенции по центральной части СЛО, борьбе с незаконным промыслом водных биоресурсов (ННН-промыслом).

Россия — США. В восточной части российских арктических вод и прилегающих к ним участков открытого моря для России большое значение имеет сотрудничество с США. В 1988 г. СССР подписал Соглашение с США о взаимных отношениях в области рыбного хозяйства. Создан и активно функционирует российско-американский Межправительственный консультативный Комитет (ММК) по рыбному хозяйству. К настоящему времени (окт. 2016) состоялось уже 27 сессий ММК. В 2009 г. с целью сохранения уникальных арктических экосистем США установили мораторий на все виды промысла в Арктической части своей ИЭЗ. 11 сентября 2015 г. в Портленде на 26-й сессии ММК Россия и США подписали соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконным, нерегулируемым промыслом водных биоресурсов (ННН-промыслом)³. Для борьбы с браконьерством РФ и США используют информационный обмен. Предусмотрено взаимное предоставление данных об импорте морских биоресурсов, выгрузке продукции морского промысла, нарушениях и подозрительных судах. Полномочными органами в РФ определены ФСБ и Федеральная таможенная служба, в США — Национальное управление по изучению океанов и атмосферы и Служба береговой охраны. В рамках ежегодных сессий ММК по рыбному хозяйству эти органы проводят консультации по вопросам сотрудничества в области предупреждения, сдерживания и ликвидации ННН-

² Итоги деятельности Федерального агентства по рыболовству в 2015 году и задачи на 2016 год. С.11. URL: http://fish.gov.ru/files/documents/ob_agentstve/kollegiya/itogi_2015_zadachi_2016.pdf (дата обращения: 16.10. 2016).

³ Россия и США заключили антибраконьерское соглашение. URL: <http://fishnews.ru/news/26998> (дата обращения: 14.10.2016).

промысла. На 27-й сессии Российско-американского ММК по рыбному хозяйству, проходившему во Владивостоке 27-28 сент. 2016 г., обсуждались возможности организации совместных исследований в 2017 г. в Беринговом и Чукотском морях ⁴.

Россия — Канада. Ещё в конце 1990-х гг. Канада наложила запрет на весь иностранный промысел в своей зоне, включая выдачу платных лицензий. В пределах СЛО и его морей Канада никогда не вела активный промысел ВБР. В 2014 г. Канада анонсировала План управления Арктическим рыболовством с целью обеспечения устойчивости запасов для коренного населения. Новый план управления рыболовством призван защитить более 800 тысяч км² вод канадского моря Бофорта от крупномасштабного промышленного рыболовства и обеспечить устойчивость ресурса для местных жителей ⁵. В соответствии с планом потенциально возможное в будущем промышленное рыболовство в данном регионе будет допускаться только в качестве научных исследований по оценке состояния запасов.

Россия — Норвегия. Функционируют Постоянный Российско-Норвежский Комитет по вопросам управления и контроля в области рыболовства; Российско-норвежская Рабочая группа по разработке единых технических мер регулирования промысла в Баренцевом и Норвежском морях; Рабочая группа по переводным коэффициентам на продукцию из совместно управляемых запасов водных биоресурсов Баренцева и Норвежского морей; Смешанная Российско-Норвежская Комиссия по рыболовству. Рыболовство России и Норвегии в основном сосредоточено в Баренцевом и Норвежском морях, регулируется обменными квотами. Основные промысловые объекты этих морей — треска, пикша, палтус, сельдь, мойва, креветка, путассу, зубатки и камбалы. Наиболее ценным промысловым видом для обеих стран является атлантическая треска. Норвежские рыбаки в российских водах ловят преимущественно треску, пикшу и северную креветку. Россия ежегодно выделяет Норвегии по 7 тысяч голов гренландского тюленя. Основными объектами российского промысла в норвежских водах являются треска, пикша, сайда, сельдь, зубатка и два вида морских окуней — клювач и золотистый. Ежегодный объём креветки (порядка 40 тыс. т) странами недоиспользуется исследования [3, Глубоков А.И., Афанасьев П.К., Мельников С.П., с. 3–6]. В 2013 г. основной вылов водных биоресурсов в ИЭЗ иностранных государств российскими судами приходился на атлантико-скандинавскую сельдь, вылов которой в зоне Норвегии, в районе архи-

⁴ Россия продолжает тесно работать с США по изучению и охране ресурсов северных морей. URL: <http://www.tinro-center.ru/home/novosti/rossiaprodolzaettesnorabotatssapoizuceniuiohraneresursovsevernyhmorej> (дата обращения: 17.10.2016).

⁵ Промышленное рыболовство в арктических районах Канады может осуществляться только с согласия аборигенов / 19 ноября 2014. URL: http://www.fishnet.ru/news/syrievaya_baza/44600.html (дата обращения: 16.10.2016).

пелага Шпицберген, зоне Ян-Майен и в открытой части Северо-Восточной Атлантики составил 78,3 тыс. тонн⁶. В октябре 2015 г. Росрыболовство и Министерство климата и окружающей среды Норвегии заключили меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в области управления, мониторинга и исследований дикого атлантического лосося в губернии Финнмарк и Мурманской области⁷.

Особого внимания заслуживают некоторые аспекты сотрудничества России и Норвегии на Шпицбергене, имеющего особый статус. С одной стороны, архипелаг находится под юрисдикцией Норвегии, но с другой стороны, Норвегия обязана выполнять условия Шпицбергенского трактата, заключенного в Париже ещё в 1920 г. Несмотря на суверенитет Норвегии над архипелагом, все участники Парижского договора — а это более 50 государств — имеют право осуществлять экономическую деятельность, в том числе рыболовство, в территориальных водах Шпицбергена. В настоящее время здесь наиболее интенсивный промысел ведут Россия (до 60% вылова), Норвегия, страны-члены ЕС, Исландия, Фарерские острова и Гренландия. В районе Шпицбергена российские рыбаки добывают порядка 80 тыс. тонн ВБР, в районе Ян-Майена до 15 тыс. тонн. Основные объекты промысла в этих водах — более 100 тыс. т сельди, порядка 13 тыс. т сайды и до 3 тыс. т зубатки. При этом в данной акватории соблюдаются норвежские правила рыболовства, постоянно происходят случаи задержаний и штрафования российских судов береговой охраной Норвегии [4, Зиланов В.К., с. 9–14]. Порцель А.К. в своей монографии подчёркивает, что введение Норвегией в 1977 г. законодательства о 200-мильной рыбоохранной зоне вокруг Шпицбергена не соответствует международному праву [5, Порцель А.К., с. 51–54]. Многие эксперты отмечают необходимость более энергичной защиты экономических интересов России на Шпицбергене, прежде всего в области рыболовства⁸. Зиланов В.К. и др. придерживается точки зрения, согласно которой район за пределами территориальных вод Шпицбергена является международными водами, где должны действовать правила рыболовства, разработанные в рамках СРНК (регулируются запасы трески, пикши, палтуса, мойвы, краба стригуна — опилио) или НЕАФК.

Россия — Дания. Совместные квоты есть у России с Данией, представляющей в данном случае Гренландию и Фарерские острова. В рамках международных договорённостей

⁶ Итоги деятельности федерального агентства по рыболовству в 2013 г. и задачи на 2014 г. URL: http://www.fish.gov.ru/files/documents/ob_agentstve/kollegiya/Materialy_k_zasedaniyu_Kollegii_Itoги_deyatelnosti_Federalnogo_agentstva_po_rybolovstvu_v_2013_godu_i_zadachi_na_2014_god.pdf (дата обращения: 16.10.2016).

⁷ Росрыболовство раскритиковало Норвегию за вылов дикого лосося. URL: <https://lenta.ru/news/2016/03/15/stopsalmon/> (дата обращения: 14.10.2016).

⁸ Интересы рыбаков в водах Шпицбергена нуждаются в защите. URL: <http://fishnews.ru/news/27580> (дата обращения: 14.10.2016).

Гренландия предоставляет российским рыбакам добывать в своей экономзоне морского окуня и чёрного палтуса, а также возможность 10% прилова донных видов рыб. Объём российского вылова в ИЭЗ Гренландии по основному объекту промысла чёрному палтусу составляет порядка 3–4 тыс. тонн. С 2013 г. российские рыбаки в ИЭЗ Гренландии также ведут промысел скумбрии и сельди по коммерческим договорам. Гренландские суда в экономзоне России в Баренцевом море добывают треску, пикшу и креветку. В ходе российско-гренландских консультаций согласовывается количество судов каждой из стран, которые могут получить разрешения на промысел, а также количество судов, которые могут одновременно находиться (вести промысел) в рыболовной зоне страны. На данном направлении для российской стороны важно стремиться к увеличению российских обменных квот на окуней и палтуса. Для Гренландии, страны традиционно креветочной, с самой современной технологией промысла креветки, интересна возможность освоения российской баренцевоморской креветки, где её промысел находится на весьма низком уровне, составляет лишь треть от рекомендованного наукой ОДУ. В связи с этим у Гренландии хорошие перспективы развития креветочного промысла в российских водах. В ИЭЗ Фарерских островов российскими рыбаками добывается порядка 70 тыс. тонн ВБР, большая доля вылова приходится на путассу — до 50 тыс. тонн и скумбрию — до 20 тыс. тонн. В благоприятные годы по численности этих видов российские квоты на них могут быть увеличены.

Россия — Исландия. В декабре 2015 г. в столице Исландии прошла 15-ая сессия смешанной российско-исландской комиссии по рыбному хозяйству. Международное сотрудничество в рыбохозяйственной сфере между нашими странами базируется на основе действующего трёхстороннего соглашения между Россией, Норвегией и Исландией от 15 мая 1999 г. Оно касается выделения исландским рыболовным судам квот на добычу трески, прилова пикши и других видов ВБР (зубатки, камбалы-ерша, морской камбалы) в ИЭЗ РФ в Баренцевом море. Страны ежегодно анализируют результаты выполнения «Согласованного протокола договоренностей между Россией и Исландией по вопросам, относящимся к системе спутникового слежения за судами», обсуждают вопросы двустороннего научно-технического сотрудничества, а также итоги деятельности двух стран в международных рыбохозяйственных организациях НАФО и НЕАФК. К примеру, по району НЕАФК Исландия предоставляет право российским рыбакам вести промысел сельди, а мы им — трески.

**Открытое море центральной части Северного Ледовитого океана:
на пути к заключению конвенции**

Речь идёт об анклав в СЛО, расположенном за пределами 200-мильных экономических зон приарктических государств, общей площадью 2,8 млн. км² (рис. 1).

Рисунок 1. Международные воды Арктики.

URL: http://img.rg.ru/pril/article/73/12/92/vodi_arktiki-600.jpg

По своему правовому статусу центральная часть СЛО является открытым морем для всех государств, управление рыболовством в ней должно осуществляться на основе Конвенции ООН по морскому праву (UNCLOS — United Nations Convention on the Law of the Sea) 1982 г. и других международно-правовых актов [6, Бекашев К.]. С 2010 г. вопросы сохранения рыбных запасов центральной части СЛО обсуждаются в рамках многосторонних и двусторонних консультаций представителей и экспертов прибрежных арктических государств — Дании, Канады, Норвегии, России и США. Многосторонние консультации состоялись в Осло (Норвегия) в 2010 г., Анкоридже (Аляска, США) в 2011 г., Вашингтоне (США) в апреле — мае 2013 г. и Нууке (Гренландия, Королевство Дания) в ноябре 2013 г. [7, Загорский А.В., Глубоков

А.И., Хмелева Е.Н., с. 26]. США предложили России выйти с обоюдной инициативой создания в данном районе международной конвенции по регулированию рыбных запасов⁹. Однако, придерживаясь принципа, что прежде чем вводить какие-либо запреты и ограничения, должна быть доказана и научно обоснована такая необходимость, Россия на тот момент заняла выжидательную позицию. Росрыболовство во всех международных организациях традиционно придерживается принципа — вначале научные исследования и обоснования, затем регулирование. Прошли не одна международная конференция, многосторонние консультации, были организованы регулярные встречи экспертов, и вопрос сдвинулся с мёртвой точки. Несмотря на массу нюансов и противоречий, страны стали искать компромиссные формулировки.

На международной конференции РСМД «Арктика: регион развития и сотрудничества» 4 декабря 2013 г. в Москве Фонд The Pew Charitable Trusts (Pew) вместе с представителями Госдепартамента США предложили заключить международное соглашение, которое позволило бы контролировать рыболовство в этом арктическом анклав расположенном за пределами ИЭЗ приарктических государств. Предложение было единодушно поддержано экспертами — участниками конференции РСМД.

Вместе с тем, журнал «Арктика и Север» уже тогда прогнозировал, что «делится шкура неубитого медведя», так как арктический анклав не освободился ото льда и запасы ВБР в этой части СЛО фактически не изучены. Предлагалось определить конкретные шаги (дорожную карту) по: 1) изучению запасов биологических ресурсов СЛО в условиях изменения климата (как потепления, так и похолодания); 2) разработке и обсуждению международного правового механизма, контролирующего коммерческое рыболовство с учетом действующей UNCLOS (1982); 3) принятию и общественному обсуждению вариантов Международного арктического соглашения по рыболовству — введению добровольного моратория на добычу в открытом море до получения необходимых научных данных о запасах ВБР. Этот мораторий в международных водах Арктики должна поддержать хотя бы декларативно вся Арктическая G20¹⁰. Нуждается в уточнении и вопрос о корреляции определении «международных вод СЛО» с понятием «континентального шельфа». «Международные вводы СЛО» — это анклав, расположенный за пределами ИЭЗ приарктических государств. Однако согласно Конвенции ООН по морскому праву (1982) за пределами ИЭЗ находится и континентальный арктический

⁹ Антибраконьерское соглашение с США на подходе. 13 сент. 2011 г. URL: <http://fishnews.ru/news/16560> (дата обращения: 17.10.2016).

¹⁰ Лукин Ю.Ф. Мягкая сила в Арктике: контроль рыболовства в циркумполярной зоне. 15.12.2013 // Арктика и Север: Арктические новости. URL: http://narfu.ru/aan/news.php?ELEMENT_ID=98068 (дата обращения: 15.10.2016).

шельф. Все приарктические страны де-факто установили свои исключительные экономические зоны. «Главное яблоко раздора» в СЛО в настоящее время представляет континентальный шельф, морское дно. Спорные акватории между тремя странами показаны на рис.2.

Рисунок 2. Спорные акватории СЛО между Канадой, Данией и Россией (выделены в центре красным цветом).

URL: <http://www.dur.ac.uk/ibru/resources/arctic/>

Исследовательский центр международных границ Даремского университета (IBRU, Durham University).

Чтобы найти компромисс, США предложили даже не включать район Шпицбергена в зону ответственности новой конвенции, но в таком случае под регулирование попадает фактически лишь район, покрытый льдом. И пока не очень понятно, насколько быстро пойдёт процесс потепления. Ведь учёные до сих пор спорят: одни говорят, что идёт глобальное потепление и СЛО постепенно освобождается ото льда, каждые пять лет температура растёт на 1-1,5 градуса, а другие считают, что это природная цикличность: сейчас идёт эпоха потепления, но затем неизбежно наступит эпоха похолодания. Сейчас Центральная Арктика закрыта льдами для любой промышленной деятельности. И даже если площади арктических льдов продолжат сокращаться, промышленный лов станет возможным лишь в течение нескольких недель в году, в период короткого арктического лета. Неясно, смогут ли более южные виды рыб, которых потепление гонит на север, закрепиться в регионе с его экстремальными условиями в достаточных для промышленного лова объёмах. Поэтому вопрос экономически оправданного промысла в центральной Арктике — вопрос времени, требующий осторожности.

16 июля 2015 г. в Осло пять приарктических государств (России, Дании, Канады, Норвегии и США) подписали Декларацию о предотвращении нерегулируемого промысла в центральной части СЛО. В Декларации отмечалось, что промышленное рыболовство в районе открытого моря центральной части СЛО сегодня и в ближайшем будущем маловероятно. В связи с этим необходимость в учреждении региональной рыбохозяйственной организации по управлению рыболовством в данном районе отсутствует. Тем не менее, с целью сдерживания бесконтрольного промысла в данном районе в будущем, страны временно будут придерживаться принципа не разрешать коммерческое рыболовство без ведома региональной либо субрегиональной организаций, либо иных договоренностей. А на время объявленного моратория сосредоточатся на проведении научных исследований в анклав. Таким образом, за время действия добровольного ограничения странам предстоит сформировать общее понимание экологии района и его ресурсов. Кроме того, активную роль в принятии решений по использованию ресурсной базы Арктики смогут принимать коренные народы, которые имеют широкое представительство в Арктическом Совете¹¹.

1–3 декабря 2015 г в Вашингтоне прошёл первый раунд переговоров по соглашению о сохранении рыбных ресурсов в районе открытого моря центральной части СЛО. Однако, чтобы принятый 16 июля 2015 г. «арктической пятеркой» мораторий действительно имел силу для всех остальных стран за пределами Арктики, на встречу в Вашингтон пригласили не только представителей приарктических стран, а также тех, у кого есть интересы в этом районе — Китай, Южную Корею, Японию, Исландию и ЕС.

С 19 по 21 апреля 2016 г. в Вашингтоне прошёл второй раунд переговоров по предотвращению нерегулируемого коммерческого рыболовства в районе открытого моря центральной части СЛО. Во встрече приняли участие делегации Канады, Норвегии, США, России, Дании (Гренландии), КНР, Европейского союза, Исландии, Японии, Республики Корея. В целом они высказались за временные меры для предотвращения ННН-промысла в центральном арктическом анклав, но разошлись во взглядах на их формат. В связи с этим на встрече в Вашингтоне рассматривались три направления возможных действий: 1) принятие расширенной декларации, к которой помимо пяти приарктических государств присоединятся и другие ведущие рыболовные державы — Китай, Япония, Южная Корея, Исландия и ЕС; 2) подписание юридически обязывающего соглашения между всеми участниками переговоров о запрете коммерческого рыболовства в арктическом анклав до получения достаточной информации о рыбных

¹¹ Приарктические государства подписали декларацию о предотвращении нерегулируемого промысла в Арктике. URL: <http://fish.gov.ru/press-tsentr/novosti/5508-priarkticheskie-gosudarstva-podpisali-deklaratsiyu-o-predotvrashchenii-nereguliruемого-promysla-v-arktike> (дата обращения 30.01.2016).

запасах и определения режима правового регулирования в этом районе; 3) возможность создания в обозримом будущем новой региональной организации по управлению рыболовством в центральной части СЛО. Страны-участницы выразили понимание того, что такие временные меры должны включать экосистемный и предосторожный подходы в сочетании с традиционными и местными знаниями¹².

Рыбохозяйственные исследования Арктики

Научные рыбохозяйственные исследования проводили в 2015 г. 14 подведомственных организаций Федерального агентства по рыболовству: ФГБНУ «ВНИРО», «Госрыбцентр», «ТИНРО-Центр», «КамчатНИРО», «МагаданНИРО», «ПИНРО», «СахНИРО» и др. Рыбохозяйственная наука в 2015 г. уделяла внимание исследованиям состояния запасов водных биоресурсов, а также по уточнению ОДУ на текущий год и подготовке прогноза вылова водных биоресурсов на 2016 г.

Комплексные рыбохозяйственные исследования водных биоресурсов арктических акваторий в соответствии с новой пятилетней с 2014 г. программой Росрыболовства успешно провёл Тихоокеанский НИИ рыбного хозяйства и океанографии — ТИНРО-Центр¹³. Первая в истории отраслевых исследований экспедиция НИС «ТИНРО» в Восточно-Сибирское море и море Лаптевых с 1 июня по 25 октября 2015 г. позволила получить уникальные данные об их гидрологии, рыбохозяйственном значении и биологии. Арктическим доминантом оказалась сайка. В южной части Восточно-Сибирского моря учёные встретили 11 видов рыб с общей биомассой 695,3 тонны. Наиболее многочисленными были сайка (60,7% учтённой биомассы) и мойва (16%). В море Лаптевых самой распространённой рыбой также была сайка (около 130 тыс. тонн, почти 99% от всей учтённой ихтиофауны). В целом видовой состав рыб в море Лаптевых оказался разнообразным. Общая биомасса моллюсков на участке работ оценивалась примерно в 216 тонн. На материковом склоне в пределах максимально обследованных глубин (400–504 м) встречался чёрный палтус, что стало загадкой для учёных, была высказана гипотеза, что он проникает в море Лаптевых со стороны Атлантики¹⁴. Специалистам ТИНРО-Центра удалось также сделать масштабную донную съёмку в северо-западной части Берингова моря, которая показала, что запасы трески, палтуса, макруруса и промысловых камбал остаются на хорошем уровне. Биомассу трески в Анадырском районе и Чукотской зоне

¹² Рыболовство в Арктике: от дипломатии к науке. URL: <http://www.fishnotice.com/news?idnews=362948> (дата обращения: 15.10.2016).

¹³ ТИНРО-Центр впервые провёл комплексные исследования в Арктике. URL: <http://www.fish-expert.pro/record/statja/analitika/tinro-tcentr-vpervye-provyol-kompleksnye-issled-r10420> (дата обращения 04.02.2016).

¹⁴ ТИНРО-Центр подвёл итоги уникальной экспедиции. URL: <http://fishnews.ru/news/27595> (дата обращения 01.02.2016).

оценили в 680 тыс. тонн. Биомасса чёрного палтуса составила 36,7 тыс. тонн, но в ходе съёмок было отмечено сокращение количества особей младших возрастов. По результатам донной траловой съёмки общая биомасса минтая оценивалась в 2,7 млн тонн. Биомассу сельди в Западно-Беринговоморской зоне специалисты оценили в 860 тыс. тонн, что соответствует её успешному промыслу. Выросли почти втрое запасы синего краба. Общая численность промысловых крабов в Беринговом море составила 3,8 млрд экземпляров при биомассе 266 тыс. тонн. Из креветок, которые встретились в северо-западной части Берингова моря, наиболее массовыми были два промысловых вида: углохвостая креветка (37,8 тыс. тонн) и северная креветка (20,3 тыс. тонн)¹⁵. В 2015 г. ФГБНУ «ТИНРО-Центр» были продолжены работы по мониторингу состояния среды обитания водных биоресурсов дальневосточных морей, проведена экспедиция в восточный сектор Арктики (море Лаптевых и Восточно-Сибирское).

Институт экономических проблем имени Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН провёл исследования в Западной Арктике и разработал предложения, стимулирующих повышение эффективности и конкурентоспособности рыбной отрасли в Арктике, в том числе по развитию прибрежного рыболовства на новой промышленной основе, выполнил сравнительный анализ экономической эффективности экспорта Россией (Мурманская область) и Норвегией основных валютоёмких промысловых рыб: трески, пикши и сайды¹⁶.

В 2015 г. ФГБНУ «ПИНРО» осуществлялась оценка ВБР и среды их обитания в Баренцевом, Белом, Карском морях для обоснования позиции России в ИКЕС, НЕАФК, НАФО, двусторонних межправительственных комиссиях по рыболовству и других международных мероприятиях. Согласно результатам исследований в 2015 г. в Белом море, юго-восточной части Баренцева моря, юго-западной части Карского моря и пресноводных водоёмах их бассейнов влияние хозяйственной деятельности на состояние промысловых биоресурсов и среду их обитания проходило в пределах природных колебаний. В 2015 г. в форелевом хозяйстве, размещённым в Кандалакшском заливе Белом море, в течение одного вегетационного сезона была выращена радужная форель со средней массой 1900–2700 г.¹⁷

¹⁵ Там же.

¹⁶ Отчёт о НИР по теме «Научные и прикладные основы гос. политики функционирования ресурсно-сырьевой экономики на шельфе и в прибрежной зоне Российской Арктики в условиях глобализации. Апатиты, 2015. URL: <http://www.iep.kolasc.net.ru/vasnir2015.pdf> (дата обращения: 16.10.2016).

¹⁷ Итоги деятельности Федерального агентства по рыболовству в 2015 году и задачи на 2016 год. С.33, 72. URL: http://fish.gov.ru/files/documents/ob_agentstve/kollegiya/itogi_2015_zadachi_2016.pdf (дата обращения: 16.10.2016).

Министерство природных ресурсов РФ в конце 2015 г. утвердило Перечень видов флоры и фауны, являющихся индикаторами устойчивого состояния морских экосистем Арктической зоны РФ¹⁸. К индикаторным видам относят живые организмы, реагирующие на изменения окружающей среды своим присутствием или отсутствием, внешним видом, химическим составом, поведением. При экологическом мониторинге использование индикаторных видов часто даёт более ценную информацию, чем прямая оценка с помощью специальных приборов, так как индикаторы реагируют сразу на весь комплекс воздействий. Кроме того, обладая «памятью», такие организмы реакциями отражают загрязнения за длительный период. Перечень утверждён распоряжением Минприроды РФ от 22 октября № 25-р. Состоит он из 61 пункта. Из рыб туда вошли азиатская зубастая, девятииглая и трехиглая корюшки, сайка, различные виды наваги и северный скат. Из ракообразных — краб-паук и веслоногие раки. Из млекопитающих — белый медведь, морж, кольчатая нерпа, белуха и гренландский кит. Также — бурые, красные, зеленые, диатомовые и динофитовые водоросли, асцидии, щетинкочелюстные, многощетинковые черви, иглокожие, моллюски и птицы. Список рекомендован нефтегазовым компаниям, которые осваивают месторождения на арктическом континентальном шельфе, во внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне России. Документ предлагается использовать в качестве основы для разработки программ сохранения биологического разнообразия.

В целом же России нужна собственная госпрограмма изучения водных биоресурсов Арктики. Отдельной такой комплексной национальной программы пока что у нас нет. Действующие ГП, имеющие отношение к рыболовству, не решают этой задачи. Счётная палата, анализируя выполнение ГП РФ «Развитие рыбохозяйственного комплекса» на 2013–2020 гг. отметила, что «не соответствуют требованию достоверности 35 из 39 целевых показателей, входящих в состав подпрограмм (89% общего количества)¹⁹.

Из числа неарктических стран активным изучением Арктики намерена заняться Южная Корея, где создана сеть южнокорейских научно-исследовательских учреждений, объединяющая порядка 30 организаций. Создание научного консорциума анонсировал 30 сентября 2015 г. министр морских дел и рыболовства Южной Кореи Ю Ги Чжун. Ориентиром в этой работе станет создание Консорциума арктических исследований США в 1988 г. и Японского консор-

¹⁸ Распоряжение Минприроды России от 22.09.2015 № 25-р «Об утверждении перечня видов флоры и фауны, являющихся индикаторами устойчивого состояния морских экосистем АЗРФ». URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=142243> (дата обращения: 30.01.2016)

¹⁹ Государственная программа Российской Федерации «Развитие рыбохозяйственного комплекса» // Информация по итогам экспертизы государственных программ РФ по состоянию на 1 июня 2014 г. Счетная палата РФ: Бюллетень. Спецвыпуск. С. 73–74.

циума арктических экологических исследований в 2011 г. С помощью научной деятельности Южная Корея надеется преодолеть географическое ограничение, не позволяющее ей принимать активное участие в развитии Арктики, где часть акватории — исключительные экономические зоны пяти приарктических государств.

Заключение

Таким образом, центральная часть СЛО в настоящее время не регулируется международной конвенцией по рыболовству. США торопят другие прибрежные государства принять такое соглашение и совместно прописать в регламенты, чтобы страны, не имеющие к арктическому анклаву в центральной части СЛО никакого отношения, не имели возможности в нём вести разведку и освоение недр под видом рыболовства. На сегодняшний день данный район пока ещё покрыт льдом, и предмет регулирования предполагаемого соглашения, договора фактически только создаётся. Тем временем, опасения приарктических стран продолжают нарастать. Разведка недр, проведение научных ресурсных исследований регулируются законами об особых экономических зонах, и прибрежная страна имеет право отказать другой стране в проведении таких видов работ. В большинстве случаев так и происходит.

Сложность проведения мониторинга Арктического региона требует эффективной координации приарктических государств и третьих стран при проведении исследовательских программ и съёмок. Для оценки возможных сценариев дальнейшего изменения экосистем СЛО и пространственного перераспределения видов необходима разработка математических моделей. В ближайшие годы учёным предстоит дать ответ на такие вопросы как: Существуют ли в анклавной центральной части СЛО рыбные ресурсы, потенциально пригодные для промышленного рыболовства? Если такие ресурсы имеются, могут ли они устойчиво эксплуатироваться по отношению к целевому ресурсу и к экосистеме в целом? Каковы перспективы развития рыболовства в центральной части СЛО в будущем? Какие изменения запасов ВБР и зависимых от них видов, а также поддерживающих эти виды экосистем центральной части СЛО и прилегающих районов могут произойти в ближайшие 20–30 лет? Как будет регулироваться правовой статус центральной части СЛО с учётом раздела континентального шельфа между Данией, Канадой, Россией в соответствии с действующей UNCLOS 1982 (The United Nations Convention on the Law of the Sea)?

Несмотря на то, что активный промысел в районе открытого моря центральной части СЛО в ближайшей перспективе маловероятен, климатические и экологические условия задают новые реалии для рыбного промысла в экономических зонах пяти приарктических гос-

ударств, где коммерческое рыболовство активно ведётся и развивается международное сотрудничество.

Литература

1. Оханов А.А. Международное сотрудничество России в области рыболовства // Рыбное хозяйство. 2005. № 1. С. 16.
2. Кочемасов Ю.В., Моргунов Б.А., Соломатин В.И. Эколого-экономическая оценка перспективы развития Арктики // Энергия: экономика, техника, экология. 2005. № 12. С. 60–65.
3. Глубоков А.И., Афанасьев П.К., Мельников С.П. Российское рыболовство в Арктике — международные аспекты // Рыбное хозяйство. 2015. № 4. С. 8
4. Зиланов В.К. Арктическое рыболовство России: проблемы и пути их решения // Рыбное хозяйство. 2014. № 4. С. 9–14
5. Порцель А.К. Россия и Норвегия на Шпицбергене в XX веке: взгляд с российской стороны. Мурманск: Изд-во МГТУ, 2012. 130 с.
6. Бекашев К. Международно-правовое управление рыболовством в Арктике. URL: <http://pro-arctic.ru/07/07/2015/resources/17289> (дата обращения: 16.10.2016).
7. Соглашение по сохранению рыбных запасов в центральной части СЛО // Международное сотрудничество в Арктике. Доклад 2013 / [А.В. Загорский, А.И. Глубоков, Е.Н. Хмелева]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013. С. 24–32.

References

1. Ohanov A.A. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo Rossii v oblasti rybolovstva, *Rybnoe hozjajstvo*, 2005, № 1, p. 16.
2. Kochemasov Y.V., Morgunov B.A., Solomatin V.I. Ekologo-jekonomicheskaja ocenka perspektivy razvitija Arktiki, *Energija: ekonomika, tehnika, ekologija*, 2005, № 12, pp. 60–65.
3. Glubokov A.I., Afanas'ev P.K., Mel'nikov S.P. Rossijskoe rybolovstvo v Arktike — mezhdunarodnye aspekty, *Rybnoe hozjajstvo*, 2015, № 4, p. 8
4. Zilanov V.K. Arkticheskoe rybolovstvo Rossii: problemy i puti ih reshenija, *Rybnoe hozjajstvo*, 2014, № 4, pp. 9–14.
5. Porcel' A.K. *Rossija i Norvegija na Shpicbergene v XX veke: vzgljad s rossijskoj storony*, Murmansk: Izd-vo MGTU, 2012, 130 p.
6. Bekjashev K. *Mezhdunarodno-pravovoe upravlenie rybolovstvom v Arktike*. URL: <http://pro-arctic.ru/07/07/2015/resources/17289> (Accessed: 16.10.2016).
7. Soglashenie po sohraneniju rybnyh zaspos v central'noj chasti SLO, *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v Arktike. Doklad 2013* [A.V. Zagorskij, A.I. Glubokov, E.N. Hmeleva; gl. red. I.S. Ivanov]; Rossijskij sovet po mezhdunar. delam (RSMD), M.: Speckniga, 2013, pp. 24–32.

УДК 338.48

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.211

Арктический туризм в России

© **Лукин Юрий Федорович**, д.и.н., профессор, главный редактор научного журнала «Арктика и Север», Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: lukin.yury@mail.ru

Аннотация. В новой книге «Арктический туризм в России» впервые в литературе системно анализируются основные концепты, ресурсный потенциал, аттрактивность (от лат. attrahere «привлекать»), возможности и угрозы развития экологического, круизного, международного и других видов туризма в Арктике. Сфера туризма становится неотъемлемым сектором экономики, имеет мультипликативный эффект для развития инфраструктуры, социальной сферы, занятости населения. Публикуются справочные материалы о туристских про-

дуктах в Российской Арктике и в сопряжённых регионах Крайнего Севера, включая Архангельскую и Мурманскую области; Республики Карелия, Коми, Саха (Якутия); Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский автономные округа; Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, Туруханский район, город Норильск Красноярского края; Магаданскую область, Камчатский край.

Ключевые слова: *арктический туризм, Россия, регионы, рейтинг, перспективы, туристские продукты*

Arctic tourism in Russia

© **Yury F. Lukin**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Editor-in-chief of "Arctic and North" journal, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University. E-mail: lukin.yury@mail.ru

Abstract. In the new book "Arctic tourism in Russia" the basic concepts, resource potential, attractiveness (from Lat. Attrahere: to attract), opportunities and threats of environmental, cruise, international, and other types of tourism in the Arctic are system-based analyzed, for the first time in the literature. The sphere of tourism is becoming an integral sector of the economy, having a multiplicative effect for the development of infrastructure, social services, employment. Reference materials about the tourism products in the Russian Arctic and Far North regions are published, including the Arkhangelsk and Murmansk regions; Republic of Karelia, Komi, Sakha (Yakutia); Nenets, the Yamalo-Nenets, Khanty-Mansiysk, the Chukotka Autonomous Districts; Taimyr Dolgan-Nenets Municipal District, Turukhansk district, the city of Norilsk of the Krasnoyarsk region; Magadan region, Kamchatka region.

Keywords: *the Arctic tourism, Russia, regions, rating, prospects, tourism products*

В сентябре 2016 г. в Издательском доме САФУ имени В.Н. Булатова вышло из печати научно-справочное издание «Арктический туризм в России» [1]. Это совместная коллективная работа преподавателей, сотрудников, магистрантов, студентов, экспертов трёх крупнейших университетов страны: Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, МГУ имени М.В. Ломоносова, а также Арктического и антарктического научно-исследовательского института, Российского государственного гидрометеорологического университета, Санкт-Петербургского государственного экономического университета и др. Издание включает аналитическую часть и справочник по туристским продуктам части северных регионов страны с учётом того,

что все субъекты Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) легитимно входят в состав районов Крайнего Севера России.

В первой аналитической части книги Н.М. Бызова, Ю.Г. Гаврилов, Е.И. Голубева, Л.Н. Драчкова, К.С. Зайков, Л.О. Зелюткина, А.В. Карпова, Н.И. Кирашева, Е.М. Коростелев, В.С. Кузнецов, Ю.Ф. Лукин, Е.Е. Плисецкий, Д.В. Севастьянов, Т.В. Сидоровская, Н.И. Тульская, Н.К. Харлампова, М.В. Цекина [1, с. 6–117] исследуют основные концепты, туристскую привлекательность арктических островов, ресурсный потенциал, перспективы, возможности и угрозы развития арктического туризма, туристский рейтинг регионов Российской Арктики, проблемы экологического туризма, подготовки кадров для отрасли туризма. Опубликованы следующие статьи:

- ✚ Бызова Н.М. Туристская привлекательность арктических островов в Архангельской области.
- ✚ Голубева Е.И., Тульская Н.И., Цекина М.В., Кирашева Н.И. Проблемы развития экологического туризма в ООПТ Российской Арктики.
- ✚ Драчкова Л.Н. Природно-рекреационный и историко-культурный потенциал Российской Арктики.
- ✚ Кузнецов В.С. Взгляд практика на состояние и перспективы развития туризма в западном секторе Российской Арктики.
- ✚ Лукин Ю.Ф. Туризм в Арктике: концептуальные подходы, ресурсы регионов.
- ✚ Севастьянов Д.В., Коростелев Е.М., Гаврилов Ю.Г., Зелюткина Л.О., Карпова А.В. Международный туризм и рациональное природопользование — современный вектор развития Российской Арктики.
- ✚ Сидоровская Т.В. О разработке и реализации магистерской программы «Туризм в северном измерении».
- ✚ Харлампова Н.К. Теоретико-методологическое обоснование развития туризма в Арктике.

Само понятие арктического туризма практически прочно вошло в оборот управления туристским бизнесом на федеральном и региональном уровнях, в деятельности туристских операторов и агентств. Если говорить об арктическом туризме, как научно-практической дефиниции, то основаниями для её выделения являются, *во первых*, особенности туристско-природного и культурно-исторического потенциала циркумполярного пространства, богатство культурного и природного наследия, включая объекты ЮНЕСКО, наличие значительного количества особо охраняемых природных территорий (ООПТ), акваторий северных морей, что позволяет предлагать исключительно только здесь, в Арктике, уникальные туристские продукты. *Во-вторых*, аттрактивность (от лат. *attrahere* — «привлекать») Арктики, традиционный её имидж как *Terra Incognita* (лат. «неизвестная земля»), что всегда привлекает, ма-

нит, завораживает какую-то часть людей, путешественников, туристов. Арктика даже и в XXI веке остаётся неизведанной землёй, малоизвестной современному человеку. Хотя здесь точнее говорить не о земле («терра») в прямом смысле, не о земной суше, а о большом водно-территориальном циркумполярном (вокруг Северного полюса) пространстве, значительное время в году покрытом льдом.

В-третьих, удовлетворение духовных и иных потребностей, мотивация, психология самого человека, ищущего драйва, сильных впечатлений, желание приобрести особенный турпродукт, кардинально отличающийся от привычных поездок в Сочи, Крым или на Кипр, в Италию. Арктический туризм, даже в морском круизе на комфортабельном судне, в какой-то степени всегда экстремален, психологически проверяет человеческие качества в разных ситуациях. Не следует закрывать глаза и на то, что экстремальный арктический туризм позитивно характеризует личность самого туриста в восприятии родных и близких, коллег по работе, когда, например, люди говорят: «Мы были на Северном полюсе, в Арктике, на островах, где живут белые медведи, прошли Северный морской путь».

В-четвёртых, появление и активное продвижение в маркетинге туристского бизнеса, а также в общественном мнении такого сильного и привлекательного бренда, как «Арктический туризм», развитие его как отрасли экономики, приносящей доход, прибыль, влияющего на социально-экономическое развитие регионов, благосостояние населения.

В-пятых, международная значимость арктического вида туризма, требующего кооперации ресурсов и партнёрства для его организации, обеспечения безопасности и координации усилий в суровых, нередко экстремальных условиях арктического региона.

Всё это вместе взятое и позволяет условно выделить арктический туризм из других видов туризма, как *уникальный туристский продукт, пользующийся спросом у потребителей*. Этот спрос ограничен главным образом лишь кошельком клиента, ценой морских круизов, транспортной труднодоступностью артефактов и красот природы в Арктике. Употребляя деловой язык и официальные концептуальные определения, можно констатировать, что *арктический туризм* — это внутренний и международный туризм в Арктике, являющийся перспективным сектором экономики России. Арктический туризм определяется как выездной или внутренний для граждан, постоянно проживающих в России; или как въездной для иностранных лиц, не проживающих постоянно в нашей стране.

Арктический международный туризм при этом вполне обоснованно охватывает весь арктический регион оказания комплекса туристских услуг не только в Российской Арктике, но и за её пределами. Это Северный полюс, Шпицберген (норв. Svalbard), Аляска (США), Норве-

гия, Гренландия, Исландия, Канада, острова и акватории всех морей Северного Ледовитого океана (СЛО). Такая широкая локализация объектов туристского бизнеса предполагает международную интеграцию. Арктический туризм невозможно развивать в одиночку, так как обеспечение безопасных турпоездов в экстремальных условиях Крайнего Севера (высокоширотные территории АЗРФ полностью входят в его состав) представляется капиталоемким и требующим специфических знаний и компетенции. Несомненно, что эффективное развитие всей инфраструктуры арктического туризма, несмотря на существующие сегодня риски, выступает фактором международного партнёрства и технологической модернизации экономики северных территорий.

Арктический внутренний туризм относится непосредственно только к Российской Арктике, включая сухопутные территории в субъектах и муниципальных образованиях (МО), входящих в АЗРФ, и частично акватории северных морей в Северном Ледовитом океане в исключительных экономических зонах (ИЭЗ) России. Круизные и другие маршруты на Северный полюс при таком подходе могут определяться как продукты международного арктического туризма, хотя какие-то визы и согласования для них возможно и не потребуются.

Туристский рейтинг регионов Российской Арктики, составленный на базе первого национального рейтинга по туризму (2015), выглядит следующим образом:

Место в национальном рейтинге 2015 г.	Субъекты РФ и муниципальные образования, входящие в состав сухопутных территорий АЗРФ по указу Президента РФ от 2 мая 2014 г. №296	балл	Место в арктическом рейтинге
30	Мурманская область	43,0	1
38	Красноярский край: город Норильск, Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, Туруханский район (Игарка)	40,7	2
42	Архангельская область: Архангельск, Мезенский МР, Новая Земля, Новодвинск, Онежский МР, Приморский МР, Северодвинск, острова в Северном Ледовитом океане	39,6	3
52	Чукотский автономный округ	34,2	4
54	Республика Коми: МО город. округ Воркута	33,5	5
58	Республика Саха(Якутия): Аллаиховский улус (район), Анабарский национал. (Долгано-Эвенкийский) улус (район), Булунский улус (район), Нижнеколымский район, Усть-Янский улус (р-н)	32,1	6
62	Ямало-Ненецкий автономный округ	30,9	7
72	Ненецкий автономный округ	27,2	8

Большой аттрактивностью (привлекательностью), как отмечает Н.М. Бызова, обладают острова архипелагов Земля Франца-Иосифа и Новая Земля в Архангельской области. Уникальные природные ландшафты, пейзажное разнообразие морских льдов, покровные ледники, айсберги, арктические реки, разнообразием флоры и фауны формируют уникальные

туристские объекты, что позволяет рассматривать их как факторы, влияющие на формирование туристского потенциала арктических территорий.

Голубева Е.И., Тульская Н.И., Цекина М.В., Кирашева Н.И. (МГУ им. М.В. Ломоносова), рассматривая проблемы и перспективы развития экологического туризма на особо охраняемых природных территориях (ООПТ) в Российской Арктике, предлагают создание единой терминологической базы для понятия «экологический туризм», выделяют его перспективные аспекты, презентуют две карты о национальных парках и заповедниках в РФ. Рассматривая Арктику с точки зрения развития туризма, авторы оценивают специфику экологического туризма в регионе, в которую входят: экстремальные климатические условия (сезонность турпродукта); низкая транспортная доступность, как следствие, высокая стоимость туров; низкое качество информационных ресурсов об экотуризме в Арктическом регионе; визовые проблемы для иностранных туристов; отсутствие гарантированного туристского спроса, как следствие, низкая заинтересованность турфирм; высокая уязвимость арктических экосистем.

Кузнецов В.С., один из инициаторов создания национального парка «Русская Арктика», автор ряда научных и научно-просветительских работ по вопросам истории открытия и освоения арктических архипелагов Земля Франца-Иосифа и Новая Земля, даёт оценку состояния туристской деятельности с точки зрения развивающегося сектора экономики, как результат повышенного интереса людей к отдыху и путешествиям на современном этапе. Он предлагает проект Концепции развития туризма на территории национального парка «Русская Арктика» и государственного природного заказника федерального значения «Земля Франца-Иосифа».

Севастьянов Д.В., Коростелев Е.М., Гаврилов Ю.Г., Зелюткина Л.О., Карпова А.В. (СПб) рассматривая современные проблемы развития рекреации и международного туризма в Арктике, анализируют зарубежный опыт рекреационного природопользования и социально-экономической роли развития туристско-рекреационной сферы в полярных широтах в условиях современных изменений климата и ландшафтов, причины недостаточного освоения туристских ресурсов арктического сектора России, перспективы развития инфраструктурного и транспортного обеспечения туристской доступности полярных регионов.

В справочном разделе книги публикуются сведения о туристских продуктах в АЗРФ, а также в сопряжённых регионах Крайнего Севера, включая Архангельскую и Мурманскую области; Республики Карелия, Коми, Саха (Якутия); Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский автономные округа; Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, Туруханский район, город Норильск Красноярского края; Магаданскую область, Камчатский

край. Авторами-составителями туристского справочника по регионам являются студенты и магистранты: В.С. Бондина, О.А. Гильдеева, М.В. Дубровин, Р.В. Елецкая, А.В. Елизарова, А.П. Зуевская, А.Г. Иванова, В.А. Иванова, Д.А. Ивановский, А.В. Копеева, Э.Н. Кручинина, К.М. Мамедов, М.А. Мардаровский, И.А. Мох, К.Н. Осовская, Т.А. Сивцова, Е.И. Сидельникова, А.П. Терехова, В.В. Тимофеев, П.Н. Чех, С.П. Шапаренко, Е.Н. Шестакова. В справочнике опубликованы визитные карточки 11 субъектов РФ (Мурманская и Архангельская области, НАО, Республика Коми, ЯНАО, Республики Карелия и Саха (Якутия), Чукотский АО, ХМАО-Югра, Магаданская область, Камчатский край) и 11 муниципальных образований (Архангельск, Северодвинск, Новодвинск, Новая Земля, Приморский, Мезенский и Онежский муниц. р-ны, Воркута, Таймырский Долгано-Ненецкий муниц. р-н, Норильск, Туруханский р-н) Крайнего Севера, с учётом того, что все арктические территории входят в его состав. В этом разделе собрана имеющаяся доступная информация о туристских компаниях и маршрутах, которые они предлагают в регионах, с указанием программы по дням, общей временной длительности предлагаемых туров, их стоимости. Эта информация постоянно обновляется в реальной жизни, но в целом справочник даёт объективную картину состояния развития арктического туризма в настоящее время.

В приложении даются адреса и телефоны органов управления туризмом [1, с. 234–235], отдельные нормативно-правовые акты о развитии туризма, принятые в регионах [1, с. 236–252]. Публикуется Резолюция 4-го заседания Арктического экспертного клуба «Арктический туризм в России» от 17 февраля 2016 г., подготовленная К.С. Зайковым и Е.Е. Плисецким [1, с. 253–256].

Опубликованное справочное издание предназначено для преподавателей и научных сотрудников, студентов вузов, туристов и туристских организаций, региональных органов власти и управления в Арктике, на Севере России, для всех, кто интересуется развитием арктического туризма. С электронной версией «Арктический туризм в России» можно познакомиться в Арктической энциклопедии электронного научного журнала «Арктика и Север» по адресу: URL: http://narfu.ru/aan/Encyclopedia_Arctic/ind.php

Литература

1. Арктический туризм в России / отв. редактор Ю.Ф. Лукин; [составитель туристского справочника по регионам Н.К. Харлампьева]; Сев. (Арктич.) федер. ун-т; Санкт-Петерб. гос. ун-т. Архангельск: САФУ, 2016. 256 с.

References

1. *Arkticheskij turizm v Rossii* / отв. redaktor Y.F. Lukin; [sostavitel' turistskogo spravochnika po regionam N.K. Harlamp'eva]; Sev. (Arktich.) feder. un-t; Sankt-Peterb. gos. un-t, Arhangel'sk: SAFU, 2016. 256 p.

Summary

Авторы, аннотации, ключевые слова

Authors, abstracts, keywords

ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, СОЦИУМ И КУЛЬТУРА ECONOMICS AND POLITICAL SCIENCE, SOCIETY AND CULTURE

Sandi Lansetti The “keep in the ground future” of Arctic fossil fuel resources

Лансетти, Санди Будущее арктических запасов ископаемого топлива — оставаться в земле

Abstract. It is extremely important to understand which role Arctic fossil fuel resources will play in the development and geopolitics of the Arctic region. The article analyses the recent trends in the world energy supply with special focus on renewable energy and future demand for fossil fuels. Focusing on the Arctic LNG projects it comes to the conclusion that there is a growing possibility that the majority of Arctic oil and natural gas will be kept in the ground. Such an outcome would strongly influence the sustainable development and geopolitics of the region.

Keywords: *Arctic fossil fuels, renewable energy, carbon budget, oil and gas demand, transport electrification, Yamal LNG, International cooperation*

Аннотация. Чрезвычайно важно понимать, какую роль арктические запасы ископаемого топлива будут играть в развитии и геополитике Арктического региона. В статье анализируются последние тенденции в мировой энергетике с особым акцентом на возобновляемые источники энергии, рассматривается спрос на ископаемые виды топлива в будущем. Особое внимание уделяется арктическим СПГ-проектам. По мнению автора, существует высокая вероятность того, что запасы большей части арктической нефти и природного газа так и останутся в недрах земли, что окажет заметное влияние на развитие и геополитику региона.

Ключевые слова: *арктическое ископаемое топливо, возобновляемая энергия, бюджет углерода, спрос на нефть и газ, электрификация транспорта, Ямал СПГ, международное сотрудничество*

Jukka Nyysönen A cosmopolitan, Sami-friendly scholar? Väinö Tanner on the best way to treat the Sami

Нюссонен, Юкка Дружественный саамам учёный-космополит? Вайнё Таннер о наилучшем способе обращения с саамами

Abstract. The topic of this article is Väinö Tanner's views on Sami policies, which are examined from numerous perspectives, including his personal career and Nordic Sami policies. The discursive resources that he re-produced are also charted. Of the Sami policies in existence at that time, Tanner advocated the Swedish variant, which suited better the agenda of his scholarly production on the Skolt Sami. The origins of his choice are located in his long-term professional contact with Swedish experts on the Sami and the expert role provided by Swedish discourses on the Sami. The anti-Finnish agenda in his scholarly production, and his consequent wish to elevate the Sami in the hierarchies of that time, rendered the more aggressive Norwegian rhetoric on the Sami unusable. In addition, Tanner showed signs of a cultural sensitivity that made him suspicious of assimilative policies.

Аннотация. В данной статье рассматриваются идеи Вайнё Таннера о политике в отношении саамов, взятые из многочисленных источников, в том числе из описания его личной карьеры и североευропейской политики касательно саамов, включая дискурсивные ресурсы, которые он создал. В существующей в то время политике в отношении саамов он выступал за шведский вариант, наиболее подходящий для круга вопросов в его работах о народности скольт-саамов. Его выбор объясняется более долгим профессиональным общением со шведскими экспертами по теме саамов и его ролью эксперта в этих дискуссиях. Антифинские вопросы в его научных работах и соответствующее желание поднять позицию саамов в иерархии превратили более агрессивную норвежскую риторику о саамах в непригодную для использования. Кроме того, он показал признаки культурной чувствительности, которые сделали его достаточно осторожным в отношении ассимиля-

Keywords: *Väinö Tanner, Sami research, History of Sami policies, History of minority policies*

тивной политики.

Ключевые слова: *Вяйнё Таннер, исследование народов Саами, история политики в отношении саамов, история политики малых народностей*

Астахова И.С., Жданова Л.Р. Геологическое наследие академических экспедиций на арктическом побережье Европейской части России

Irina S. Astakhova, Liliya R. Zhdanova The geological heritage of academic expeditions on the Arctic coast of European Russia

Аннотация. В работе кратко описывается история и результаты исследований геологии Арктических территорий. Отражены научные результаты, полученные сотрудниками Института геологии КНЦ УрО РАН в результате экспедиционных работ начиная с 1958 г. Приведены данные по геологическим коллекциям с арктических территорий северо-восточной части Восточно-Европейской платформы, Тиманского кряжа и северной части Уральской складчатой системы с продолжающей её островной цепью (Вайгач, Новая Земля). Геологический музей им. А.А. Чернова может являться региональным научно-образовательным ядром по сохранению историко-культурного и природного наследия Арктики.

Ключевые слова: *научные исследования, экспедиции, Арктика, геологический музей, коллекция*

Abstract. The work briefly describes the history and research results of geology of the Arctic territories. It reflects the scientific results obtained during field works of the Institute of Geology of Komi Science Centre of the UB of the RAS since 1958. The data on geological collections from the Arctic territories of the North-Eastern part of the East European platform, Timan and the Northern Ural with islands Vaigach, Novaya Zemlya is given. Geological Museum named after A.A. Chernov can be a regional research and education core for the conservation of historical, cultural and natural heritage of Arctic.

Keywords: *scientific research, expeditions, Arctic, geological museum, collection*

Бабёнышева К.С. Этнодемографические процессы среди саамов современной Норвегии

Kseniia S. Babenysheva Ethnodemographic processes among the Sami of modern Norway

Аннотация. На основе использования статистических данных и сравнительного анализа в статье являются этнодемографические процессы среди саамов Норвегии в 2000—2013 гг., в том числе: динамика численности, естественный прирост, факторы и причины, обусловившие их в исследуемый период. Проведён краткий анализ литературы по теме исследования. Стабильная экономическая ситуация в целом способствует улучшению положения саамов. На современном этапе созданы соответствующие условия для сохранения традиционного экономического уклада, этнической идентичности саамов, основой которого является развитие языка.

Ключевые слова: *коренные народы, Норвегия, саамы, этнодемографические процессы*

Abstract. On the basis of statistics and comparative analysis the article shows ethnodemographic processes among the Sami of Norway in 2000—2013, including the dynamic of population, natural increase, factors and reasons which caused them in this period. The short analysis of references has been made. Stable economic situation is improving the conditions of Sami. At the modern stage, special conditions for keeping the Sami's ethnic identity are arranged, the basis of which is the language development.

Keywords: *indigenous people, Norway, Sami, ethnodemographic processes*

Голомидова П.С., Сабуров А.А. Государственная политика в отношении коренных народов Аляски: исторический обзор и современные проблемы

Polina S. Golomidova, Aleksander A. Saburov State policy towards indigenous peoples of Alaska: historical review and contemporary issues

Аннотация. В статье проанализированы основные этапы развития политики в отношении коренных народов Аляски и её влияние на аборигенные культуры с начала российской колонизации в XVIII в. по настоящее время. Авторы приходят к выводу о том,

Abstract. The article analyzes main stages of policy development towards indigenous peoples of Alaska and its influence on aboriginal cultures from the beginning of Russian colonization in the 18th century up to present time. The authors conclude that current

что современную политику в отношении коренных народов Аляски в целом можно признать успешной и способствующей развитию традиционных культур. Среди её достижений можно выделить высокий уровень самоорганизации и самоуправления индигенного населения, законодательно закреплённые права на землю и ресурсы, успехи в сохранении культурного наследия. Вместе с тем проблемы социально-экономического характера, с которыми сталкиваются коренные жители, представляют потенциальную угрозу для политической стабильности на Аляске.

Ключевые слова: *Аляска, коренные народы, политика, аккультурация, сегрегация, ассимиляция, мультикультурализм, права*

policy towards indigenous peoples in Alaska can be generally evaluated as successful and supporting development of traditional cultures. The main achievements of this policy are: high level of self-organization and self-government of Alaska natives, legally secured rights for land and resources, progress in conservation of cultural heritage. However, social and economic challenges faced by indigenous people present a potential threat to the political stability in Alaska.

Keywords: *Alaska, indigenous peoples, policy, acculturation, segregation, assimilation, multiculturalism, rights*

Кондраль Д.П., Морозов Н.А. Изучение Арктической зоны Российской Федерации: опыт политологического анализа

Dmitry P. Kondral, Nikolai A. Morozov Studying the Russian Arctic: the experience of political analysis

Аннотация. Авторами рассмотрены основные направления политологического изучения вопросов развития северных регионов страны, теоретических и прикладных исследований в области стратегического управления процессами пространственно-территориального развития Севера и Арктики России. Систематизированы и обобщены ключевые направления политологических исследований по вопросам управления этими процессами, проанализированы основные внешне и внутривнутриполитические вопросы развития арктических и приарктических регионов страны, связанные с качеством системы политического управления процессами их пространственного и социального развития. Исследованы механизмы учёта интересов ключевых акторов на Севере России, приведены рекомендации по совершенствованию механизмов управления процессами пространственного и социального развития северных регионов страны. Исследователи отмечают развитие новой парадигмы рассмотрения Севера и Арктики России, предполагающей признание ценности северных территорий не только как ресурсной базы страны, а, первоначально, как социальных образований.

Ключевые слова: *Арктическая зона, Россия, Север, политологический анализ, принятие управленческих решений, исследование процессов, стратегические проекты*

Abstract. The authors discuss the main directions of the political science study of the issues of development of northern regions of the country, the theoretical and applied research in the field of strategic management processes of spatial and territorial development of the North and the Russian Arctic. Key areas of political studies on the management of these processes are systematized and summarized, the main external and internal issues of the Arctic and subarctic regions of the country are analyzed, connected with the quality of the political process control systems of their spatial and social development. The mechanisms of accounting of interests of key actors in the North of Russia are investigated, recommendations for improving process of control mechanisms of spatial and social development of the northern regions of the country are given. The researchers specify the development of a new paradigm of considering the North and the Russian Arctic, involving the recognition of the value of the northern territories, not only as a resource base of the country, but mostly as social formations.

Keywords: *the Arctic zone, Russia, North, political analysis, management decisions, research processes, strategic projects*

Котлова Е.С. В поисках баланса: шведская модель этнической политики на современном этапе
Ekaterina S. Kotlova Searching for balance: Swedish ethnic policy model today

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются модели этнической политики Швеции в отношении коренного населения, национальных меньшинств и

Abstract. The article is devoted to ethnic policy models in Sweden regarding indigenous population, national minorities and migrants. It seems most important to

мигрантов. Наиболее важным представляется проанализировать этнополитические модели (аккультурации, ассимиляции, сегрегации и интеграции), обстоятельства, повлекшие за собой изменения государственной политики, а также их эффективность в условиях современной кризисной ситуации.

Ключевые слова: этнонациональная политика, коренные народы, миграция, Швеция, интеграция, национализм

Медведева О.Е., Вакула М.А. Методика отбора инвестиционных проектов ликвидации накопленного вреда окружающей среде в Арктической зоне России на основе анализа затрат и выгод

Olga E. Medvedeva, Marina A. Vakula Technique of the selection of investment projects for elimination of accumulated damage to the environment in the Russian Arctic based on cost-benefit analysis

Аннотация. Ущерб, причинённый природной среде Арктики в прошлые годы, достаточно велик и требует устранения. Ликвидация последствий причинённого в прошлом вреда требует значительных инвестиций. В условиях ограниченности финансовых ресурсов необходим отбор наиболее эффективных с позиций общества проектов. Инструментом такого отбора может стать оценка эколого-экономической эффективности проектов по ликвидации прошлого экологического вреда на основе анализа затраты-выгоды, заключающаяся в учёте нерыночных экологических эффектов восстановления окружающей среды Арктики. В статье приводится алгоритм такой оценки и отбора проектов и примеры его применения.

Ключевые слова: ущерб окружающей среде, прошлый экологический вред, эколого-экономическая оценка эффективности, анализ затраты-выгоды

analyze the ethnic policy models (acculturation, assimilation, segregation and integration policy) and circumstances which caused changes in state policy, as well as the efficiency in conditions of the modern crisis situation.

Keywords: ethnic policy models, indigenous people, migration, Sweden, integration, nationalism

Abstract. The damage caused to the natural environment of the Arctic in recent years is too large and requires removal. The elimination of environmental damage requires large investments. In conditions of limited financial resources it is necessary to select the most efficient projects. The evaluation of environmental and economic efficiency of projects of the elimination of the last environmental damage can become the tool of such selection, based on the cost-benefit analysis, this evaluation consists of accounting of non-market environmental effects of restoring the environment of the Arctic. The article presents an algorithm of such evaluation and selection of projects and examples of its application.

Keywords: environmental damage, last environmental damage, ecological and economic evaluation, cost-benefit analysis

Мелкая Л.А. Возможности социального проектирования в аспекте подготовки детей-северян с особыми потребностями к взрослой самостоятельной жизни

Lia A. Melkaya The possibility of social planning in the aspect of training children-northerners with special needs to independent adult life

Аннотация. Проблема неподготовленности детей-северян с особыми потребностями к взрослой жизни исследуется с использованием дефиниции самостоятельности, а возможное решение указанной проблемы заключается в реализации такой технологии социальной работы как социальное проектирование. Феномен самостоятельности анализируется как некий критерий взрослости и особенности становления данного качества у детей с особыми потребностями. Концептуально обосновываются возможности социального проектирования в рамках подготовки детей-северян с особыми потребностями к взрослой самостоятельной жизни. Эмпирическое исследование проведено в январе — мае 2016 г. методом экспертного опроса с помощью специально разработанной анкеты. В процессе реализации проекта «Школа самостоятельности для детей с инвалидностью на Севере» в Архангельске апроби-

Abstract. The problem of lack of training of northerner children with special needs to adulthood is investigated using the definition of independence, and possible solution to this problem is to implement such a technology of social work as social project planning. The phenomenon of self-sufficiency is analyzed as a criterion of maturity and features of formation of such quality for children with special needs. The possibilities of social project planning in the frame of preparation of northerner children with special needs to adult independent living are conceptually stated. Empirical research conducted in January — May 2016 by the expert survey with the help of a specially designed questionnaire. In the process of realization of the project "School of independence for children with disabilities in the North" in Arkhangelsk the technique of social project planning has been tested. According to the results of the study, the specific recommendations

рована технология социального проектирования. По итогам проведённого исследования разработаны специальные рекомендации, адресованные, главным образом, некоммерческим организациям. Становление самостоятельности позволит расширить границы безопасного и комфортного осуществления жизнедеятельности северянами с ограниченными возможностями и инвалидностью в неблагоприятных природно-климатических условиях. В рамках реализации технологии социального проектирования возможно создание «Арктической школы самостоятельности для северян с особыми потребностями».

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями и инвалидностью, самостоятельность, социальное проектирование, северные условия проживания

Минчук О.В. Этнонациональная политика Республики Коми: нормативное и инфраструктурное обеспечение

Oleg V. Minchuk Ethnonational policy of the Komi Republic: normative and infrastructural support

Аннотация. К Арктической зоне Российской Федерации в Республике Коми относится территория муниципального образования городского округа «Воркута». Говорить о некоей специфической «арктической» этнонациональной политике в этом муниципальном образовании, отличной от модели республиканского масштаба, не приходится. Поэтому исследуется этнонациональная политика в целом всей республики, а затем раскрываются её особенности в МО ГО «Воркута», входящем в АЗРФ. Анализ перечня нормативных и стратегических документов, отражающих специфику данного вопроса, в совокупности с существующей разветвлённой инфраструктурой, позволяет сделать вывод о сформированности региональной модели этнополитики в Республике Коми. При этом отмечается несогласованность ряда документов друг с другом, отдельные несоответствия федеральным стандартам этнополитики. Этнополитика в МО ГО «Воркута» в целом осуществляется в рамках регионального тренда. Нормативное обеспечение включает в себя различные муниципальные программы и планы. Делается вывод о необходимости совершенствования концептуальных основ арктического вектора этнополитики.

Ключевые слова: Республика Коми, Воркута, этнонациональная политика

addressed primarily to non-profit organizations have been developed. Formation of independence will enhance the borders of safe and comfort life for northerners with special needs and disabilities in adverse climatic conditions. In the frame of implementation of the social engineering technique the creation of the "Arctic school of independence for northerners with special needs" is possible.

Keywords: children with disabilities, independence, social engineering, northern living conditions

Abstract. The territory of the municipality of the city district "Vorkuta" is referred to the Arctic zone of the Russian Federation in the Komi Republic. It is not necessary to talk about some specific "Arctic" ethno-national policy in that municipality, different from the model of the national scale. Therefore, ethno-national policy is analyzed in general for the whole Republic, and then its features are revealed in the municipality "Vorkuta," which is the part of the Russian Arctic. The analysis of the list of regulating and strategic documents reflecting the specifics of the matter, together with an extensive existing infrastructure, allows to conclude about the formation of a regional model of ethnic policy in the Komi Republic. In addition, the incoordination of a number of documents is noted, as well as some inconsistencies of ethno policy to federal standards. Ethno policy in municipality "Vorkuta" is generally carried out in the framework of a regional trend. Standard maintenance includes various municipal programs and plans. The conclusion about the need to improve the conceptual foundations of the Arctic vector of ethno policy has been made.

Keywords: Komi Republic, Vorkuta, ethnonational policy

Смирнова О.О., Липина С.А., Кудряшова Е.В., Крейденко Т. Ф., Богданова Ю.Н. Формирование опорных зон в Арктике: методология и практика

Olga O. Smirnova, Svetlana A. Lipina, Elena V. Kudryshova, Tatyana F. Krejdenko, Yulia N. Bogdanova Formation of the support zones in the Arctic: methodology and practice

Аннотация. Основой методологического подхода в

Abstract. The article describes the basic principles and

формировании опорных зон является вектор развития территории как целостного проекта по принципу обеспечения взаимоувязки всех «отраслевых» мероприятий на этапах планирования, целеполагания, финансирования и реализации, что позволит сократить все виды затрат и издержек. Все проекты, входящие в эти опорные территории, должны быть нацелены на развитие арктического макрорегиона в целом, а не только на решение отдельных отраслевых задач. Формирование опорных зон направлено на достижение единой глобальной цели — повышение эффективности и диверсификации экономики Арктической зоны, ориентированное на сохранение и развитие Северного морского пути.

Ключевые слова: Арктика, опорные зоны, стратегическое планирование, СМП, региональная экономика, пространственное развитие, национальная безопасность, государственная программа, развитие Северного морского пути

Соколова Ф.Х. Миграционные процессы в Российской Арктике
Flera H. Sokolova Migration processes in the Russian Arctic

Аннотация. В статье на основе анализа и обобщения официальных статистических данных раскрывается динамика миграционных процессов в Российской Арктике в XXI в., что актуально в условиях интенсификации процессов перемещения населения в стране и мире, значимо в контексте защиты национальных интересов страны в Арктике и укрепления человеческого потенциала в регионе в целях обеспечения его устойчивого инновационного социально-экономического развития. Отмечается, что на протяжении всей истории освоения Арктики миграция являлась одним из важнейших факторов её социально-экономического и культурного развития. XX в. был ознаменован интенсивным миграционным притоком населения, что способствовало превращению малозаселенных территорий в промышленно и культурно развитый регион. Динамика миграционных процессов в начале XXI в. свидетельствует о противоположной тенденции. Миграционный отток населения, который несколько замедлился в первое десятилетие XXI в. (по сравнению с 1990-ми гг.), в последние годы вновь начал набирать темпы. В арктических субъектах стремительно сокращается численность населения, наблюдается тенденция оттока молодёжи и высококвалифицированных кадров. Имеющийся состав населения и трудовых иммигрантов не позволяет полностью удовлетворить потребность рынка труда в кадрах соответствующей квалификации. Регион испытывает

methodological bases of formation and development of the supporting areas of the Russian Arctic. The work emphasizes that the basis of the methodological approach in the formation of the supporting areas is a vector of development of the territory as an integral project on the principle of coordination of all "industrial" activities in the planning, goal-setting, financing and implementation, which will allow to reduce all kinds of costs and expenses, as well as all the projects included in the supporting areas should be aimed at the development of the macro-region as a whole, not just to solve individual tasks of the industry. The article underlines that the formation of the supporting areas is aimed at achieving a single global goal - to encourage efficiency and diversification of the economy of the Arctic zone, oriented to the preservation and development of the Northern Sea Route.

Keywords: Arctic, supporting areas, strategic planning, the NSR, regional economics, spatial development, national security, the government program, the development of the Northern Sea Route

Abstract. On the basis of analyzing and summarizing of official statistics, the article reveals the dynamics of migration processes in the Russian Arctic in XXI century, which is important in conditions of intensification of population movements in the country and the world, and is significant in the context of defending the country's national interests in the Arctic and strengthening the human potential in the region in order to ensure its sustainable innovative economic and social development. It is noted that throughout the history of Arctic exploration, migration has been a major factor in its socio-economic and cultural development. XX century was marked by intensive migration of the population influx, which contributed to the transformation of sparsely populated areas into an industrially and culturally developed region. The dynamics of migration processes in the beginning of the XXI century shows the opposite trend. The migration outflow of the population, which has slowed down in the first decade of the XXI century (compared to the 1990s), in recent years has once again started to gain pace. The regions of the Arctic have a rapidly declining population, there is a trend of outflow of young and highly qualified personnel. The existing structure of the population and labor migrants does not fully meet the labor market demand for suitably qualified personnel. The region is experiencing an acute need for government support and well-thought-out policy to consolidate and attract population.

острую потребность в государственной поддержке и четко продуманной политике по закреплению и привлечению населения.

Ключевые слова: *Российская Арктика, XXI век, народонаселение, миграция, миграционные процессы*

Keywords: *the Russian Arctic, XXI century, population, migration, migration processes*

Шишацкий Н.Г., Брюханова Е.А., Ефимов В.С., Матвеев А.М. Стратегическое позиционирование Арктического региона как объекта территориального развития (на примере Хатангско-Анабарского региона)

Nikolay G. Shishatskiy, Elena A. Bryukhanova, Valery S. Efimov, Alexander M. Matveev Strategic positioning of the Arctic region as an object of territorial development (on the example of the Hatangsko-Anabarsky region)

Аннотация. Анализируются современное состояние и проблемы социально-экономического развития региона, расположенного в арктической зоне Восточной Сибири на территории двух субъектов Российской Федерации (Красноярского края и Республики Саха (Якутия)), в бассейнах рек Хатанга и Анабар, впадающих в море Лаптевых Северного Ледовитого океана. Рассмотрены возможности, ограничения и перспективы реализации приоритетных инвестиционных проектов освоения минерально-сырьевых ресурсов региона. Показана целесообразность формирования акваториально-производственного комплекса (АТПК), основанного на использовании интегрированной транспортной логистики Северного морского пути и рациональных схем энергоснабжения в регионе. Рассмотрены научно-методические и организационно-экономические задачи по разработке стратегии формирования Хатангско-Анабарского АТПК.

Ключевые слова: *стратегическое позиционирование, стратегический потенциал развития региона, приоритетные инвестиционные проекты, транспортно-энергетическая инфраструктура, Северный морской путь, акваториально-производственный комплекс (АТПК), стратегия формирования АТПК*

Abstract. The paper analyzes the current state and problems of social and economic development of the region located in the Arctic zone of Eastern Siberia at the territory of two entities of the Russian Federation (Krasnoyarsk region and Republic of Sakha (Yakutia), in the catchment of rivers Khatanga and Anabar, running into Laptev Sea of the Arctic Ocean. The possibilities, restrictions and prospects of implementation of priority investment projects of development of mineral raw material resources of the region are considered. Feasibility of forming of the aqua-territorial industrial complex (ATIC) based on the use of the integrated transport logistics of the Northern Sea Route and rational schemes of power supply in the region is shown. Scientific, methodical, organizational, economic tasks on development of strategy of forming of Khatanga-Anabar ATIC are considered.

Keywords: *strategic positioning, strategic potential of development of the region, priority investment projects, transport and energy infrastructure, the Northern Sea Route, aqua-territorial industrial complex (ATIC), strategy of forming of ATIC*

ОБЗОРЫ. REVIEWS

Горнова А.М. О состоянии рыболовства в арктических акваториях
Anna M. Gornova Review of fishing in Arctic waters

Аннотация. В данный момент времени анклав центральной части Северного Ледовитого океана закрыт льдами для любой промышленной деятельности. Однако в случае продолжения процесса потепления у стран есть реальная перспектива для развития в данном регионе масштабной хозяйственной деятельности, в том числе и промышленного рыболовства. В материале дан срез основных мероприятий за 2015 г., направленных

Abstract. Today the enclave of the central part of the Arctic Ocean is closed by ice for any industrial activity. However, if process of warming goes on, countries have a real prospect for development of large-scale economic activities in the area, including commercial fishing. The article offer cross-section of the major activities in 2015 aimed at the establishment of an international multilateral convention on fishery management and scientific fishery research

на создание международной многосторонней конвенции по управлению рыбными запасами, а также научных рыбохозяйственных исследований в арктическом регионе. Рассмотрено сотрудничество стран Арктического Совета в сфере рыбного промысла в рамках действующих международных соглашений, а также показан видовой состав рыб арктических морей.

Ключевые слова: Арктика, Северный Ледовитый океан, анклав центральной части, рыбный потенциал, рыболовство

Лукин Ю.Ф. Арктический туризм в России

Yury F. Lukin Arctic tourism in Russia

Аннотация. В новой книге «Арктический туризм в России» впервые в литературе системно анализируются основные концепты, ресурсный потенциал, аттрактивность (от лат. attrahere «привлекать»), возможности и угрозы развития экологического, круизного, международного и других видов туризма в Арктике. Сфера туризма становится неотъемлемым сектором экономики, имеет мультипликативный эффект для развития инфраструктуры, социальной сферы, занятости населения. Публикуются справочные материалы о туристских продуктах в Российской Арктике и в сопряжённых регионах Крайнего Севера, включая Архангельскую и Мурманскую области; Республики Карелия, Коми, Саха (Якутия); Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский автономные округа; Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, Туруханский район, город Норильск Красноярского края; Магаданскую область, Камчатский край.

Ключевые слова: арктический туризм, Россия, регионы, рейтинг, перспективы, туристские продукты

in the Arctic region. The cooperation of the Arctic Council countries in the field of fisheries in the framework of international agreements is considered, as well as the species composition of fish of the Arctic seas is given.

Keywords: the Arctic, the Arctic Ocean, enclave of the central part, fishing potential, fishery

Abstract. In the new book "Arctic tourism in Russia" the basic concepts, resource potential, attractiveness (from Lat. "attrahere": to attract), opportunities and threats of environmental, cruise, international, and other types of tourism in the Arctic are system-based analyzed, for the first time in the literature. The sphere of tourism is becoming an integral sector of the economy, having a multiplicative effect for the development of infrastructure, social services, employment. Reference materials about the tourism products in the Russian Arctic and Far North regions are published, including the Arkhangelsk and Murmansk regions; Republic of Karelia, Komi, Sakha (Yakutia); Nenets, the Yamalo-Nenets, Khanty-Mansiysk, the Chukotka Autonomous Districts; Taimyr Dolgan-Nenets Municipal District, Turukhansk district, the city of Norilsk of the Krasnoyarsk region; Magadan region, Kamchatka region.

Keywords: the Arctic tourism, Russia, regions, rating, prospects, tourism products

Редакционный совет журнала «Арктика и Север» /
Editorial board of “Arctic and North” journal

1. Alfred Colpaert (Альфред Кулпарт), доктор географических наук, профессор физической географии и геоинформатики, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
2. Arild Moe (Арилд Мое), кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Фритьофа Нансена, Норвегия.
3. Jens Petter Nielsen (Йенс Петтер Нильсен), доктор исторических наук, профессор отделения истории и религиоведения, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
4. Jukka Nyysönen (Юкка Нюссонен), доктор философии, профессор отделения культурологии, Университет Тромсё — Арктический Университет Норвегии.
5. Lassi Heininen (Ласси Хайнинен), доктор политических наук, профессор арктической политики, отделение социальных наук, Университет Лапландии, Финляндия.
6. Maria Lähteenmäki (Мария Лахтенмаки), доктор философских наук, профессор истории, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
7. Natalia Loukachev (Лукашева Наталья Вячеславовна), доктор юридических наук, заведующая кафедрой управления и прав коренных народов, отделение политических наук, Университет Британской Колумбии, Канада.
8. Øyvind Ravna (Ойвинд Равна), доктор юридических наук, профессор права юридического факультета, Университет Тромсё — Арктический Университет Норвегии.
9. Paul Josephson (Пол Джозефсон), доктор политических наук, профессор, отделение истории, Колби Колледж, США.
10. Дрегалю Александр Алексеевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления САФУ им. М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
11. Зайков Константин Сергеевич, кандидат исторических наук, директор Арктического центра стратегических исследований САФУ имени М.В. Ломоносова.
12. Кефели Игорь Фёдорович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д.Ф. Устинова (Санкт-Петербург). Главный редактор журнала «Геополитика и безопасность». Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
13. Котляков Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор, директор Института географии РАН (Москва). Действительный член Российской Академии наук, член Европейской академии наук, иностранный член Французской и Грузинской академий наук. Учёная степень Doctor Honoris Causa Тбилисского государственного университета. Почётный член Американского, Мексиканского, Итальянского, Грузинского, Эстонского и Украинского географических обществ, Почётный президент Русского географического общества. Член Межправительственной группы экспертов по проблеме изменения климата, удостоенной (2007) Нобелевской премии мира. Лауреат 11 золотых медалей и премий, в том числе Государственной премии РФ в области науки и техники (2001).
14. Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор САФУ имени М.В. Ломоносова.
15. Лукин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Арктика и Север» САФУ имени М.В. Ломоносова. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

16. Неёлов Юрий Васильевич, доктор технических наук, почётный профессор Тюменского государственного нефтегазового университета. Действительный член Академии экономики, финансов и права. Член Совета Федерации Федерального Собрания РФ (Москва). Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники.
17. Селин Владимир Степанович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Апатиты). Заслуженный экономист России.
18. Соколова Флера Харисовна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой регионоведения и международных отношений САФУ имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
19. Тоскунина Вера Эдуардовна, доктор экономических наук, кандидат геолого-минералогических наук, директор Центра «Недропользование в арктических регионах: экономические и правовые аспекты», профессор САФУ имени М.В. Ломоносова.
20. Ульяновский Виктор Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления САФУ имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
21. Федоров Павел Викторович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина, руководитель лаборатории геокультурных исследований и разработок Автономной некоммерческой организации ВПО «Международный банковский институт» (Санкт-Петербург).

Утверждён на заседании редакции журнала «Арктика и Север»

28 октября 2016 года

Выходные данные / Output data**АРКТИКА и СЕВЕР**

DOI 10.17238/issn2221-2698.2016.25

Главный редактор — Лукин Юрий Фёдорович. E-mail: lukin.yury@mail.ru

Редактор — Шепелев Евгений Александрович. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Художественный редактор (английская версия) — Санталова Елена Валентиновна.

E-mail: santalova2008@yandex.ru

Размещение на сайте — Шепелев Евгений Александрович

Свидетельство о регистрации — Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 года

Учредитель — ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова»

Адрес учредителя: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17

Адрес для писем и иной корреспонденции: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, редакция журнала «Арктика и Север»

Электронный адрес редакции: arcticandnorth@yandex.ru

Подписано «в печать» для размещения на сайте: <http://narfu.ru/aan> — 17.11.2016

ARCTIC and NORTH

DOI 10.17238/issn2221-2698.2016.25

Editor-in-chief — Lukin Y. F. E-mail: lukin.yury@mail.ru

Editor — Shepelev E. A. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Art editor (English version) — Santalova E.V. E-mail: santalova2008@yandex.ru

Placement on the webpage by E.A. Shepelev

Registration certificate EI № FS77-42809 from November 26, 2010

Founder — Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

Address of the founder: 17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002

Address for letters and other correspondence: to Y.F. Lukin, “Arctic and North” journal, 17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002

E-mail address of the editorial office: arcticandnorth@yandex.ru

Signed for placement on the webpage: <http://narfu.ru/aan> on 17.11.2016